

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ЛЕСНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ“ • МОСКВА • 1967

Д.м. Райгородов

РОДНАЯ ПРИРОДА

(очерки натуралиста)

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

В настоящее издание включены отдельные очерки из книг Д. Н. Кайгородова: «Из родной природы» (Петербург, 1915 г.), «Из царства пернатых» (Санкт-Петербург, 1908 г.) и «Черная семья» (Москва, 1922 г.).

В сборнике, подготовленном для переиздания общественным советом редакции «Живая природа», сохранены особенности языка и своеобразие стиля автора, оставлены прежние географические названия, административно-территориальное деление и календарные даты; текст приводится с незначительными сокращениями.

Отдельные места некоторых вошедших в сборник очерков (очерки написаны более 50 лет назад) в наше время воспринимаются как анахронизм. Однако эти устаревшие положения интересны тем, что позволяют судить о колоссальных изменениях в жизни нашей страны (в частности, о бурном развитии лесохимии и других лесопромышленных отраслей), происшедших за годы советской власти.

Д. Н. КАЙГОРОДОВ—УЧЕНЫЙ, ПЕВЕЦ И ЗАЩИТНИК ПРИРОДЫ (1846—1924 гг.)

Маленькая яркая бабочка-голубянка села на лист, неуверенно подвигала крылышками и не успела утвердиться, как широкий кисейный сачок уже подхватил ее.

Высокий молодой офицер с нашивками технической службы стоял у группы деревьев среди обширного заводского двора и внимательно разбирал свой пестрый улов. Вот он двинулся дальше к зданию одного из цехов порохового завода, но по дороге несколько раз останавливался, вслушиваясь в голоса птиц, пiski и возню в кустарнике. Охтинский пороховой завод располагался на окраине Санкт-Петербурга; несколько заводских цехов — маленьких фабрик были разбросаны на большой, до 40 десятин, заводской территории, среди довольно живописной местности с речкой Охтой и перелесками, населенными разнообразной птичьей мелкотой.

Поручик Дмитрий Кайгородов, недавно переведенный из конно-артиллерийского полка, квартировавшего в Люблинской губернии Царства Польского, на должность технического офицера-порохододела, с увлечением занимался естественной историей, наблюдал и ловил птиц и насекомых, собирал гербарий, определял травы, много и серьезно читал.

В воскресный день, запасшись биноклем и ружьем, молодой поручик отправлялся в свои натуралистические экскурсии. На лодке по широкой запруженной Охте он поднимался вверх к далекому лесистому Медвежьему

Стану или Мурину, где растительность была богаче и разнообразней, а птиц и насекомых больше.

Его детство (Д. Н. Кайгородов родился 31 августа 1846 г.) прошло на окраине маленького белорусского городка Полоцка. Там он сблизился с природой и любил ее. Мальчиком он много времени проводил в отцовском саду, играя и работая, страстно увлекался рыбной ловлей, а с тринадцати лет стал охотиться с ружьем.

Отец — преподаватель Полоцкого кадетского корпуса — сам любитель природы и мать не препятствовали сыну большую часть свободного времени проводить в природе, на берегах речушки Полоты, притока Западной Двины.

В Полоцке Дмитрий Никифорович окончил кадетский корпус и начал службу в конной артиллерии. Но детство, прошедшее среди лугов и в лесах, оставило глубокий след. Когда же двадцатилетнему офицеру попали в руки книги «Жизнь птиц» А. Брема и «Естественноисторический атлас» Шуберта с красочными таблицами птиц, они помогли ему сделать окончательный выбор. С этого момента его прогулки в природу приобрели новый смысл и значение. Молодой офицер стал страстным орнитологом. С небольшим охотничьим ружьем он прилежно исследовал окрестные леса, поля и болота: каждую новую встреченную птицу внимательно высматривал и выслушивал, а затем добывал ружьем, и, принеся домой, — худо ли, хорошо ли — определял при помощи Брема и Шуберта... Таким путем в течение нескольких месяцев он составил коллекцию ног, крыльев и хвостов сотен видов наиболее распространенных птиц.

Переехав затем (в 1867 г.) на жительство в Петербург, Д. Н. Кайгородов продолжал знакомиться с миром птиц, пользуясь преимущественно биноклем и лишь в редких случаях прибегая к помощи ружья.

Жизнь на пороховом заводе была спокойная и во многом способствовала приобретению первых научных знаний. Завод работал лишь шесть месяцев в году, с 15 апреля по 15 сентября, а остальное время у офицеров походило на каникулы, когда можно было много читать и пополнять свое образование. Возможности для этого были. При заводской химической лаборатории имелась библиотека, которой заведовал старший брат Дмитрия

Никифоровича. Здесь молодой натуралист нашел такие интересные книги, как «Растение» Шлейдена, «Дерево» Шахта, «Жизнь животных» Брема, «Таблицы для определения насекомых» Богданова, «Гнезда, норы и логовища» Вундта, «Петербургская флора» (определитель) Шнейдера, «Лес» Россмеслера и многие другие. Под рукой была и хорошо оборудованная лаборатория. В ней-то Дмитрий Никифорович и исследовал детально под микроскопом образцы деревьев, растений.

С осени 1868 года Дмитрий Никифорович усиленно посещает лекции известных русских ботаников профессоров Котельщикова и Бородина, химиков — Энгельгардта и П. Лачинова, академика Кокшарова, читавшего минералогию, и Дм. Лачинова, преподававшего физику и метеорологию. В 23 года он поступает вольнослушателем в Земледельческий (впоследствии Лесной) институт и начинает систематическое изучение биологии.

В это время Дмитрий Никифорович сдружился с одним из заводских рабочих, опытным птицеловом. Вместе они совершали дальние экскурсии, наблюдали, ловили и изучали птиц. Многие эпизоды из птичьей жизни, подсмотренные в этот период, вошли потом в увлекательные книги Д. Н. Кайгородова. Нередко Дмитрий Никифорович посещал семью форстмейстера¹ Дица, полковника корпуса лесничих, и вместе с его тремя сыновьями участвовал в разнообразных видах охоты. Это пополняло биологические знания молодого ученого и обостряло его наблюдательность.

С 1871 года Д. Н. Кайгородов начал вести регулярные записи фенологических наблюдений, расширявшиеся год от года и послужившие основой для создания первой в России фенологической сети, носящей и поныне имя Кайгородова. Эти наблюдения Дмитрий Никифорович продолжал до конца своей жизни, привлекая к работе все больше и больше любителей и знатоков природы разного возраста и разных специальностей, из всех слоев русского общества.

Успешные занятия в институте столь же успешно завершились защитой кандидатской работы, и в 1872 году Дмитрий Никифорович получает звание кандидата сельского хозяйства, а затем и предложение Министерства

¹ Форстмейстер (нем.) — лесничий.

земледелия — отправиться за границу для пополнения образования и подготовки к руководству новой создающейся в институте кафедрой лесной технологии.

В 1873 году, теперь уже штабс-капитан Д. Н. Кайгородов выходит в отставку, получает чин по корпусу лесничих и уезжает на два года в Германию, Австрию, Францию и Швецию, где изучает лесную технологию и местную природу, занимается в Таранской лесной академии (близ Дрездена) и на лесном факультете Цюрихского политехникума.

Осенью 1875 года двадцатидевятилетнего ученого вновь можно было часто встретить в Земледельческом институте и в окрестностях Петербурга. С этого времени и затем в течение более 30 лет он возглавлял кафедру лесной технологии и лесного инженерного искусства, состоял в звании профессора (с 1882 года), почетного профессора и помощника директора Лесного института. Дмитрий Никифорович опубликовал много работ по лесной технологии.

Но прямой и ясный путь ученого-технолога не исчерпывает круга научных и общественных интересов Д. Н. Кайгородова.

Вся его деятельность отличалась страстностью и большой любовью к природе. Эти качества, редко соединенные с талантом ученого-популяризатора и писателя-лирика, а также с большим трудолюбием и методичностью, сделали его имя широко известным и уважаемым во всей России. Дмитрия Никифоровича знали и знают как замечательного натуралиста, популяризатора естественнонаучных знаний, горячего пропагандиста охраны живой природы.

Д. Н. Кайгородов был не только просветителем, но и пробудителем любви к природе у самых разных слоев русского общества. Организовав впервые в России фенологическую сеть, он привлекал к непосредственным наблюдениям в природе и школьников, и взрослых и регулярнейшим образом поддерживал переписку с сотнями своих корреспондентов. Дмитрию Никифоровичу доводилось получать письма о ходе весны и в прозе и в стихах, а однажды он получил открытку от одного из крестьян, написанную на бересте. Его благодарили за великолепные книги и брошюры о природе, ставшие в то время буквально настольными, за бесплатную присылку шко-

лам своих произведений, за поэзию и страстность, воспитывавшие любовь к родному краю.

Начиная с 1872 года, когда в одном из окраинных рабочих кварталов Петербурга Дмитрий Никифорович прочел членам кружка «Любителей просвещения» Охтинского порохового завода свою первую лекцию «О цветке — как источнике наслаждения», вся его жизнь была посвящена поискам прекрасного в природе. С большим мастерством и вдохновением стремился он показать это прекрасное каждому читающему, научить радоваться красоте даров земли, и умел воспитывать в своих читателях и слушателях горячих защитников природы.

Как волнующе лиричен, например, его рассказ о васильке, вошедший в предлагаемый читателям сборник. Он настолько безыскусствен и вместе с тем литературно отточен, что воспринимается как стихотворение в прозе, он возвращает нас к незабываемым впечатлениям первого детского соприкосновения с русской природой. Этот короткий рассказ почти магически воссоздает восторг ребенка от теплоты, которой дышит ржаное поле, от ощущения беспредельности летнего неба, когда долго смотришь ввысь, лежа на спине среди травы, когда, кажется, чувствуешь телом касание шуршащих стеблей и впитываешь синеву васильков, бережно зажатых в детской руке. Прочтите и перечитайте вслух это маленькое откровение, и вы увидите, что я не преувеличиваю. Вы получите огромное удовольствие!

Д. Н. Кайгородов написал (1887—1911 гг.) такие замечательные научно-популярные книги, как «Беседы о русском лесе» (две книги — «Краснолесье» и «Чернолесье»), «Из зеленого царства» — очерки из мира растений, «Собиратель грибов», «Из царства пернатых», «О наших перелетных птицах» — чтение для народа, «Из родной природы» — хрестоматия для чтения в школе и семье, переиздаваемая ныне с текста пятого издания 1915 года, и ряд других. Большинство из них многократно переиздавалось; например, «Беседы о русском лесе» — 8 раз, «О наших перелетных птицах» — 10 раз. «Краткий обзор растительного царства по климатическим поясам» (учебное пособие) выдержал 7 изданий. Популярные книги Д. Н. Кайгородова превосходили по качеству аналогичные работы зарубежных авторов, а многие из них, особенно о наших птицах, не утратили своего

значения и не устарели до сего времени. Вместе с профессором М. Н. Богдановым Д. Н. Кайгородов может считаться лучшим популяризатором орнитологии в прошлом веке.)

Читающая публика во всех уголках России с нетерпением ждала выхода в свет ежегодных зоофенологических бюллетеней, издававшихся Д. Н. Кайгородовым. В них красочно, поэтично и в то же время научно достоверно рассказывалось о ходе весны, осени.

Эти бюллетени выходили в течение десятилетий с большой аккуратностью. Известный ученый-лесовод М. Е. Ткаченко писал в своих воспоминаниях: ...«От них веяло такой любовью к природе и такой свежестью поэтического чувства, что и взрослые и дети душных городов отдыхали на них, как бы соприкасаясь с целительными силами матери-земли.

«Дневники Петербургской весенней и осенней природы» (I ч. 1888—1897 гг. и II ч. 1898—1908 гг.) и «Стенной календарь весны в Петербурге», вышедший 16 изданиями, являются памятниками этого редкого даже в мировой литературе постоянства ученого-поэта в регистрации сезонных явлений природы»¹.

Летописец природы Д. Н. Кайгородов скоро стал любимцем всей читающей русской публики. Теплом веет от дружеской стихотворной шутки, когда-то широко известной:

...в грязи садов и огородов
уж появился Кайгородов
— пришла весна...

С каким подъемом и воодушевлением писал Кайгородов о весеннем лесе.

«...Сколько радости доставляет нам весеннее возрождение леса... Кому не дорого то время, когда

...Еще прозрачные леса
Как будто пухом зеленеют...

У кого в это время не бьется радостнее сердце и не становится на душе веселее,— как бы праздничнее?!

Вот зазеленели «будто пухом» березы, зажелтели своими маленькими цветочными букетиками клены, забелели кистями белых цветов черемухи и рябины; точно

¹ М. Ткаченко. «Д. Н. Кайгородов». Статья в брошюре «Памяти Дмитрия Никифоровича Кайгородова», Л. 1925.

лиловым дымом подернулись раскидистые ильмы и вязы, усыпанные кучечками крошечных цветочков, а между тем на них не видать еще ни одного листика; зарумянилась своими молодыми листочками беспокойная осина; точно золотой пылью обсыпанные стоят цветущие вербы, ракиты и ивы, разливая вокруг себя медовый аромат.

А пения-то, пения сколько в это время в лесу! На тысячу ладов, на тысячу голосов поют, переливаются и перекликаются пернатые певуны, от зари и до зари...

Но вот уже и развернулись мало-помалу все листья; оделись в свой изумрудный наряд деревья:

Зашумела дубрава,
Загудел темный лес...

Снова возвратилась утраченная осенью

Речь высокая,
Сила гордая,
Доблесть царская...

Снова у него «грозно с бурей разговор пойдет»:

Вороти назад!
Держи околот!»

Д. Н. Кайгородов прочно связал свою судьбу с русским лесом и безусловно был его знатоком, певцом и надежным защитником. Вспомним хотя бы его слова «От автора» в «Беседах о русском лесе»:

«Я страстно полюбил лес, с тех пор как узнал его поближе, и чем больше узнаю его, тем больше люблю. И это всегда так бывает: чтобы полюбить, надо узнать, — не зная, нельзя любить.

Кто полюбит лес, тот будет его и беречь. Мы охотно бережем и охраняем только то, что любим, а наш русский лес очень нуждается в друзьях-охранителях.

Вышесказанным объясняется цель этих «Бесед»: расширение знаний о лесе и, при посредстве этих знаний, приобретение друзей и охранителей для нашего родного русского леса.

Не сомневаюсь — многие могли бы написать лучше меня. Я ждал — не написали. И вот я решился сам написать и написал как умел, ободряемый русской пословицей: «лучше синица в руках, чем журавль в облаках».

В этих словах выражено кредо ученого — нести знания о природе народу и в широких массах людей находить защитников природы, разумно использующих ее блага.

И, надо сказать, Д. Н. Кайгородову удалось многое. Он сумел привлечь внимание общественности к естествознанию и природе и увлечь жаждой биологических знаний (и одного этого уже очень много!); обладая большим организаторским талантом (что, между прочим, сам он отрицал), упорством и последовательностью, он создал фенологическую сеть, которая выросла в современную крупную фенологическую организацию в системе Гидрометеорологической службы в нашей стране.

Наконец, Дмитрий Никифорович много внимания уделял школьному образованию и выступил как удачливый реформатор преподавания естественных наук в школе. В старой школе преподавание естественной истории пугало сухостью и схоластичностью и было оторвано от живого знакомства собственно с природой. Как вспоминал один из литераторов, «...Из всей совокупности растений, животных и минералов восставало вместо природы такое «чудище обло, зло, огромно, озорно, стозевно и лаяй», победить которое можно было разве только при помощи жестокой зубристики». И тогда «застенчивый профессор,— по выражению М. Е. Ткаченко,— ...заступился за детей и начал писать и выступать с докладами о необходимости заменить учебники и экзамены экскурсиями в живую природу».

Д. Н. Кайгородову действительно удалось улучшить школьное преподавание природоведения, приблизить школу к природе и даже воспитать кадры новых учителей-биологов, среди которых было немало энтузиастов нового метода, людей, преданных делу и любящих природу. Но все это сделать было поначалу необычайно трудно. Д. Н. Кайгородов начинал дело в одиночку.

В 1885 году он издал «Краткий обзор растительного царства по климатическим поясам» — учебное пособие по ботанике для городских училищ, учительских семинарий и институтов, женских учебных заведений и т. п. Пособие оказалось очень удачным, было написано увлекательно, интересно и выдержало 7 изданий за 26 лет.

В 1901 году в статье «Природа в будущей школе» Д. Н. Кайгородов писал: «Мне рисуется в далеком будущем (а может, и не так уж далеко!) такой заманчивый идеал: с появлением первого зеленого листа на дереве, двери всех классов (кроме последнего?) закрываются и все уроки прекращаются, кроме уроков природоведе-

ния (преподающегося во всех классах) и уроки переносятся в ту великую аудиторию под открытым небом, на кафедре которой восседает самый великий в мире профессор — сама Природа».

В конце 90-х и начале 900-х годов Д. Н. Кайгородов руководил естественноисторическими экскурсиями учителей петербургских городских школ и преподавателей естествознания средних школ в природу. Из воспоминаний М. Ткаченко мы узнаем, что и в годы революции, несмотря на голод и холод, Дмитрий Никифорович не прекращал начатого дела, руководил подготовкой педагогов и проводил с ними экскурсии. Среди экскурсантов нередко можно было встретить учеников трудовых школ, красноармейцев, рабочих. Со временем число участников этих выходов в природу возросло. И это понятно: ведь сам Дмитрий Никифорович обладал всевидящим глазом и чутким ухом, умел увлечь своих слушателей и научить их не только смотреть, но видеть и слышать в природе то, что обычно остается скрытым от большинства людей. Кроме того, такие человеческие свойства профессора, как подкупающая искренность, воодушевленность и скромность, вместе с энциклопедическими знаниями, настоящей (а не показной) демократичностью и трудолюбием привлекали к Д. Н. Кайгородову сердца его слушателей. «Можно сказать, что поистине Кайгородов был певцом не только весны в природе, но и первых признаков весны в школе»... (М. Ткаченко).

И в наше время преподавание природоведения и различных биологических дисциплин в средней школе и вузах нуждается в улучшении. Ценный опыт работы и идеи Д. Н. Кайгородова не должны забываться, они остаются актуальными и теперь.

Как истинный ученый и патриот, Д. Н. Кайгородов учил любить и уважать родную природу, беречь ее ценности, воспитывал в своих учениках чувство патриотизма и высокие морально-этические принципы.

«...Имея право разумно пользоваться дарами природы, мы не имеем никакого права их неразумно расточать; а между тем мы расточаем и разоряем наши родные леса не только неразумно и нерасчетливо, но, что гораздо хуже, сплошь да рядом расточаем их для удовлетворения каких-либо пустых прихотей.

Нет надобности плакать при виде того, как рубят лес, рощу, либо дерево, потому — слезами не поставишь срубленного дерева снова на корень; хотя пишущий эти строки и должен сознаться, что ему никогда не было понятно то странное чувство как бы приятного удовлетворения, которое выражают многие люди, при виде опрокидывающегося со стоном и треском на землю дерева. Повторяем, плакать нет надобности, но любить и беречь лес — в этом есть большая, очень большая надобность. Если мы будем и дальше так же легкомысленно относиться к разорению наших лесов, как относились к этому до сих пор, то недолго заставит себя ждать то время, когда наша родина почувствует всю тяжесть лесной бедности, — тяжесть, которую, впрочем, уже и теперь начинают чувствовать многие местности в России, неразумно растратившие свои лесные богатства» (Д. Н. Кайгородов, «Чернолесье», СПб, 1910).

Из этого высказывания видно, что, воспевая красоту леса, борясь за сохранность каждого дерева, Д. Н. Кайгородов не считал любовь и бережное отношение к природе самоцелью. Он был озабочен большой судьбой русского леса, глубоко понимал охрану природы как задачу национальную, задачу государственного значения, от успеха осуществления которой многое зависит в будущей экономике России.

И теперь, когда на просторах нашей страны идет великая стройка, осваиваются обширные территории тайги, степей, пустынь и Заполярья, внедряются новые формы интенсивного хозяйства на давно обжитых землях, задачи охраны природы стали более острыми и сложными, неизмеримо возросли масштабы проблемы.

При современных средствах эксплуатации природы следует очень осторожно подходить к использованию ее богатств. Стоит лишь немного переборщить (например, с выловом рыбы, добычей антилоп-сайгаков, морского зверя или вырубкой саксаулового леса там, где пески легко развеваются и становятся подвижными), как резко нарушается подвижное равновесие в природе и возникает самая реальная опасность навсегда утратить на Земле либо ценный вид животного, либо уникальный, трудно восстанавливаемый лесной массив, либо реку, снабжающую водой большой район.

Все это более чем серьезно. Охрана природы и ее ресурсов становится в нашей стране большой государственной задачей. Начинается же она с воспитания уважения и бережности к тому, что окружает ребенка, впервые попавшего «на природу», с первых шагов его в дебрях биологических и географических знаний, с воспитания подлинной любви к родному краю, к нашей обширной и прекрасной Родине.

Осваиваются новые земли, растет новое население, бурно развивается массовый туризм. Контакты человека с природой увеличиваются буквально на глазах. В этих условиях ответственность каждого человека, хотя бы просто бывающего в природе в воскресный день, или специалиста, планирующего использование богатств наших лесов, лугов и водоемов, неизмеримо возросла. К сожалению, забота об охране природы и приумножении ее богатств еще не стала общественно осознанной нормой поведения каждого советского человека.

Вот почему лирические и страстные книги большого патриота и ученого, популяризатора и «пробудителя любви к природе» Дмитрия Никифоровича Кайгородова кажутся современными и в наши дни, а молодой дух его произведений вновь и вновь призывает к действенной борьбе за сохранение природы, ее красоты и ценностей, за научно обоснованное использование ее ресурсов, за новое, коммунистическое отношение к природе ее истинных хозяев — советских людей — строителей коммунизма

*Вл. ЗАЛЕТАЕВ,
кандидат географических наук.*

ДЕРЕВО

Земли, нашей матушки,
Детище милое!
Зыбью зеленою,
Листьем кудрявым, ты
Кроешь нас в непогодь,
Греешь в морозный день,
Кормишь в бескормицу...

Всякий, конечно, согласится, что дерево — одно из прекраснейших и полезнейших созданий природы. Чего-чего только не дает оно нам, людям!

Бревна и доски для постройки наших жилищ, дрова для их отопления — дает нам дерево. Столы, за которыми мы работаем и едим, стулья и скамейки, на которых сидим, кровать, на которой спим, — все это из дерева. Из дерева же делаются лодки, барки и корабли, в которых плаваем по воде, — телеги, сани и другие повозки, в которых ездим по суше, — словом всюду и везде большая часть самых необходимых для человека предметов сделана из дерева. Из дерева же получаем смолу, древесный уксус и древесный спирт. В последние годы редкая книга и газета не печатается на такой бумаге, в которой не было бы дерева.

А кора дерева? Сколько она дает человеку необходимых предметов! Древесной корой кожевники обрабатывают (дубят) ежегодно миллионы кож; из древесной же коры гонят деготь. Одно из самых употребительных лекарств, которым лечатся от лихорадок, получается также из древесной коры (хинного дерева).

Ветви и листья дерева также употребляются на многие надобности человека.

А древесные плоды! Вспомним только о всевозможных сортах яблок, груш, слив и вишен; о различных орехах: лесных, кедровых, грецких и других. Ведь все это вырастает на деревьях, все это дает нам дерево!

А, наконец, само живое дерево, в его красивом зеленом убранстве, широко раскинувшее свои красивые ветви и укрывающее нас от зноя и непогоды!.. И стоит оно, питаюсь от матери-земли и омываясь росой,— стоит красивое, спокойное, величаво, вынося бури и непогоды, и одаряя нас своими незаменимыми, разнообразными дарами.

Каждое дерево можно рассмотреть как бы состоящим из двух главных частей: невидимой — подземной, и видимой — надземной. Подземную часть дерева составляют корни с их разветвлениями; надземную — ствол с сучьями, ветвями и листьями.

Корни дерева служат ему две службы: во-первых, они кормят, питают дерево пищей, которую сосут из земли, во-вторых, они прикрепляют дерево к матери-земле и служат ему опорой против бурь и непогод. Отнимите у дерева его корни, и оно умрет, не получая пищи, и первый порыв ветра опрокинет его на землю.

Ствол дерева служит ему также две службы: он несет на себе сучья с ветвями, листьями и плодами, и в то же время проводит к ним ту пищу, которую берут из земли корни. Ствол и сучья дерева покрыты корой, которая служит им одеждой от холода и непогоды. (Корни также покрыты корой, но только более тонкой, чем кора ствола.)

Сучья и ветви несут на себе листья, цветы и плоды и передают им те соки, которые получают через ствол от корней.

Листья составляют, конечно, самое лучшее украшение дерева и дают ему ту прелесть, которою каждый из нас так любит, в особенности весной, когда дерево, после долгого зимнего сна, уберется в свою свежую, нежно-зеленую одежду. Но, украшая дерево, листья служат ему вместе с тем и очень важную службу: они, подобно корням, тоже питают дерево, добывая свою пищу из

окружающего их воздуха. Из этой добытой из воздуха пищи, и при помощи соков, поднявшихся из корней, листья вырабатывают разные вещества, которые идут на рост дерева: эти вещества-материалы расходятся из листьев по всему дереву, которое и строит из них новые слои древесины и новые почки для будущего года.

Форма или фигура листьев бывает очень разнообразна. Каждое дерево (например, дуб, береза, ясень, клен) имеет для своего листа особую форму, так что, сколько существует разных пород деревьев, столько же и разнообразных форм листьев. Но главных форм только две: плоская, в виде пластинки с черешком, и иглистая — в форме иглы. Какое бы мы ни взяли из растущих у нас деревьев, лист его имеет непременно одну из этих двух главных форм.

Большая часть наших деревьев имеет лист в форме пластинки с черешком; таковы, например, дуб, береза, липа, осина, ольха и многие другие. Игlistую же форму листа у нас имеют только шесть древесных пород: ель, сосна, пихта, лиственница, кедр и можжевельник. Лист в форме пластинки с черешком так и называется, обыкновенно, просто листом; иглистый же лист называется хвоей. По этим двум главным формам листа все наши деревья разделяются на лиственные и хвойные. Лиственные деревья еще тем отличаются от хвойных, что теряют на зиму свой лист, тогда как хвойные в течение нескольких лет сохраняют свою хвою, поэтому и зимою остаются зелеными. Исключение составляет одна только лиственница, которая каждую осень сбрасывает свою мягкую нежную хвою, и весной снова одевается в новую.

Цветы и плоды служат дереву для размножения: из цветов развиваются плоды, в плодах же вызревают семена. Семя, посеянное в земле, дает новое дерево того же рода.

Дерево, как и всякое другое живое создание, рождается, живет и умирает.

Продолжительность жизни различных деревьев чрезвычайно разнообразна, так как она много зависит от тех условий, при которых дерево росло. В этом отношении дерево имеет сходство с человеком: чем благоприятнее складывается жизнь человека, тем дольше он обыкновенно и живет. Точно так же и жизнь дерева: при благопри-

ятных условиях роста она продолжается долее, чем при неблагоприятных. И у дерева, как у человека, болезни сокращают срок жизни и даже часто ведут к преждевременной смерти. Но, вообще, продолжительность жизни дерева несравненно более человеческой: при каких бы благоприятных условиях ни жил человек, ему редко удастся прожить долее 90 лет, тогда как дерево, даже на суровом севере, сплошь да рядом живет 200, 300 и более лет. Известны даже случаи, по которым можно судить, что некоторые наши деревья могут доживать до 1000 лет и более. Так, в Ковенской губернии был срублен дуб, на котором насчитывали 750 годичных слоев, кроме тех, которые сгнили уже изнутри, поэтому полагают, что полный возраст этого дуба достигал по крайней мере 1000 лет. Насколько этот дедушка-дуб был толст, можно судить по тому, что хозяин выдолбил из взятого от него отрубка беседку, в которой легко помещалось 15 человек. Но и этот дуб показался бы, пожалуй, маленьким рядом с некоторыми американскими деревьями-великанами, достигающими возраста в 3000, и даже более, лет. Так, например, однажды в Северной Америке (в Калифорнии) было срублено дерево (из породы хвойных), над рубкой которого трудилась целая армия рабочих в течение шести недель. Когда это дерево упало на землю, земля потряслась от удара на 7 верст в окружности. Возраст этого дерева, сосчитанный по числу годичных слоев ствола, оказался в 3100 лет. Оставшийся в земле пень был гладко выстроган и на нем устроили танцы, в которых приняли участие 14 пар, и всем было довольно места; на очищенном же от ветвей стволе этого дерева был устроен каток для игры в кегли. Так вот, какие почтенные старцы встречаются между деревьями!

Глубокая старость деревьев, обыкновенно, сопровождается загниванием и разрушением внутренних, старейших слоев древесины. Загнивание это распространяется год за годом, по направлению от сердцевины дерева к коре, вследствие чего внутри дерева образуется пустота, или так называемое дупло. Дупло это с годами все увеличивается и стенки его становятся все тоньше и тоньше, несмотря на то, что дерево, хотя и с дуплом внутри, но все-таки продолжает увеличиваться в толщину, откладывая ежегодно под корой новый слой древесины. Но это

прирастание в толщину, в глубокой старости дерева, происходит лишь очень тонкими слоями. Дупло, так сказать, растет быстрее в ширину, чем дерево, потому что ежегодно изнутри сгнивает более древесины, чем нарастает снаружи. Продолжается это до тех пор, пока, наконец, дупло не увеличится настолько, что дерево не в состоянии более выдерживать сильных напоров ветра, и первая налетевшая буря с глухим треском опрокидывает многовекового старца на землю...

Впрочем, редко когда дерево доживает до своей естественной смерти. Большею частью оно падает преждевременно, под ударами человека, который, заметив, что дерево начинает перестариваться, срубает его и употребляет на свои потребности. Приходится человеку срубить и совершенно молоденькие деревца, и деревья, находящиеся еще, так сказать, в полном расцвете своих лет; приходится потому, что на некоторые надобности в хозяйстве требуются именно такие деревья. В этих и других подобных случаях, когда человек прежде времени прекращает жизнь дерева для удовлетворения своих настоящих потребностей, он не делает ничего несправедливого по отношению к дереву и его матери-природе; потому что разумное пользование дарами природы составляет неотъемлемое право человека. Но вот что несправедливо и недостойно человека, как разумного существа, это когда он, из пустой прихоти, или по мимолетному капризу, наносит ущерб прекрасной жизни дерева. К сожалению, это очень часто случается. Сломать, гуляя, молоденькое деревцо, или рубнуть дерево, мимоходом, топором,— просто так себе, потому что руки чешутся,— как часто это делается! Конечно, дерево смолчит: ведь оно безответное... Человек ткнул топором и пошел себе дальше, посвистывая, а безответное дерево молча заливает «слезами» пораненное место и спешит его заживить... Хорошо, если рана неглубокая и дерево успеет скоро ее заживить; хотя уже само это заживление происходит в ущерб дереву. Но, если нанесенная рана глубока, то, прежде чем она успеет зарости, в дерево забирется гниль и начинает распространяться все дальше и дальше, в глубь дерева. И вот, в это прекрасное творение занесена болезнь, которая хотя и медленно, но верно, приведет дерево к преждевременной смерти...

У КАМИНА

На дворе — сумерки. Злится вьюга; уныло завывает ветер. В камине потрескивают дрова, освещая комнату уютным полусветом и разливая в ней приятную теплоту, — обстановка, располагающая к мечтаниям и мудрствованию...

Отчего бы и не помудрствовать нам с вами, читатель, хотя бы о тех самых дровах, которые потрескивают в нашем камине и согревают наше грешное тело? Помудрствовать, например, о том: «что такое дрова»?..

Однако, позвольте, вы, кажется, улыбнулись?.. Вам кажется странным «мудрствовать о дровах — поленьях!» Вам показался смешным вопрос: «что такое дрова?» Но если бы я предложил вам помудрствовать, например, о солнце, то это, вероятно, не показалось бы вам странным, а между тем дрова, можно сказать, отчасти заменяют нам зимою солнце. Точно так же и вопрос о том, «что такое дрова?» вовсе не есть вопрос пустой и праздный, по крайней мере, для человека образованного (или стремящегося к образованию), а не для невежды. Невежда всегда все знает, все понимает: для него все кажется совершенно ясным и понятным...

Положим, на мой вопрос: «что такое дрова?» вы, не затрудняясь, ответите: «дрова — это куски дерева», т. е. древесины, поправлю я вас, потому что ведь кора тоже, в известном смысле, кусок дерева, а ведь вы не назовете дровами куски древесной коры. Итак, «дрова — это куски древесины, предназначенные на топливо», — ответите вы мне. Правильно. Но я любопытен, и ваш ответ не вполне удовлетворяет меня. Я продолжаю спрашивать: «а что такое древесина?» На этот вопрос, смею

думать, вы не так-то легко дадите мне удовлетворительный ответ.

Иногда больше всего затрудняешься дать ясный, удовлетворительный ответ на самые простые, по-видимому, вопросы о самых обыденных предметах и явлениях. А почему это? Да потому, что мы, вообще, склонны более витать мыслями за облаками и интересоваться тем, что делается «за тридевять земель, в тридесятом царстве», чем задумываться над окружающими нас предметами и явлениями, и в особенности над такими, которые постоянно находятся перед нашими глазами. А между тем, чтобы быть образованным человеком, над ними необходимо задумываться. Вот поэтому-то помудрствовать иногда о таких предметах, как, например, дрова — и полезно, и поучительно.

Слова «дрова, полено» звучат, правда, довольно грубо в нашем ухе, но, могу вас уверить, что в природе мало найдется произведений, которые были бы столь изящно и столь искусно построены и сложены, как грубое, по наружному виду, «полено дров».

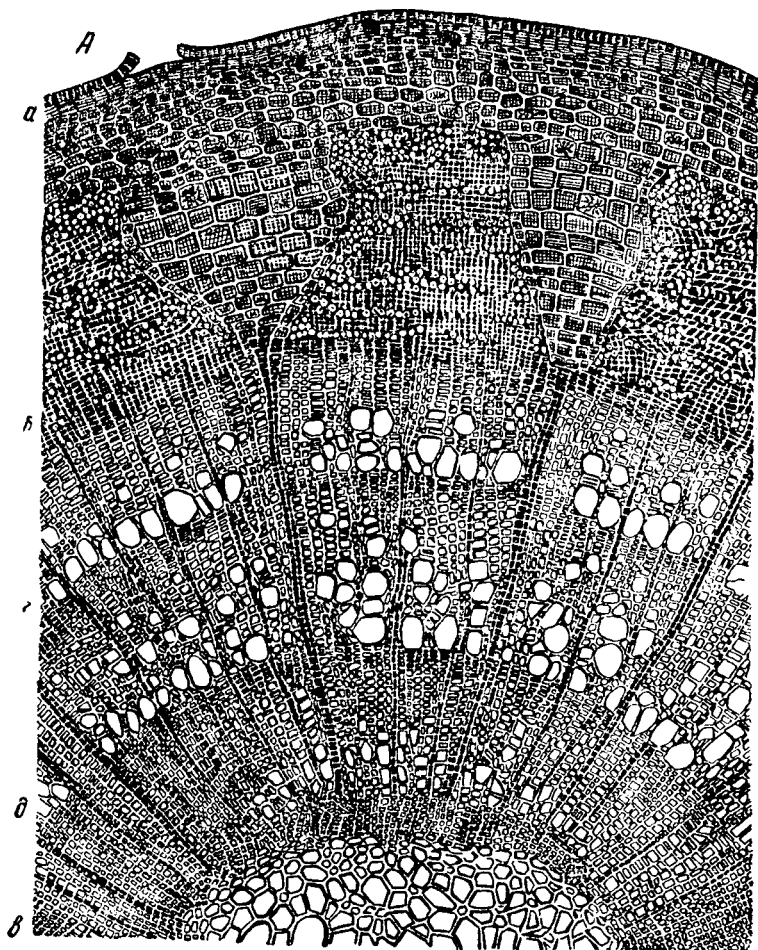
Для того, чтобы удостовериться в истинности моих слов, — о том, что я говорю сущую правду, нисколько не преувеличивая, — прошу вас всмотреться внимательно в прилагаемые здесь два рисунка.

Кусочек изящного «кружева», изображенный на рис. А, есть не что иное, как срезанная с сучка липового «полена» тончайшая поперечная пластинка, увеличенная в 10 раз.

На рис. Б изображен крошечный кусочек тонкой продольной стружечки, срезанной с елового «полена» и увеличенный в 90 раз. Ну, что, — не правду ли я сказал?

В особенности всмотритесь попристальнее в рис. Б: какое изящество и какая утонченная, можно сказать — художественная, отделка! Ведь вы не забудьте, что все эти зубчики, все эти кружочки и ячейки (очень похожие на ячейки пчелиного сота — не правда ли?), что все это изображено здесь увеличенным в девяносто раз!

Попробуйте-ка уменьшить в 90 раз одну из наиболее длинных линий этого рисунка, то есть разделить ее (например, линию *аб*) на 90 равных частей, и возьмите одну такую часть, тогда вам станет ясно, до чего должны

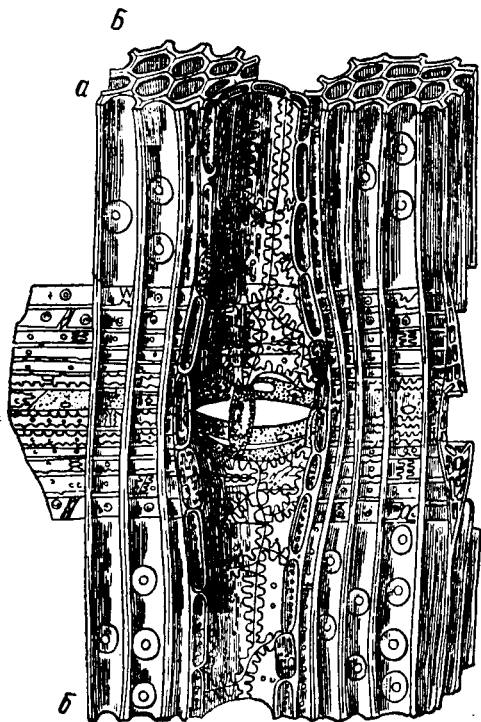
быть мелки все эти зубчики, кружочки и клеточки в натуральном своем виде, в «полене дров»!

...Я поместил здесь эти два рисунка главным образом для того, чтобы не заставляя вас верить мне только на слово относительно изящества строения «полена дров»; но, раз они уже находятся на этих страницах, я кстати воспользуюсь ими и для других целей...

Прошу вас, читая далее посматривать на рис. А.

Верхняя темная часть этого рисунка между поставленными сбоку буквами *а* и *б* представляет разрез коры липового сучка. Как видите, и кора, покрывающая «полено дров», имеет также весьма искусное и изумительно тонкое строение.

Нижняя «кружевная» часть этого же рисунка, между *б* и *в*, представляет разрез древесины того же сучка, причем крупные и мелкие дырочки этих «кружев» не что иное, как внутренние полости крупных и мелких ячеек (сосудов и волокон) липовой древесины, в их поперечном разрезе,— таких же самых ячеек, похожих на пчелиные соты, какие изображены на рис. Б, в продольном разрезе еловой древесины. На них мы не станем останавливаться, иначе мы с вами забрались бы слишком далеко в область анатомии дерева. Но я попрошу вас обра-

тить внимание на темные дуги *г* и *д* на рис. А, видные на той же нижней части рисунка. Они должны быть вам немного знакомы; если же нет, то с ними не трудно познакомиться с я: срежьте сучок (толщиною в палец) сирени, ясени или дуба, сосны или ели; сгладьте острым ножом поверхность среза, и вы на ней увидите темные круги, как бы разделяющие эту поверхность на несколько колец, вложенных одно в другое.

Чем толще срежете вы ветку, тем большее число таких колец найдете в ней, хотя, впрочем, не всегда. Иногда тонкая ветка может иметь много колец, но узких, и, наоборот, толстая ветка может оказаться с небольшим числом колец. Сколько вы насчитаете у срезанной ветки или дерева — если вы срезали деревцо — таких колец, столько лет вашей ветке или деревцу. Каждый год у ветки (дерева, дерева) прибавляется по одному такому кольцу, почему эти кольца и называются годовыми или годичными кольцами или слоями. Вот части таких-то темных кругов, разграничивающих друг от друга годичные кольца, и представляют на нашем рисунке те темные дуги, на которые я просил обратить ваше внимание. Они, следовательно, не что иное, как границы годичных колец, или слоев того липового сучка, часть которого представлена в увеличенном виде на нашем рисунке.

Таким образом, теперь, если вам случится когда-нибудь присутствовать при срубке дерева, вы всегда можете узнать, сколько лет было этому дереву, для чего вам стоит только сосчитать на пне число годичных слоев. Впрочем, не у всякого дерева вы легко сосчитаете годичные кольца. Например, у сосны, ели, дуба, ясеня это большею частью нетрудно сделать — у них кольца, обыкновенно, довольно резко разграничены одно от другого; а вот у березы, осины, липы — считать годичные кольца очень часто бывает затруднительно, и нередко приходится прибегать к помощи лупы. Вы можете в этом удостовериться в первый же раз, когда к вам в комнату принесут дрова для топки печей: вы увидите, насколько вам труднее будет сосчитать число лет березового полена сравнительно с сосновым или еловым. Чтобы легче было считать кольца у березового полена, смочите его немного водой (если оно сухое), тогда кольца выступят яснее.

Занявшись счетом годичных колец у нескольких поленьев различной толщины — тонких и толстых — вы можете легко рассчитать, сколько, приблизительно, лет требуется, например, сосне или березе для того, чтобы вырасти в толщину вашей руки, в толщину бревна и т. п., а ведь это интересно и поучительно.

Чем продолжительнее, теплее и обильнее дождями лето, т. е. чем благоприятнее оно для растительности, тем шире откладывается у дерева годичный слой;

и наоборот: чем лето короче, холоднее и суше, тем меньше годичный прирост дерева в толщину. Точно так же, поздние весенние заморозки, побивающие молодой лист, или сильное объедание листвы дерева насекомыми (гусеницами бабочек, жуками) уменьшают толщину годичного слоя, потому что рост дерева в толщину и высоту происходит на счет материала, вырабатываемого листьями дерева.

Таким образом, рассматривая годичные кольца у срубленного дерева, вы можете заглядывать в его прошлое,— узнать, так сказать, биографию дерева. При этом случается иногда узнать весьма любопытные и поучительные вещи. Для примера расскажу вам следующий случай.

Однажды мне привелось принимать участие в лесной экскурсии с учениками одной лесной школы, под руководством опытного профессора. Между прочим, во время этой экскурсии был срублен один довольно почтенного возраста дуб — для разных научных исследований, которые производились тут же, в лесу. На мою долю выпало определить возраст срубленного дерева. При счете годичных колец на сглаженной топором поверхности отруба пня мне бросилось в глаза то обстоятельство, что через каждые три кольца обыкновенной ширины, четвертое было чрезвычайно узкое, и что такое чередование трех широких и одного узкого кольца проходило равномерно через большую часть толщины ствола. Когда я обратил на это внимание профессора, то узнал от него следующее: в течение уже длинного ряда лет леса этой местности страдают, периодически — именно через три года в четвертый — от объедания листвы деревьев майским жуком (или хрущом), и что последний такой год хозяйничанья майского жука в этих лесах был три года тому назад (что и подтверждалось тем, что последний узкий годичный слой был третьим по счету от коры). Затем профессор еще добавил, что в иные годы майские жуки до того жестоко хозяйничают в лесу, что совсем почти оголяют деревья от листьев, а это, конечно, должно сказываться весьма чувствительно на ширине годичного кольца таких годов. В пояснение к этому я должен добавить, что, так сказать, «урожайные годы» на майского жука повторяются через каждые три года в четвертый, потому что этот жук требует для полного своего

развития из яичка, положенного самочкой в землю, целых четыре года, и вылетает из земли лишь на четвертое лето. В земле он живет в виде беловатой, жирной червеобразной личинки (известной у рыболовов под именем сальника), питаясь, преимущественно, корешками молодых деревьев и тем причиняя иногда большие неприятности лесничим и садовникам.

Однако я отвлекся несколько в сторону: поставил вопрос о том «что такое дрова», а съехал на майского жука... Ну, да это еще не беда: ведь я вам не лекцию читаю, а просто беседую с вами; да, кроме того, вы теперь после всего мною сказанного можете уже дать удовлетворительный ответ на предложенный мною вам вопрос о дровах. Вы мне ответите: «дрова — это куски (отрубки, отрезки) древесины, предназначенные на топливо; древесина же есть то твердое, состоящее из мельчайших ячеек и трубочек вещество, которое, ежегодно нарастая новым слоем под корою дерева, образует его ствол и ветви». Получив от вас такой ответ, я могу считать себя достаточно удовлетворенным.

ЧЕРНОЛЕСЬЕ

Черным лесом, или чернолесьем, называет русский народ лес, состоящий из лиственных деревьев, т. е. таких, у которых лист состоит из пластинки с черешком, и которые на зиму теряют свой лист — из зеленых становятся черными. Береза, дуб, липа, ясень, клен, вяз, ольха, осина, тополи, разные ивы и многие другие деревья и кустарники, растущие в наших лесах, принадлежат именно к таким лиственным древесным породам и составляют наше чернолесье.

Хорошо это чернолесье! Такое оно уютное, приветливое, в сравнении с угрюмым, хотя и более величественным красным, или хвойным, лесом¹. Какое славное в нем сочетание различных теней и оттенков зеленого цвета листвы, начиная со светлой серовато-зеленой и вечно тревожной осины и до темно-зеленого, величавого дедушки-дуба.

¹ Наш народ дал хвойному лесу название красного, т. е. красивого (красная девушка, красное солнышко) потому, что этот лес круглый год остается зеленым — красивым. (Авт.)

Хотя, правда, зимой после того как

«Буйный вихрь сорвал
И рассеял в прах».

его красу, его «густолиственный зеленый шлем», черное лесье и представляет довольно грустную, унылую картину:

«Одичал, замолк,
Только в непогодь
Воешь жалобу
На безвременье».

Но зато сколько радости доставляет нам весеннее возрождение лиственного леса!

Кому не дорого то время, когда

«Еще прозрачные леса
Как будто пухом зеленеют».

У кого в это время не бьется радостнее сердце и не становится на душе веселее, как бы праздничнее?!

Вот зазеленели «будто пухом» березы, зажелтели

своими маленькими цветочными букетиками клены, забелели кистями белых цветов черемухи и рябины; точно лиловатым дымом подернулись раскидистые ильмы и вязы, усыпанные кучечками крошечных цветочков, а между тем на них не видать еще ни одного листика; зарумянилась своими молоденькими листочками беспокойная осина; точно золотой пылью осыпаны, стоят, цветущие вербы, ракиты и ивы.

А пения-то, пения сколько в это время в лесу! На тысячу ладов, на тысячу голосов поют, переливаются и перекликаются пернатые певуны — от зари до зари...

Но вот уже и развернулись мало-помалу все листья; оделись в свой изумрудный наряд деревья:

«Зашумела дубрава,
Загудел темный лес...»

Снова возвратилась к нему утраченная осенью

«Речь высокая,
Сила гордая...»

Снова у него «грозно с бурей разговор пойдет»:

«Вороти назад!
Держи около!»

А что за краса наше чернолесье осенью! Какое разнообразное сочетание разных цветов, теней и оттенков!

Кто не любовался осенним видом леса!

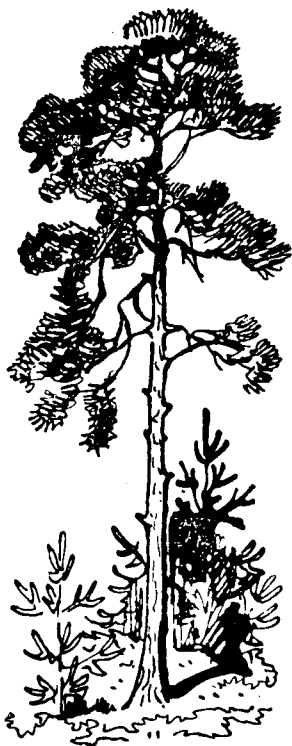
«Там — в пурпуре группа осин молодых,
Здесь — в золоте ярком березы...»

Какой художник-декоратор сумел бы так красиво сгруппировать золотисто-желтые березы, то пурпурно-красные, то бледно-желтые осины, пунцовые рябины, ярко-желтые и румяные клены,— и все это пересыпать разнообразною зеленью ясеня, ольхи, дуба и других деревьев, поздно или даже вовсе не меняющих зеленого цвета своих деревьев!

Наивысшей степени красоты достигает осенняя картина чернолесья тогда, когда между лиственными деревьями находятся вперемежку, то единично, то группами, хвойные деревья, в особенности ель и пихта; их темно-зеленые остроконечные пирамиды резко выделяются на светло-пестром фоне лиственных деревьев; они вносят красивые темные штрихи в картину расцветенного леса и тем усиливают производимое ею художественное впечатление.

СОСНА

Одним из самых обыкновенных деревьев в лесах нашей родины является сосна. Там, где

ей все благоприятствует для роста, она вырастает крупным и высоким деревом. Круглый год,— зимою, как и летом,— сосна стоит зеленою: она — вечнозеленое дерево. Листья у нее узкие, тонкие, жесткие, на конце заостренные, и потому колючие,— вроде иглы. Такие иглистые листья называются хвоей. Хвоя на сосновых ветках сидит всегда попарно: по две иглы соединены внизу, при основании, сухими пленочками, точно связаны друг с дружкой. Если разрезать сосновую хвою острым ножиком поперек, то в разрезе получается полукруглая фигура, в виде половины луны; так что если сложить две хвои плоскими их сторонами, то получается в поперечном разрезе почти полный круг.

Осенью и зимой мы найдем на конце каждой сосновой ветки несколько почек, большею частью как бы облепленных кусочками полупрозрачной желтоватой смолы. На других местах сосновых веток мы никогда не найдем почек, а всегда только на кончиках. Весною, когда береза, осина и другие наши лиственные деревья одеваются молодою листвою, тогда и сосна начинает раскрывать свои почки, из которых выдвигаются и вытягиваются кверху шелковистые светло-серые молодые побеги. Эти молодые новые побеги — точно восковые свечи на рождественской елке. Они очень украшают каждую молодую сосенку. В это время сосновый лесок имеет особенно привлекательный, веселый вид. У взрослых и старых сосен новые побеги всегда бывают короткие, а потому весною и не так бросаются в глаза, как длинные побеги молоденьких сосенок. К середине лета хвоя на сосновых побегах уже вырастает, и тогда молодой побег почти не отличается от прошлогоднего. Держится хвоя на побеге 2 года, на третий уже осыпается. Поэтому-то сосна и остается «вечнозеленою»: последние два побега ее ветвей всегда покрыты зеленой хвоей.

Очень интересно узнавать возраст молодых сосновых деревцев по их ежегодным побегам. В первые годы своей жизни сосна растет очень правильно, благодаря тому, что, как мы уже знаем, почки у нее образуются только по концам веток (побегов). Обыкновенно таких почек бывает от 4 до 5: одна на самом кончике побега как бы составляет его продолжение, и 3—5 вокруг нее обращены в разные стороны. Если мы весною обратим внимание на макушку (вершинку) небольшой молоденькой

сосенки, то увидим, что из срединной (конечной) ее почки выдвигается побег прямо кверху, а из окружающих ее (боковых) почек отходят побеги в стороны. Вершинный побег составляет продолжение (прирост) стволика сосны кверху, боковые же побеги образуют собою так называемую мутовку. (У хозяек часто можно видеть на кухне небольшую палку с четырьмя-пятью рогульками на конце, которыми сбивают жидкое тесто, масло и тому подобное, вращая палку между ладонями. Такая палка называется в хозяйстве мутовкой, и она есть не что иное как срезанная и обделанная ножом вершинка молоденькой сосны, с ее боковыми побегами). Так вот, зная, что у сосны ежегодно нарастает по одному вершинному побегу, и сосчитав число таких побегов от мутовки до мутовки, по стволу дерева, узнаем, сколько нашей сосенке лет. У взрослых, высоких сосен не так уже легко сосчитать года, потому что у них мы не найдем на стволе всех мутовок: самые нижние давно уже отмерли и отвалились, так что и следов от них, большей частью, никаких не осталось. Отчего же это у сосны отмирают нижние ветки? А они отмирают у нее, как и у всех вообще деревьев, потому, что дерево, разрастаясь с годами в высоту и в ширину, становится гуще, пышнее, тенистее: нарастающие ежегодно сверху и с боков новые ветки затеняют нижние, старые. Затенение это из года в год все усиливается и, наконец, доходит до того, что нижние ветви совсем почти перестают видеть солнце, целый день находятся в тени; без солнца же ветка жить не может. И вот она начинает понемногу хиреть, сохнуть и, наконец, совершенно отмирает; отмерший же сучок скоро начинает загнивать, а загнивший легко отламывается и падает на землю. Понятно, что в лесу, где деревья растут близко друг к другу, отмирание и отпадание нижних сучьев должно начинаться раньше, чем у деревьев, растущих на просторе. В лесу нижние сучья и ветки затеняются не только своим родным деревом, на котором они растут, но и соседними деревьями, а потому гораздо раньше лишаются солнечного света. Впрочем, существуют деревья, которые мало боятся тени, а потому очень долго сохраняют свои нижние ветки зелеными, несмотря на то, что эти ветки давно уже находятся в затенении. К таким деревьям принадлежит, например, наша ель, которая только

в густом лесу очищается от нижних сучьев. Если же ель растет отдельно, на свободе, то нередко случается, что она сохраняет почти все свои ветви зелеными до самой земли. Такая отдельно стоящая и покрытая сверху донизу зелеными ветвями ель представляет собою настоящую прекрасную зеленую пирамиду.

Итак, у взрослой сосны нельзя считать года по мутовкам. Их, то есть года, можно сосчитать у такой сосны не иначе, как срубив дерево с корня. Тогда на пне мы увидим ряд колец, как бы вложенных друг в друга: в середине пня — самое маленькое кольцо, а снаружи, около коры, — самое большое. Вот, если мы сосчитаем число этих колец (у сосны это большей частью легко сделать, у других же деревьев иногда бывает трудно), то и узнаем, сколько лет было срубленному дереву. У сосны, как и у прочих наших деревьев, каждый год нарастает по одному такому кольцу (под корой), почему такие кольца и называют годовыми или годичными кольцами.

Кора у молодых сосен одноцветная, серая — снизу доверху. У старых же сосен только нижняя часть ствола имеет темную, серо-бурую кору, покрытую более или менее трещинами; верхняя же часть ствола у таких сосен обыкновенно бывает покрыта желтовато-красной (медного цвета) корой, которая с поверхности легко отшелушивается тонкими, полупрозрачными листочками.

Корни сосна частью раскидывает широко в стороны, частью же направляет глубоко в землю. В особенности глубоко уходит в землю средний корень сосны, составляющий как бы продолжение ствола книзу. Этот корень часто напоминает своим видом огромную редьку. (Лесничие и дровосеки обыкновенно так и называют его «редькой»). Благодаря такому расположению своих корней сосна очень хорошо противостоит сильным напорам бурного ветра. Но иногда случается, что сосна не может пустить глубоко свои корни, и тогда редьки не образует. Это бывает, например, когда сосна растет на скалистых горах, где ее корни встречают под неглубоким слоем земли сплошную скалу, или же если под неглубоким слоем почвы залегает плотная глина, сквозь которую корни не могут пробиться. В таких случаях сосна поневоле должна раскидывать свои корни больше

по сторонам, чем пускать в глубь земли, и потому, понятно, не имеет уже той устойчивости против ветра.

Сосна — одно из немногих наших деревьев, которые могут расти на чистом, сыпучем песке, причем она образует еще и прекрасную древесину, вполне годную на бревна и брусья для построек. Сосновый лес, растущий на песке, называется бором (сосновый бор). Эта способность сосны расти на чистом песке делает эту древесную породу особенно драгоценною при облесении так называемых летучих песков.

Летучие пески занимают иногда весьма большие пространства земли и переносятся ветрами с одного места на другое. Обыкновенно они двигаются все дальше и дальше по одному направлению, именно — по направлению господствующего ветра, т. е. того, который дует в известной местности большую часть года. Такие летучие пески могут приносить большие бедствия на своем пути. Двигаясь постоянно вперед, они шаг за шагом врезаются в обрабатываемые поля, огороды, покосы и т. п., и наконец совершенно их засыпают. Нередко летучими песками заносятся даже целые селения.

Бедствие, причиняемое летучими песками даже хуже бедствия от наводнения: при наводнении вода зальет временно местность и хотя принесет большие убытки, но зато после убыли воды большею частью можно снова исправить причиненное ею зло. Летучие же пески засыпают труды рук человеческих толстыми бесплодными слоями — нередко довольно высокими холмами...

Нередко случается, что веками лежавшие неподвижно пески, поросшие вековым лесом (обыкновенно сосной), становятся летучими после неблагоразумной и неосторожной вырубki наголо всего леса.

Самой верной и надежной преградой сыпучим пескам служит встретившийся на пути их передвижения лес, причем, первые, крайние ряды деревьев засыпаются иногда песком почти до самой вершины.

Как встретившийся на пути движения летучих песков лес останавливает дальнейшее движение песка, точно так же останавливают его и тем, что разводят на таком песке сосну, или, как говорят лесничие, производят искусственное облесение сосною.

Весною, в мае, когда зеленые луга и поляны покрываются цветочными коврами, цветет и наша сосна. В это

время, на новых побегах взрослых сосен,— а изредка и на молодых деревцах,— можно найти, на самых кончиках побегов, маленькие красноватые шишечки величиной с маленькую горошинку. На одном побеге бывает обыкновенно не больше одной-двух таких шишечек. При основании того же молодого побега, на котором сидят красненькие шишечки, а также и при других соседних молодых побегах, мы найдем целые кучки другого рода шишечек — бледно-желтого цвета, из которых при малейшем сотрясении вылетает целое облачко бледно-желтой пыли. Вот эти-то красненькие шишечки, а также и желтоватые, с заключающейся в них желтой пылью, и являются цветами сосны. Когда сосна отцветет,— когда все ее красные шишечки опылятся при помощи ветра пылью из желтых шишечек,— тогда все желтые шишечки засыхают и опадают, красные же начинают увеличиваться, плотнеют и принимают зеленый цвет. В них начинают вызревать семена, которые будут готовы (созреют) лишь через два года. Тогда спелые сосновые шишки раскроются, выпустят из себя семена и затем опадут на землю. Высыпающиеся из сосновых шишек семена могут разноситься ветром далеко от дерева, благодаря тому, что они крылаты: при каждом семечке имеется крылышко — тоненькая, сухая пленочка в виде язычка. Весною — в апреле, а иногда даже и в марте месяце в сосновом бору можно видеть, как кружатся в воздухе, на манер крошечных волчков, облетающие с деревьев семена.

Для сосны это, конечно, выгодно, что ее семена могут разлетаться далеко по сторонам; потому что иначе, если бы все ее семена из всех шишек высыпались прямо под дерево, то, проросши, они затеснили бы, заглушили бы друг друга. Такую же заботу о возможно широком рассеивании своих семян мы встречаем и у многих других растений, как например, у всем известного одуванчика, семена которого так легко сдуваются с головок и разносятся ветром иногда на целые версты.

Если поранить чем-нибудь сосновое дерево в любом месте, то в непродолжительном времени из пораненного места начинает вытекать каплями желтоватая прозрачная смола, которая со временем заливает всю рану и затвердевает. Таким образом, дерево как бы само накладывает на свою рану непромокаемый смоляной пластырь,

который и предохраняет от заболевания и загнивания. Смолокуры (крестьяне, занимающиеся добыванием смолы) пользуются таким свойством соснового дерева и нарочно наносят ему раны, сдирая с него места кору, а затем собирают выступившую и присохшую смолу¹. Из собранной таким образом сосновой смолы добывают скипидар и канифоль — ту самую канифоль, которой скрипачи натирают свои смычки. Известный янтарь, находимый по берегам некоторых морей, и из которого выделывают разные красивые вещицы (бусы, мундштуки для сигар и папирос и т. п.), представляет собою не что иное, как такую же смолу, когда-то выступившую из деревьев особой породы, теперь уже более не встречающейся на земле. В давно прошедшие времена «янтарные» деревья, росшие по морским берегам, обрушивались от подмывания водою в море и со временем там сгнивали, смола же их, как вещество не гниющее, уцелела, и мало-помалу, до сих пор выбрасывается на берега морскими волнами. Нередко в кусках янтаря находят мух и других насекомых, когда-то приставших к липкой и потом затвердевшей смоле «янтарных» деревьев.

Кроме смолы, сосна, как известно, дает нам прекрасные бревна, брусья и доски для разных построек. Большая часть крестьянских изб и деревянных домов нашей родины построены из соснового леса. Также и на многие другие деревянные поделки идет у нас сосновая древесина. Сосновые дрова представляют собой хорошее топливо для печей. Таким образом, сосна является весьма ценным деревом наших русских лесов.

И красотой не обижена наша сосна. В особенности она бывает красива, когда выросла на просторе — одиночкой или небольшим «островком» в 6—7 деревьев. Художники очень охотно рисуют такие живописные сосны на своих картинах.

И в народных песнях поется про сосну. Например: «У ворот сосна раскачалась, ай-люли-люли, раскачалась...» Или: «Во боре-боре стояла сосна, зелена кудрява...»

Также и поэты наши нередко воспевают сосну в своих стихотворениях.

¹ В настоящее время добыча живицы представляет самостоятельную отрасль лесопромышленного производства. Создана большая сеть химлесхозов, занимающихся подсочкой. (Ред.)

ПОД СНЕГОМ

Зима. Все уснуло покоем могильным,
Все поле зарыто под снегом обильным,
И голые ветви осин и берез
Стоят неподвижно, без жизни, без шума,
Как будто томит их какая-то дума,
Как будто бы полны таинственных грез...
Д.м. Чертков

Покрытый белою пеленою спит весь мир растений,— все Зеленое царство спит.

Спят скрытые глубоко под снегом в земле бесчисленные корешки трав и полевых цветов. Спят под ледяной корой на дне прудов, озер и рек бесчисленные водоросли, тростники и камыши. Спят, наполовину засыпанные снегом, по берегам рек, по лугам и лесным опушкам кусты ив, калины и орешника. Спят белоствольные березы, беспокойные осины, могучие дубы. Спят вечнозеленые сосны и ели. Спит все Зеленое царство...

Пусть спит себе спокойно, пусть отдыхает,— оно заслужило этот отдых. С лишком полгода работало оно неустанно, день и ночь для нашего удовольствия и для нашей пользы. Работало на полях и в садах и дало нам цветы, из которых мы делали красивые букеты. Работало на лугах, и дало нам траву, которую мы скосили на душистое сено. Работало на нивах, и дало нам рожь и пшеницу, которую мы сжали себе на хлеб. Работало на огородах и во фруктовых садах, и дало нам овощи и сочные фрукты. Работало в лесах и рощах, запасая дрова и бревна — не только для нас, но и для детей и внуков наших. Словом, все в нем работало,— неустанно, без отдыха от мала до велика, от малейшей былиночки до великана-дерева.

Многие из членов великой семьи Зеленого царства отработали предназначенный срок — с весны до осени — и расстались с жизнью. Но, перед смертью, они позаботились о продолжении своего рода: одни посеяли свои семена вокруг себя, на том же месте, где росли и сами; другие разослали свои семена с быстрокрылым ветром в разные стороны. Остальные же — в том числе и большая часть наших луговых трав, все кустарники и деревья — погрузились в долгий зимний сон, заранее заготовив себе все необходимое для будущего весеннего про-

буждения и нового роста. На ветках деревьев и кустов мы находим уже с осени почки (глазки). У трав же, у которых почки образуются в том месте, где отходил летом от кроной стебелек, они (т. е. почки) скрыты зимой в земле или на поверхности земли. Они скрыты под засохшими, пригнувшимися к земле стебельками и под толстым снежным покровом, оберегающим от зимней стужи дремлющую в них жизнь.

Зародыши многих насекомых проводят зиму в яичке, положенном самочкой осенью в трещину древесной коры или в другой какой-либо укромный уголок. Пригреет весеннее солнышко, разбудит зародыш — несмотря на то, что он находился во время зимних морозов в окоченелом состоянии, и новое насекомое начинает развиваться в яичке: по прошествии известного времени оно выходит из своей яичной скорлупки. В этом отношении почку растения можно сравнить с зародышем насекомого.

Почки образуются во второй половине лета, и к осени, ко времени перехода природы к зимнему покою, они уже совершенно готовы.

Что же именно готово в почках?

А все, как есть все: и будущий стебель, и будущие листья, и даже будущие цветы; только все это находится в зачаточном, крошечном виде и самым удивительным образом прикрыто и защищено от холода и непогоды (по крайней мере у тех растений, у которых почки не скрыты под снегом, а зимуют открыто, как например, у наших деревьев и кустарников). Теперь, зимой, самое удобное время познакомиться с устройством почек, и я советую

читателю заглянуть в этот интересный уголок природы, что доставит много удовольствия.

Сделайте следующее: срежьте несколько веточек с почками от разных деревьев и кустарников, например сирени, клена, осины, вербы (ивы), черемухи, сосны. При этом выбирайте преимущественно такие ветки, на которых почки покрупнее, потолще.

Здесь мы должны сделать маленькое отступление. Дело в том, что на ветках деревьев и кустарников встречаются тройкого рода почки: из одних весной развиваются только листья, или вернее, ветки, несущие на себе одни только листья (листовые почки); из других развиваются побеги с листьями и цветами (смешанные почки); наконец, из третьих появляются одни только цветы (цветочные почки). Вот почки этих-то последних двух родов и бывают обыкновенно значительно крупнее почек первого рода, т. е. листовых; при внимательном рассмотрении их нетрудно отыскать на дереве. При этом опять-таки нужно оговориться, что такие более крупные цветочные или смешанные почки можно найти только на взрослых и старых деревьях и кустах, так как вообще древесные растения в ранней своей молодости редко цветут. Итак, выбирайте такие ветки, на которых находились бы рядом с мелкими листовыми почками и крупные цветочные.

Набрав веток и принеся их в комнату, положите на стол, туда, где посветлее — у окна. Затем возьмите, во-первых, хорошее увеличительное стекло или лупу (удобнее всего такую, какую употребляют часовые мастера, т. е. вставляющуюся в глаз; такая лупа имеет то преимущество, что при работе с нею обе руки свободны); во-вторых, острый перочинный ножичек; в-третьих, большую штопальную иглу и, в-четвертых, немного спирта. Запасшись всем этим, вы можете приступить к делу: смочив предварительно лезвие ножа или бритвы спиртом, берите по очереди ветки, делайте через середину почек — вдоль и поперек — разрезы и рассматривайте их через лупу. (Смачивать нож или бритву спиртом нужно для того, чтобы получались чистые, хорошие разрезы. В особенности это необходимо при работе со смолистыми почками, как например, сосновыми, березовыми, тополевыми, которые сухой бритвой вовсе не режутся, а разрываются).

Рассматривая разрезы почек, вы увидите, что каждая

почка покрыта снаружи чешуйками, и только у вербы вместо чешуек один общий чехольчик. Особенно много чешуек (красивых вишнево-красных) у клена. Чешуйки почки, служа ей как бы одеждой, предохраняют почку от зимней стужи и осенней непогоды. Когда весной почка начинает распускаться и в чешуйках уже более надобности не имеется, они опадают одна за другой. Чехольчики вербовых (ивовых) почек снимаются целиком, в виде колпачков.

Далее: под чешуйками некоторых почек, как например у осины, и под чехликом у ивы вы найдете целую шубку из серебристо-шелковистых волосков, которую предусмотрительная природа заготовила для зимы. Наконец, внутри почек вы увидите: в некоторых из них — зелененькие листочки, сложенные и свернутые различным образом; в других же — зачатки цветов. Особенно интересны и изящны продольные разрезы цветочных почек клена и осины. У клена под колпачком из красных чешуек найдете крошечный зеленый букетик, в котором — если разрез сделать удачно — можно рассмотреть даже отдельные цветочки. Здесь вы ясно увидите, что в этой почке, действительно, все готово для наступающего года: весь цветочный букетик и даже первые листики, которые будут окружать этот букетик, когда он распустится весной. Внутри цветочной почки осины вы найдете уже заготовленными все те сотни крошечных цветочков, из которых составлены распустившиеся весной длинные серо-пушистые сережки этого дерева. То же вы найдете и в цветочных почках сосны и вербы. У всех все готово и только ждет пришествия волшебницы-весны, чтобы от ее теплого дыхания развернуться во всей своей красе...

ЛЕСНАЯ СКАЗКА

...Занесли нас сюда

Буйный вихрь да залетные птицы...

В некотором царстве, неизвестном государстве, кто-то задумал развести на большом пустопорожном месте лес. Дело это было поручено молодому лесничему, чрезвычайно трудолюбивому и аккуратному, но малоопытному. Лесничий нарисовал прекрасный план, на котором каждый лесной участок был обозначен особым номером

и для каждого участка было обозначено, какая именно древесная порода должна на нем расти. Таким образом, будущий лес был уже готов на бумаге и даже сделан точный расчет доходов, которые должны получаться в будущем с этого леса. Потом началось сеяние и сажание деревьев. В нескольких местах устроили питомники, на грядках которых сеялись различные древесные семена, с тем, чтобы впоследствии, когда вырастут маленькие деревца, пересадить их на предназначенные места. Возами привозились молоденькие деревца, купленные из питомника соседнего помещика, уже много лет занимавшегося разведением леса. Сотнями выкапывались из ближайшего леса молоденькие кленки, дубки, вязки, березки, елочки и другие деревца, росшие по лесным опушкам под тенью своих родных деревьев. Все это перевозилось и переносилось на носилках к местам посадок, сажалось, где было возможно, правильными рядами и затем поливалось водой.

Только что оконченный посадкою молоденький «новый лес» выглядел точно сад. В нем и чисто было так же, как в хорошо содержимом саду, потому что все постороннее из него изгонялось: всякий, даже самый незначительный кустик орешника, можжевельника, дикой малины вырубался и выкорчевывался до последнего корешка.

Надо заметить, что молодой лесничий, прилежно изучавший в школе лесное дело, выбрал для каждой породы дерева такие места, какие они наиболее любят. Так, например, сосенкам он отвел песчаный холм; под дуб и клен — хорошие плодородные места; по сырым низинам — где пустил ясьень, где — ольху, на свежих глинистых местах посадил ель и березу и т. д.

Все радовались вновь появившемуся лесочку: радовались прохожие, радовался хозяин прежнего пустопорожного места, радовался молодой лесничий, трудом

и заботами которого все это было создано; и, конечно, он радовался больше всех, любясь стоявшими в правильных рядах деревьями и слыша со всех сторон похвалы своему знанию и умению.

Но не так думал Лесной царь, верховный владыка лесов, повелитель Зеленого царства.

Он сидел на троне. Трон его опирался на могучие сучья столетнего дуба, который возвышался над старым лесом, покрывавшим окрестные холмы. Борода его — длинная, густая, зеленая, перевитая седыми мхами, — свешивалась до самой земли. По обеим сторонам трона, на ветках дуба, сидели два огромных старых филина.

Сначала лесной владыка с удовольствием смотрел на происходившие приготовления к разведению нового леса, радуясь расширению своих владений. Но, когда стали появляться правильные ряды деревьев, а склоны холмов и низменности долины стали разделяться правильными рядами на клетки, подобно шахматной доске, когда он увидел, что в одном месте сажают все одну только сосну, в другом — один только дуб, в третьем — одну только ель, в четвертом — одну только ольху и т. д., — чело его начало хмуриться, и чем дальше, тем оно все больше и больше хмурилось... Наконец, когда по окончании работ ветер донес до его слуха приказание, отданное лесничим, чтобы сторожа внимательно смотрели за тем, чтобы в разведенных лесных участках отнюдь не появлялись посторонние деревья, — Лесной царь грозно сдвинул брови и потрянул своей бородой так, что с нее посыпался дождь седых мхов. Он повелел своим филинам облететь весь лес и собрать к его трону старейшин от всех пород деревьев и от всех пород птиц, которые кормятся семенами и ягодами лесных деревьев и кустарников.

В ночь на Ивана Купала собрались вокруг трона своего повелителя старейшие дубы, клены, ясени, осины и другие лиственные деревья, между которыми возвышались хвойные великаны — сосны и ели. Когда все эти деревья разместились по своим местам, тогда со всех сторон начали слетаться дрозды, дубоносы, сойки, снегири, чижи, чечетки, зяблики и разные другие птицы и в почтительном молчании рассаживались по деревьям. Когда слетелись все птицы и водворилась торжественная

тишина, тогда владыка лесов обратился к собранию со следующей речью:

«Куда девалась красота моего леса?»

Он сказал, и слова его пронеслись бурным порывом между вершинами... У пугливой осинки все листики затрепетали...

«Люди расчерчивают землю прямыми линиями в клетки, точно шахматную доску! Все должно расти прямолинейно, по их желанию и предназначению; я же не терплю прямых линий — в них нет красоты!.. Взгляните на вашу молодежь, рассаженную там лесничим в прямые ряды и клетки: им предназначена печальная участь вечной разлуки с их друзьями и подругами из других древесных пород. Восхитительная прелесть пестрого разнообразия моего леса исчезает, и куда я ни взгляну, повсюду вижу одно лишь печальное однообразие. Воспряньте, дети мои! Для чего даны вашим семенам крылья и легкий, пушок, как не для того, чтобы вы могли, весело путешествуя по воздуху, селиться где вам вздумается? И для чего даны в избытке плоды и ягоды вам, птицы, как не для того, чтобы, лакомясь ими, вы вместе с тем и разносили в разные стороны скрытые в их мякоти семена?»

Надеюсь, вы меня поняли!.. Ступайте же и исполняйте ваш долг!»

Так говорил повелитель лесов. Деревья и птицы поняли его и — исполнили свой долг...

Еще не успели распуститься в саду у лесничего розы, как уже тронулись в путь, снимаемые шаловливым ветерком с деревьев, серебристые облачка свежих, пушистых семян осин, тополей и ив. Они плавно пролетали над «новым лесом», как бы высматривая наиболее подходящие для себя места. Ивовые и тополевые семена опустились на сырые низменности, частью между ольхами, частью между ясенями. Их налетело сюда так много, что вся земля между рядами насаженных лесничим деревьев почти сплошь покрылась, точно снегом, серебристым пушком. Осинные семена протянули немного далее, к дубкам, и частью насеялись между ними, частью же приютились по краям дорожных канав. Многие ивовые и тополевые семена спустились в проточную воду большой прямой канавы, в которую хозяин луга превратил протекавший прежде здесь красивыми извилинами ру-

чей; они плыли вниз и приставали к берегам, в тех местах, где на пути им встречались какие-либо препятствия.

Вскоре после того выучились летать и семена вяза. Точно рой пчел закружились они в один прекрасный день около своих родных деревьев и, подхваченные сильным западным ветром, понеслись на своих широких круглых крыльях по направлению к «новому лесу», где и опустились в участках, засаженных дубками и кленами.

Еще не окончилось лето, как приготовились уже в путь и семена веселых березок. Бесчисленным множеством крошечных буреньких бабочек неслись и кружились они над «новым лесом». Значительная часть их спустилась к своим подругам — елкам, остальные же рассеялись повсюду, где для других деревьев было недостаточно хорошо: ведь березки очень невзыскательны и неприхотливы в своих желаниях.

К тому времени, как пожелтели и зарумянились листья, научились также летать и тяжелые семена кленов и ясеней; но, хорошо зная, что им не так легко перелететь в «новый лес», как осиновому и ивовому пушку, они оставались на ветках своих родных деревьев до наступления времени осенних бурь. К концу осени они уже успели добраться и до ближайшего дубового участка, где и разместились вперемешку с ранее налетевшими туда вязовыми семенами.

С наступлением зимы все успокоилось. Но лишь только деревья начали пригреваться первыми теплыми лучами февральского солнца, как ольхи начали раскрывать чешуйки своих жестких, черно-бурых шишечек и ронять из них свои мелкие бескрылые семена, покрывая снег бесчисленным множеством черных точек. Когда снег начал таять и вешние воды струйками побежали по покатосям, они подхватили с собой и ольховые семена. Достигнув «нового леса», семена ольхи пристроились в нем в разных местах — преимущественно вдоль канав и по сырым низинам вперемешку с ясенями, ивами и тополями.

Наконец, почти одновременно с появлением вешних вод раскрылись тысячи сосновых и еловых шишек. Тогда высвободившиеся из-под их чешуек крошечные, снабженные крылышками семена бесчисленными буренькими волчками закружились в воздухе и также понеслись, гонимые ветром, по направлению к «новому

лесу». Они, конечно, уже не стали спрашивать, будет ли им дозволено поселиться в «новом лесу», а спокойно опускались где им вздумалось, между своими друзьями и родственниками.

Не менее деятельны были также и птицы в исполнении возложенного на них лесным царем поручения. Правда, легкомысленные голубокрылые сойки особенно много нароняли дубовых желудей во время своих перелетов над «новым лесом», но зато сколько натаскали туда рябиновых, черемуховых, калиновых, бузинных, крушинных и разных других ягод прилежные дрозды, снегири, дубоносы, иволги и прочие разные лакомки до сочных ягод! Некоторые иволги, скворцы, дрозды и другие смельчаки были настолько даже дерзки, что таскали в «новый лес» из сада самого лесничего самые вкусные вишни. Полакомившись сочной мякотью, они бросали косточки на землю, зная очень хорошо, что из этих косточек на будущий год вырастут новые вишневые деревца. А плут-дубонос, несмотря на свой неуклюжий глуповатый вид, нередко, под шумок, раскалывал даже и вишневые косточки, лакомясь, заключавшимися в них зернышками, до которых он большой охотник. Но кто принес ягоды крыжовника и насеял их вдоль дороги — этого до сих пор никто не знает. Лесной орешник насеяла во многих местах, маленькая грызунья-белочка. У нее была привычка, наевшись досыта вкусных орехов, прятать остатки от обеда в разных местах, под мхом. Конечно, она часто забывала про них, или не могла их найти, и таким образом из них повывросли кое-где кусты орешника.

Так делали в порядке свое дело деревья, птицы и даже животные, как этого желал и требовал повелитель Зеленого царства. Но были две птицы — клест и снегирь, которые ухитрились сделать даже нечто совсем невероятное. Однажды, плотно покушав вкусных еловых зернышек на старой елке, кривоносый клест прилетел в «новый лес» и, усевшись на росшую при дороге, давно уже сломанную до половины бурею старую иву (которая, однако, продолжала ежегодно зеленеть своими боковыми ветвями), стал чистить свой запачканный в еловой смоле клюв, к которому оказалось случайно приставшим одно еловое семячко. Последствием этого было то, что на сгнившей макушке обломанной ивы вы-

росла молоденькая елочка, пустившая свои корешки в землистую гниль ивы, и мало-помалу стала стройным деревцом, даже более высоким, чем сама ива. Это чудо природы не давало покоя одному толстоносому снегiry, а так как с елью ему никак не удавалась подобная штука, то он вздумал попробовать это с рябиной, и однажды натаскал несколько красных рябиновых ягод в дупло другой старой ивы. К величайшей радости нашего красногрудого приятеля, из ивового дупла в один прекрасный день показалась молоденькая рябинка, которая вскоре бодро вытянулась кверху, зацвела и начала приносить красные ягоды — точно она росла не на чужом дереве, а на земле. «Ну,— думал снегiry,— теперь это чудо-дерево принадлежит мне одному, и я один буду отныне лакомиться его вкусными красными ягодами». Но не тут-то было: в первый же прекрасный осенний день налетели стай нахальные дрозды, и, не спросясь хозяина, дочиста обчистили его рябинку...

Прошло около десяти лет с того времени, как деревья и птицы начали исполнять приказание своего повелителя, и до того времени, когда посеянная клестом на старой иве елка выросла в стройное деревцо, а снегирева рябинка начала приносить плоды.

Нужно ли говорить, что творение лесничего стало неузнаваемо!

Куда девались прямые ряды деревьев? Куда девалось скучное однообразие участков?..

Повелитель Зеленого царства по-прежнему сидел на своем троне, на старом дубе, но уже не хмурился, а самодовольно улыбался, любуясь на красивые, разнообразные-смешанные группы деревьев.

А лесничий? Что он сказал, увидав, что все его столь прекрасно задуманные в кабинете планы и расчеты доходов должны быть вновь переделаны?

Разумеется, сначала он ужасно сердился на незваных гостей. Много березок и елок было вырвано с корнем по его приказанию; но затем он махнул рукой и предоставил расти где чему нравилось.

Мало-помалу он свыкся с незваными пришельцами и стал даже радоваться, видя, как насаженные им деревца бодро и весело растут в сообществе со своими друзьями из других древесных пород, с которыми они привыкли вместе расти на свободе, в лесу. К тому же, еще

В первые годы, многие из вновь посаженных деревьев засохли, так что во многих местах образовались прогалины, которые очень даже кстати заполнились деревьями, выросшими из налетевших семян. Наконец, с каждым новым годичным побегом, который заканчивали сосны и ели, лесничий наш становился годом старше, а с годами человек делается терпеливее и благодарнее. Он предоставил даже ручью течь по-прежнему, извилинами, после того, как одно необычайно высокое весеннее половодье снова направило его в старое русло, и радовался, глядя на стройные тополи и густые кусты ивы, раскинувшиеся по берегам ручья.

Когда однажды заезжий из соседнего городка художник, любуясь с балкона домика лесничего на живописный вид «нового леса», начал высказывать похвалы лесничему, знанию и умению которого он все это приписывал, лесничий ответил:

— Благодарю вас. Мне, действительно, стоило много труда и забот разведение этого леса, но, сказать вам правду, то, что вам именно больше всего нравится в нем — его живописная красота — в этом менее всего я повинен: это — произведение природы дело рук божьих. У меня было задумано нечто совсем иное... Но — все, что ни делается, — к лучшему... Вряд ли росли бы посаженные мною деревца (в каждом участке отдельными породами) так же хорошо, как они растут теперь, охраняемые и подгоняемые кверху налетом из других древесных пород, от соседнего старого леса. Хотя немало существует хороших искусственно разведенных лесов, деревья которых стоят правильными рядами (так же, как они были первоначально посажены и у меня), но они, конечно, много уступают по красоте этому лесу, которым вы теперь любуетесь. Если бы мне когда-нибудь опять привелось вновь разводить лес, то хотя бы я снова стал сажать его, по всей вероятности, правильными рядами (так как это все-таки наиболее удобный способ посадки), но при этом я сумел бы теперь сделать так, чтобы было и хорошо и красиво, как этому научила меня сама природа — наш лучший учитель в подобных делах.

Так говорил лесничий. Художник одобрительно кивал ему головой. Повелитель Зеленого царства, до которого крылатый ветер донес слова лесничего, милостиво улыбался с высоты своего трона, на старом дубе...

Не имея цветочного календаря, вы начинаете замечать те или другие цветы только тогда, когда они появляются уже в большом количестве и сами бросаются вам в глаза. Я же, при помощи моего цветочного календаря, знаю всегда заранее (приблизительно) то время, около которого должны распуснуться те или другие цветы, и подкарауливаю их.

Конечно, вы легко поймете, что для разных местностей должны быть и разные цветочные календари. Так, например, в Крыму весна начинается раньше, чем в Киеве, в Киеве — раньше, чем в Москве, а в Москве — раньше, чем в Архангельске, и т. д., вследствие чего и время появления первых цветов будет для каждой из названных местностей иное. Следовательно, для каждой местности должен быть составлен свой особый цветочный календарь. Составить же его вовсе не трудно. Если желаете, я вас научу.

Как только в воздухе почувствуется первое дыхание

весны, начинайте всматриваться, во время ваших прогулок, в деревья — в их почки, сережки. В особенности же присматривайтесь к ольхе и орешнику, сережки которых, заготовленные еще с осени на кончиках веток и легко бросающиеся в глаза, начинают распускаться раньше других. Нередко они распускаются когда под ними еще лежит толстый слой снега.

Заглядывайте почаще на лесные и полевые проталины, с которых сошел уже снег: на них вы нередко найдете первые цветы, в то время, когда в лощинах и лесной чаще лежат еще сугробы снега. Вообще, обращайтесь внимание на все солнцепри-

печные места: тут часто вслед за исчезновением последней снежной или ледяной корочки появляются из земли головки цветочных бутончиков, а также и первые бледно-желтые, на солнце быстро зеленеющие, травки и былинки. Направляйте ваши прогулки, по возможности, в разные стороны, заглядывайте во все уголки той местности, где живете. Когда снег повсюду уже сойдет и весна вполне вступит в свои права, заходите почаще в парк, рощу, лес и присматривайтесь повнимательнее к деревьям: они ведь тоже цветут, и преимущественно ранней весной (только липа цветет среди лета). А многие ли видели и знают, например, цветы дуба, вяза, ясеня, сосны, ели? Правда, эти цветы с виду не очень-то казисты, да не вдруг и заметишь их на дереве: но если рассматривать их близко, в особенности через увеличительное стекло, будет не раз на что полюбоваться и чему поучиться.

Таким образом, наблюдая первое появление того или другого цветочка, распускание почек и цветов у той или другой породы деревьев, появление первой травки и т. п., записывайте день наблюдения в особую тетрадь, которую озаглавьте, например, так: материалы для цветочного календаря окрестностей NN.

Само собою разумеется, что чем большее число лет вы станете делать свои наблюдения, тем точнее окажутся средние числа цветения и тем вернее будет ваш календарь. При этом имейте в виду, что чем дальше, тем легче будет вам вести свои наблюдения, так как вы уже будете знать, где и когда искать те или другие цветы.

Можно точно так же составить цветочный календарь для лета и осени; хотя осенью цветов мало придется записывать, а придется отмечать время конца жатвы, сбора фруктов и огородных овощей, время осеннего окрашивания листьев, начало и конец листопада. Таким образом получится уже полный «Календарь Зеленого царства». При этом, конечно, вы будете попутно записывать дни, когда услышите первого жаворонка, первого соловья, когда увидите первую бабочку. Присматриваясь к пробуждению Зеленого царства, вы невольно будете замечать и другие выдающиеся явления в пробуждающейся природе. Как приятно будет вам, справившись со своей тетрадкой, поджидать около таких-то чисел жаворонков, а около таких-то — соловьев!

Нет сомнения, что в первые годы вы будете невольно ошибаться в своих расчетах, когда именно ждать такие-то цветы или таких-то птиц. Легко может случиться, что эти цветы и птицы иной раз появятся неделей-двумя раньше, а то и позже, чем вы рассчитывали,— смотря по тому, ранняя или поздняя будет весна. Впоследствии же вы отлично привыкнете соображать, по ходу весны, время появления того или другого цветка, той или другой птицы.

«Каждый год со счастливых островов тропического мира пускается в путь, по направлению к северу, молодая путница. Путешествуя без вида и без подорожной, она всюду встречается с ликованием и радостью нетерпеливо ожидающими ее народами. Всюду путь ее усыпается цветами. Тысячеголосый хор крылатых певунов сопровождает ее в ее торжественном шествии. Она путешествует спокойно, не спеша: железнодорожный поезд быстро ее обгоняет и оставляет далеко за собою; с нею может справиться даже хороший пешеход. С каждым днем она верст на 30 приближается к северному полюсу». Тронувшись в начале февраля с южного берега Крыма, наша путница едва к середине марта достигает Петрограда и нередко в июне не успевает еще добраться до островов Ледовитого океана. При этом она двигается очень неравномерно: иногда останавливается гостить в одном месте неделю-другую, а потом усиленными переходами старается наверстать потерянное время. Случается также, что неблагоприятная погода заставляет ее повернуть немного назад; но вслед за тем при первой же возможности она снова продолжает свой путь к северу.

«Весна идет, весна идет,
И тихих, теплых майских дней
Румяный, светлый хоровод
Толпится весело за ней».

«Цветочный календарь» — путевой дневник этой путницы — Весны.

ГРИБЫ

Многочисленный грибной народец представляет собою одно из самых интересных произведений природы, один из любопытнейших и вместе с тем важнейших отде-

лов мира растений. Вкусный трюфель, растущий под землею в виде клубней картофеля; общий любимец белый гриб (боровик); ядовитый мухомор, растущая на больных деревьях «губка», из которой готовят трут, слезоточивый трутняк (морщинник), превращающий в гнилую труху толстые поперечные балки в сырых строениях; сероватая плесень, образующаяся в банке чернил и на залежавшемся ломте хлеба; дрожжи, заставляющие бродить пиво или

подниматься кверху хлебное тесто (т. е. не тот собственно комочек теста, который продается в лавках под именем дрожжей, а то вызывающее брожение вещество, которое в этом тесте находится), — все это грибы.

Еще не так давно ботаниками насчитывалось до 150 000 видов различных грибов, но в настоящее время их должно быть известно уже гораздо более, так как ученые грибоведы беспрестанно открывают все новые и новые виды грибов. Из этого огромного количества различных грибов лишь весьма ничтожная часть приходится на долю тех, которых мы привыкли называть в обыденной жизни грибами и собиране которых составляет любимое летнее времяпрепровождение и старых, и малых. Громадное же большинство грибов принадлежит к таким, которые можно рассмотреть лишь под сильно увеличивающим микроскопом. Таковы, например, грибки плесневые, дрожжевые, ржавчинниковые (образующие ржавые пятна на листьях некоторых растений) и много других.

Хотя грибы и составляют самую многочисленную семью в мире растений, но стоят они на самой низкой ступени растительного царства, так как у них нет ни настоящих корней, ни стебля, ни листьев, ни цветов. Вместе

с папоротниками, хвощами, мхами, лишаями и водорослями, грибы принадлежат к отделу так называемых бесцветковых или споровых растений, между которыми занимают самое последнее место.

Одно из важнейших отличий грибов от большинства остальных растений заключается в том, что они не имеют так называемой листозелени (хлорофилла), т. е. тех крошечных зеленых крупинок, от присутствия которых прочие растения получают свой прекрасный зеленый цвет.

Вследствие того, что грибы не имеют листозелени, они должны и питаться совершенно иначе, чем другие растения. Дело в том, что при посредстве листозелени растение вырабатывает себе из воздуха и притекающего из земли через корни сока различные питательные вещества, за счет которых оно и растет, т. е. увеличивается в объеме и образует новые почки, побеги, листья, цветы и плоды. Грибы же, не имея листозелени, не могут сами вырабатывать для себя необходимых для своего роста питательных веществ, а должны брать их готовыми от растений или животных. Вот почему грибы растут всегда на мертвых или живых растениях и животных, или на их остатках. Гниющие остатки, сырость, теплота и ограниченный доступ света — вот условия, более или менее необходимые для произрастания грибов. Оттого мы и находим так много грибов, и притом самых крупных, именно в лесу, потому что там всегда вдоволь перегной от опавших листьев и сучков, много влаги в земле и воздухе от постоянной тени, доставляемой деревьями. Итак, грибы всегда растут на каком-нибудь чужом организме — живом или мертвом; сами же, самостоятельно, питаться от земли и воздуха (как это делают другие зеленые растения) не могут.

Вырастают грибы из мельчайших круглых крупинок или, вернее, пузырьков, состоящих из оболочки и содержащейся в ней слизистой жидкости. Эти зернышки, или пузырьки, называются спорами. Спора не есть семя, потому что в каждом настоящем семени находятся в зачаточном состоянии (в зародыше) главные части будущего растения — корень, стебель и листья; в споре же ничего подобного не заключается. Итак, спора гриба не есть семя, но имеет одинаковое назначение с семенем: служит для размножения этого гриба.

У различных грибов споры образуются в различных местах. Так, например, у белого гриба, березовика и других губчатых грибов, имеющих на нижней стороне шляпки так называемую губку, споры образуются во множестве в тех тоненьких трубочках, из которых состоит такая губка. Когда гриб созреет, трубочки эти внизу открываются (отчего нижняя поверхность шляпки зрелого губчатого гриба кажется словно истыканною булавкой) и споры из них выпадают. У сыроежки, мухомора, рыжика и других подобных пластинчатых грибов (имеющих на нижней стороне шляпки пластинки, расходящиеся в виде лучей от середины к краям шляпки) споры образуются на этих самых пластинках, и именно на их боковых поверхностях. Если шляпку зрелого мухомора положить нижней ее стороной на черную бумагу, то через несколько часов на бумаге можно заметить белый порошок, расположенный лучами, соответственно расположению пластинок в шляпке гриба; порошок этот и есть не что иное, как споры мухомора, осыпавшиеся с пластинок шляпки, на которых они образовались. То же самое можно проделать и со всяким другим пластинчатым грибом. При этом лучше всего срезанную ножом с пенька шляпку приколоть через середину над бумагой двух цветов — светлого и темного, и именно так, чтобы одна половина пластинок шляпки приходилась над светлой (например, белой) бумагой, а другая — над темной (черной, синей). Через час-другой споры насеются из шляпки, и если они будут светлого цвета, то ясно, будут видны на темной бумаге, если же темного, — то на светлой. Если при этом опыте шляпка гриба была помещена в спокойном углу комнаты, где не часто проходят мимо и куда не попадает ветер, то споры насеются так правильно, что на бумаге получится настоящий «портрет» пластинчатой стороны шляпки. Этот опыт очень интересен, и советую вам, при случае, его проделать.

Цвет спор у различных грибов бывает различный: белый, желтый, бурый и других цветов. О цвете спор того или другого гриба можно большею частью судить по цвету нижней поверхности шляпки: при светлом ее цвете — светлые споры, при темном — темные.

У сморчков споры образуются на верхней морщинистой поверхности шляпки. У дождевика (из которого, если на него наступить, вылетает зеленоватая пыль — так

называемый «чертов табак») споры образуются внутри шарообразного гриба, из которого вылетают в виде пыли, когда гриб лопнет.

Легкие, как пыль, споры гриба свободно разносятся ветром во все стороны, на большое расстояние, и, упав на подходящее место, прорастают, если только при этом их окружают тепло и сырость.

Прорастание споры заключается в том, что оболочка ее лопается и содержимое выходит наружу наподобие небольшого сосочка; сосочек этот скоро начинает ветвиться и, разрастаясь все больше и больше, образует так называемую грибницу. Грибница эта и представляет собою собственно самую существенную, растительную часть растения — гриба. Развившись из споры, например, на каком-нибудь дереве, грибница проникает в древесную ткань и, питаясь ее составными частями, вызывает у живого дерева болезнь и даже смерть, у мертвого же или срубленного — гниль и разрушение.

Если в лесу, в том месте, где найден на земле гриб, осторожно раскопать землю, то всегда можно найти в ней среди полусгнившей прошлогодней листвы или хвои грибницу, имеющую вид нежного плесневидного войлочка, состоящего из тоненьких ниточек, пронизывающих землю в разных направлениях. Самый же гриб, т. е. то, что обыкновенно называют грибом, есть не что иное, как плодовое тело растения гриба, состоящего из перепутанных и тесно сплоченных между собой тончайших нитей — таких же, из которых состоит и самая грибница, и поднявшихся из нее кверху, над поверхностью земли. Точно такое же грибное плодовое тело представляют собою те древесные «губки», которые мы встречаем на стволах и сучьях больших или засохших деревьев, и грибница которых (т. е. «губок») находится внутри самого дерева.

Большинство грибов растет очень быстро, в особенности ночью и ранним утром, так что нередко случается находить поутру грибы на том месте, где накануне их вовсе не было; или, вернее, они были, но настолько еще малые, что, скрываясь под листьями или в траве, оставались незамеченными.

Продолжительность жизни грибов весьма разнообразна: есть грибы многолетние, однолетние, а также и такие, плодовые тела которых через несколько часов

по их появлении на свет расплываются и истлевают. Скороспелые или скорорастущие грибы, как, например, березовики и сыроежки, достигают полного развития обыкновенно в 2—3 дня; другие же, как например, белые,— в неделю и более. Самую большую продолжительностью жизни отличаются грибы, растущие на деревьях; их плодовые тела, жесткие и деревянистые, с трудом разрезаемые ножом, живут и продолжают увеличиваться в продолжение нескольких лет.

ВАСИЛЕК

На ниве рожь колыхится
Июльским ветерком,
И тихий шепот слышится
Колосьев с васильком...

Тропинка узкая во ржи,— не правда ли, ведь это прелесть? Я в детстве страстно любил такие тропинки: идешь, бывало, а рожь выше твоей головы, с обеих сторон тебе кланяется, и лазоревые васильки ласково улыбаются, к себе манят... Сорвешь один, другой, третий — около тропинки,— четвертый, пятый, шестой заманили уже в самую рожь, которая так и подмывает прилечь. Ляжешь — и встать не хочется.

В тени колосьев прохладно, шелест их навевает трезы, глаза ласкает небесная лазурь...

Вдруг крикнет чуть не под ухом перепел, так что даже вздрогнешь. Затем начинаешь пристально всматриваться в ту сторону, откуда донесся звук, стараясь отыскать глазами пестрого крикуна. Но, конечно, напрасно: быстроногая чуткая птица успела заметить непрошенного гостя и выкрикивает свое «пить-подать» уже за несколько десятков шагов...

Опять все тихо... только шелестят наливающиеся колосья, да с лазурной высоты доносится серебристая, в душу западающая трель жаворонка...

Хорошо, чудо как хорошо!..

Вдруг мимо прошмыгнул мышонок... Вскочишь как угорелый, а потом и совестно станет: какого, подумаешь, зверя испугался! Однако мышонок явился очень кстати: из сырой лощины потянуло холодком. Солнышко собирается на покой. Незаметно пролетело время. Наберешь поскорее побольше васильков, да и пустишься бегом домой, усыпая оброненными цветами милую тропинку во ржи...

С тех пор прошло много лет...

Передо мною стоит букет полевых васильков. Он вызвал в моей душе дорогие воспоминания... Я с наслаждением вдыхаю свежий, слегка миндальный запах лазоревых цветов и не могу на них налюбоваться!

Теперь они привлекают меня еще более, чем в детстве. Ребенком я любовался красивым, ласкающим глаза цветком, теперь же, любясь по-прежнему общим видом василька, я кроме того, восхищаюсь и всеми его прелестными подробностями. Прежде, держа василек в руках, я видел в нем, конечно, один только цветок, теперь же я вижу в одном цветке василька целый букет прелестных цветочков, собранных в изящном портбукетике...

Но прежде чем читать дальше, прошу вас, читатель, раздобыть себе несколько васильков (их можно найти цветущими с конца мая почти до конца августа, даже после того, как рожь убрана,— по межам и канавкам); захватите также лупу или увеличительное стекло, и давайте любоваться вместе.

Посмотрите, что за прелесть эти небесно-голубые зубчатые вороночки, составляющие главную, бросаю-

щуюся в глаза красоту василька! Как красиво вырезаны их зубчики, как изящны их мелкие складочки и как мило смотрят эти ворночки во все стороны, образуя из себя маленький, восхитительный веночек! Каждая такая зубчатая ворночка, есть отдельный цветочек в чем вы убедитесь, осторожно расщипав один василек. На узком нижнем конце такого воронкообразного цветочка вы найдете не вполне развитую завязь (без семенного яичка), окруженную довольно длинными серебристо-шелковыми волосками — так называемым хохолком. У этих краевых воронкообразных цветочков василька нет органов размножения; вы не найдете в них ни пестика, ни тычинок, почему они и неспособны принести семена. Это — цветы бесплодные, пустоцветы, служащие как украшение, для приманки насекомых.

Теперь направьте увеличительное стекло на середину василька, и я уверен, вы долго будете любоваться...

Не правда ли, как хорошо?! Как ни красивы краевые зубчатые ворночки, но эти срединные цветочки еще красивее.

Отделите осторожно булавкой или иголкой один такой срединный цветочек, наколите его на острие булавки и, поворачивая во все стороны, рассмотрите хорошенько. Вы здесь увидите довольно длинную серебристую трубочку, на нижнем конце которой находится желтоватая завязь, увенчанная хохолком из серебристо-шелковистых волосков. Верхний конец трубочки переходит в красивое граненое вздутие, бледно-фиолетового цвета, разделяющееся по верхнему краю на 6 узеньких и довольно длинных лепестков, при основании — фиолетовых, а на концах — ярко-голубых, с постепенным переходом от фиолетового цвета к голубому.

Эта трубочка со вздутием и лепестками составляет венчик срединного цветочка. Внутри этого трубочкообразного венчика находится нежный фиолетовый пестик. Верхняя его часть, крючком выдвигающаяся из середины венчика, плотно охвачена темно-фиолетовой трубочкой сросшихся между собою пяти тычинок. На конце пестика у вполне распутившегося цветочка ясно видно двураздельное рыльце.

Таких срединных плодоносных цветочков почти вдвое больше, чем бесплодных краевых, хотя они, в совокуп-

ности, занимают гораздо меньше места в сложном цветке василька, чем голубые вороночки.

Все эти отдельные цветочки, бесплодные и плодоносные, составляющие в своей совокупности один так называемый цветок василька, собраны в одном общем порт-букетике, или, как говорят ботаники,— образуют соцветие, заключенное в одной общей обертке.

Рассмотрите также в увеличительное стекло и этот порт-букетик. Он тоже красив. Лучше всего, если вы возьмете для этого только что начинающий распускаться бутон василька, из вершинки которого едва показалась голубенькая точка. Такой бутончик с зелеными чешуйчатыми листочками обертки, отороченными серебристой бахромой и к вершинке бутона принимающими фиолетовую окраску, чрезвычайно изящен и напоминает своим видом крошечный ананасик или артишок.

В народной медицине васильковая вода употребляется для примочки от слабости глаз. Отвар из васильков пьют также от сердцебиения. Но самое обширное употребление васильков, это, конечно, на венки! Свежий венок из васильков на красивой белокурой детской головке — может ли быть что-нибудь восхитительнее! Жаль только, что он так скоро увядает!..

Голубые васильки, голубые глазки ребенка, голубое небо — ими можно любоваться вечно...

У нашего василька имеется очень обширная родня, в числе которой есть немало очень известных и даже знаменитых растений: известный подсолнечник, родом из жарких стран Америки; ромашка — известное лекарственное растение; известный ранневесенний желтый цветок — мать-и-мачеха; еще более известный желтый одуванчик, с отцветших головок которого так весело одувать пушистые семена; салат, листья которого употребляются в пищу; цикорий с голубыми цветами, жженные корни которого подмешиваются в кофе; артишок, цветочные бутоны которого употребляются в пищу; колючий чертополох, георгины, астры, маргаритки, ноготки, бархатцы, скабиозы и многие другие цветы наших полей, садов и цветников — все они имеют, как и василек, цветы сложные, состоящие из многих мелких цветочков, собранных в одной общей обертке; все они являются членами обширной и важной для человека семьи растений.

ВЕРБА

...Только одна верба успевает пробудиться от зимнего сна — распускает свои почки на ветках, все же остальные деревья и кусты в это время стоят еще в своем зимнем виде.

Распускает верба к вербной субботе только свои цветочные почки; те же почки, в которых скрыты будущие молодые листики, распускаются гораздо позже — через месяц, а то и больше. Теперь в вербную субботу, эти листовые почечки едва лишь приметны на ветках вербы, — такие они маленькие и придавленные к ветке. Распустившиеся, или вернее, начинающие распускаться цветочные почки вербы и являются теми серебристыми пушистыми «барашками», которые составляют милое украшение вербных веток. До полного распускания этих почек, то есть до их цветения, пройдет тоже еще не одна неделя. Теперь эти «барашки» — еще только набухшие почки, освободившиеся от своей кожистой непромокаемой крышки, которая защищала их от осенней и зимней непогоды. От пригрева мартовского солнышка почка набухла, крышка лопнула, в виде колпачка сползла со скользкого шелковистого «барашка» и упала на землю. В ней, т. е. в крышке, теперь уже больше

надобности нет. В иные годы, когда долго держится теплая осень, случается, что покровные колпачки с вербовых цветочных почек спадают еще в ноябре; и тогда верба зимует с «барашками» на ветках.

Если принесенную в комнату вербу поставить в какую-нибудь посудину (лучше всего в бутылку) с водой и держать в сыром прохладном месте, то «барашки» на ветках будут продолжать расти — станут расширяться, вытягиваться и через несколько дней могут уже зацвести. (В сухом месте «барашки» расти не могут, ссыхаются и опадают от веток).

Перед тем как «барашку» зацвести, из-под его пушистой шубки отовсюду начинают показываться как бы крошечные желтые зернышки, иногда слегка зарумяненные: «барашек» начинает желтеть. Еще немного времени спустя можно хорошо увидеть, что весь «барашек» составлен из множества мелких лапочек, отороченных серебристыми волосками, и что желтые «зернышки» выходят из-под каждой такой лапочки попарно. Каждое «зернышко» сидит на конце тоненькой белой ниточки. Каждая такая пара ниточек с «зернышками» вместе со своей пушистой лапочкой составляет один цветочек вербы. Таким образом, каждый «барашек» вербовой ветки составлен из множества крошечных цветочков, тесно прижавшихся друг к дружке. Пушистые же лапочки этих цветочков все вместе составляли ту серебристую шубку «барашка», которая вместе с непромокаемым колпачком-покрышкой защищала зимою цветочки вербы от стужи и непогоды. Цветочки эти дремали всю долгую зиму, скрытые глубоко шубкой «барашка».

Вскоре после того, как «барашек» вербы пожелтеет, выдвинувшиеся из-под его пушистых лапочек желтые «зернышки» начинают растрескиваться и выпускать из себя белый порошок. Порошок этот липкий: он не осыпается, если встряхнуть ветку, но пристаёт к пальцам и ко всему, что дотрагивается до цветущего «барашка». Вот в это-то время к вербе, цветущей на воле — в лесу или на поле, — начинают слетаться пчелы: они спешат к ней за первым медом и первой обножкой. Набравши меду и полные лапки цветочного порошку, в желтых «штанишках», с первым взятком, радостно летят они обратно в свой родной улей. Из этого цветочного порошка, или цветени, как его обыкновенно называют, пчелки

будут готовить в улье кашу с медом, так называемую хлебину, для выкармливания своих деток (червы). Весело в это время около вербы. Целый день гул стоит над нею от множества пчел, к которым присосеживаются также неуклюжие шмели и желтобрюхие осы. И бабочек первых весенних почти всегда можно тут же встретить. Они также летят на вербу — пососать свежего медку, который крошечными капельками выделяется каждым цветочком цветущего «барашка».

Однако верба не даром угощает слетающих к ней гостей. Услуга за услугу. В чем же состоит та услуга, которую оказывают вербе все эти пчелки, бабочки, осы и шмели? А вот в чем.

Там, где растет много вербы, можно видеть во время ее цвета, что на одних кустах все цветущие «барашки» желтые — скажем, «порошковые», цветные, на других же они все серовато-зеленые и поменьше величиной. Если рассмотреть поближе такой серовато-зеленый «барашек», оказывается, что он весь составлен как бы из крошечных зелененьких бутылочек с вытянутым узким горлышком, а на конце горлышка — головка, разделенная надвое. При каждой такой «бутылочке» находится по такой же пушистой лапке, какую мы видели и при каждом отдельном цветочке порошкового «барашка». Все эти «бутылочки», с их пушистыми лапками — тоже цветочки вербы, но только иного рода — плодниковые: в них зарождаются семена вербы. Вот для того-то, чтобы в этих цветочках-бутылочках зародились семена, и нужна услуга пчел, бабочек и других насекомых. Дело в том, что семена в этих цветочках тогда только могут зародиться, когда на головки цветочков-бутылочек попадет тот желтый порошок, который образуется на порошковых «барашках» и который собирается пчелами как обножка. Так как «барашки» с плодниковыми цветами тоже выделяют из себя мед, то пчелы и другие насекомые, перелетая в поисках за медом с одной цветущей вербы на другую, присаживаются то на цветневой «барашек», то на плодниковый. Вымазавшись липким порошком на одной вербе, они переносят его (на лапках, крылышках, волосистой грудке и пр.) на другую, где, ползая по цветущему «барашку» оставляют часть этого порошка на головках «бутылочек», к которым этот порошок и прилипает. Когда это произошло, тогда в

«бутылочках», начинают завязываться семена, которые, если погода держится теплая, скоро и созревают, недели через две-три. Когда семена созреют, «бутылочка» засыхает, растрескивается надвое и выпускает из себя пушистые семена, которые в виде белого пуха разносятся ветром в разные стороны.

Нередко ветки вербы, поставленные в воду, выпускают из себя зеленые листочки и корешки. Такую ветку с корешками можно посадить в землю — в саду или в огороде: там она примется и вырастет деревцем или кустиком.

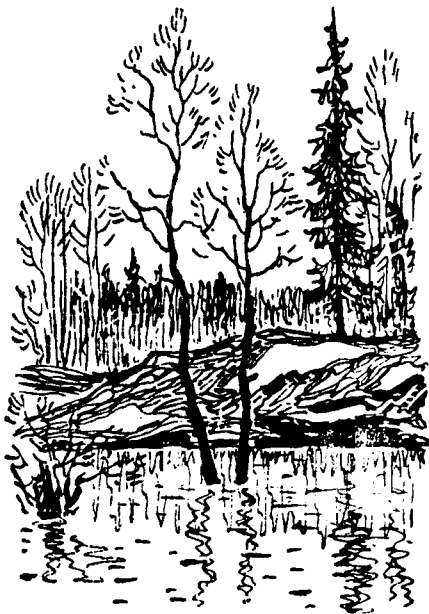
У вербы есть большая родня среди наших деревьев и кустарников. Лоза, ветла, ракета, молокита, бредина, верболоз, ломашник, краснотал, чернотал, белотал — все это разные родичи вербы, которых садовники и лесничие соединяют под одним общим названием — ивы. Нашу вербу называют также шелюгой и красноталом — по красному цвету коры ее веток.

Ивы растут повсюду: по пескам, покосам, болотам, лесам, по берегам рек, озер и прудов — разные породы по разным излюбленным ими местам. Они приносят нам много разной пользы. Так, сушеная и измельченная ивовая кора во множестве употребляется нашими кожевниками при обработке (продубливании, дублении) кожи на сапожный и разный другой кожевенный товар. В Петрограде, на кожевенных заводах за пуд сухого ивового корья платят 60 и 80 копеек, а то бывает и дороже. Много идет тонких и гибких ивовых прутьев на разные плетеные изделия — корзины и пр. В малолесных местностях России, где дорог хороший строевой лес, нередко можно встретить избы, срубленные из ивовых бревен — из пород ивы, вырастающих крупными деревьями; таковы, например, ветла, бредина и некоторые другие. И много еще разной другой пользы приносят ивы в хозяйстве русского народа.

Произрастая повсеместно на обширном пространстве нашего отечества, «ива-ивушка» хорошо знакома русскому народу, и народ ее любит: любит он «вербу», красующуюся своими серебристыми барашками, любит он и зеленое деревцо-ивушку, и зеленый «ракетовый» кусточек», — поминает о них в сказках и поет про них в своих песнях.

ПУЗЫРЧАТКА

Ранней весной, как только пруды начинают освобождаться ото льда, около их берегов нередко можно найти плавающие на воде плотные темно-зеленые клубочки — величиною с горошину или с крупную земляничную ягоду. Это — почки очень интересного водяного растения — пузырчатки. Если набрать таких почек и, принеся домой, поместить в стакан с водой или в аквариум, то вскоре можно увидеть, как из них будут развиваться плавающие в воде нежно-зеленые растения, состоящие из тонкого

нитевидного стебелька, усаженного многочисленными и тоже нитевидными и ветвистыми листиками. Вскоре в углах листиков начинают показываться зелененькие пузырьки, сначала мелкие с бисеринку, а затем становящиеся все крупнее и крупнее — с небольшую горошину. Каждый такой пузырек (или мешочек) приплюснут с двух сторон и имеет небольшое отверстие, прикрытое изнутри дверцей (клапаном). Дверца эта может открываться только во внутрь пузырька, и тотчас же сама захлопывается. Вокруг отверстия пузырька находятся разветвляющиеся наподобие вилочек щетинки и мелкие реснички; несколько щетинок находятся также и на самой дверце. Как только какое-нибудь плавающее в воде мелкое живое существо приблизится к отверстию пузырька и прикоснется к щетинкам дверец, тотчас же пузырек схватывает его и буквально проглатывает. Происходит это очень быстро, — как говорится, «в мгновение

ока». Если животное крупнее пузырька — например, головастик или крошечный рыбий малек — то большею частью заглатывается только часть его, — сколько может поместиться в пузырьке. Дотронется хвостом — заглатывается хвост; дотронется головой — заглатывается голова. И долго бьется головастик, стараясь вырваться опять на волю, но пузырек крепко сжимает свой «рот» и не пускает добычи. Мелкое же животное, попавшееся целиком во внутрь пузырька, не может из него выйти потому, что, как было уже упомянуто, отверстие пузырька закрывается дверцей, открывающейся только во внутрь и тотчас же захлопывающеюся: толкаясь в эту дверцу, попавшая в пузырек добыча только еще крепче закрывает ее, открыть же во внутрь — не сумеет. Вскоре пойманная пузырьком добыча умирает, затем разлагается и всасывается особыми всасывательными придатками, находящимися на внутренней поверхности пузырька.

Летом пузырчатка очень сильно разрастается и иногда наполняет всю воду в мелких местах прудов или в стоячих водах речных заводей. Иногда на ней можно, среди лета, найти и цветы — желтые, с оранжевыми крапинками, шлемообразные — поднимающиеся из воды на стройном стебельке.

Если бы вы пожелали наблюдать, как пузырчатка ловит головастиков, принесите домой весной лягушечьей икры и поместите ее вместе с развивающимися из почек пузырчатками: к тому времени, как из икры начнут выходить крошечные головастики, на ветках пузырчатки разовьются и пузырьки, которые тотчас же и примутся за ловлю шныряющих между ними головастиков.

ОСЕННЯЯ КАРТИНОЧКА

Сколько разноцветных корабликов сегодня на нашем пруду: желтые, красные, оранжевые, — целая флотилия!

Все они прилетели сюда по воздуху. Красиво покачиваясь «на крыльях ветерка», они опускались на воду тихо и плавно — без плеска и без шума. И все еще продолжают прилетать новые, не спеша, спокойно, как бы задумчивые. Прилетит кораблик, опустится на воду

и тотчас поплывет, с поднятыми парусами,— поплывет так важно, горделиво!

Много еще прилетит их и сегодня, завтра, послезавтра... Большой еще запас таких корабликов на деревьях, разноцветной стеной окружающих наш красивый пруд. Теперь, пока летят еще все больше кленовые: они раньше других пускаются в путь — в свое первое и последнее путешествие. Это — самые парусистые кораблики. Изредка прилетит липовый, ляжет на воду золотым кружком и почти не двигается с места. Рядом с ним опустится кленовый — и сейчас поплывет. Остроконечные его лопасти дугой загнуты кверху, — ветерок на них и напирает, как на паруса. А какие между ними есть нарядные, просто прелесть! Вон плывет целый отряд совсем пунцовых, — так и горят на солнце. Это все, должно быть, с того пышного клена, который красуется вон там, на берегу, разурмянившись на славу...

Все эти цветные жорабки плывут в одну сторону, направляясь в продолговатую бухточку в конце пруда. Их набралось уже там видимо-невидимо, — пальцем, как говорится, ткнуть некуда. А что это там белеется между ними — какие-то маленькие беленькие лодочки, с широким парусом на носу. Вот и на пруду виднеются несколько таких же лодочек... И как легко скользят они по поверхности воды, ловко обгоняя всех на своем пути! Это все перышки, — дугой изогнутые, пушистые перышки! Вода к ним не прилипает, вот они и скользят по ней словно конькобежцы по льду. Откуда они! А вон там, на берегу, под кустом раскидистой ивы приютилось многочисленное семейство уток. Одни из них мирно почивают,

спрятав головку под крыло; другие сладко дремлют, положив свой широкий клюв на изогнутый горбом, туго набитый зоб; третьи, тихо побрякивая, занимаются туалетом — чистят, перебирают и приводят в порядок перышки. При этом, нет-нет да и упадет одно, другое, на землю. Ветерок его подхватит, кувырком покатит до воды, а потом и пошло оно скользить по пруду белой лодочкой, обгоняя на пути разноцветные кораблики...

На небе — ни облачка. Изредка покажется стайка пролетных ласточек, покружится минуту, другую и улетит. Это не то, что наши летние ласточки-щебетуньи: эти здесь — на чужбине. Они не щебечут. Молча прилетят, молча поохотятся за запоздалыми мушками и молча же полетят себе дальше — в далекие, вечно теплые края, где никогда не бывает туманной осени, где не знают зимних вьюг и метелей. Не близок их путь, и не скоро вернуться они назад. Счастливого пути, касаточки! Благополучного возвращения весной!..

Ярко светит солнце. Шелестит ветерок листьями, гонит по пруду белые лодочки и цветные кораблики. Плавно летят по воздуху длинные, косые паутинки. Где-то невдалеке малиновка напевает вполголоса свою прощальную песенку. На побуревшем дубе копошится голубокрылая сойка — обирает созревшие желуди. Вот она спорхнула, пролетела над прудом и, резко вскрикнув, скрылась в пестрой листве противоположного берега...

Стих ветерок, водворилась тишина и мягкая прохлада. Неподвижно стоят на пруду цветные кораблики. Не шелохнутся залитые солнцем золотые липы и румяные клены: они смотрятся в зеркало воды, а под ними, на земле, розлито золотое сияние...

Тихо побрякивая и ковыляя, утки гуськом плетутся домой...

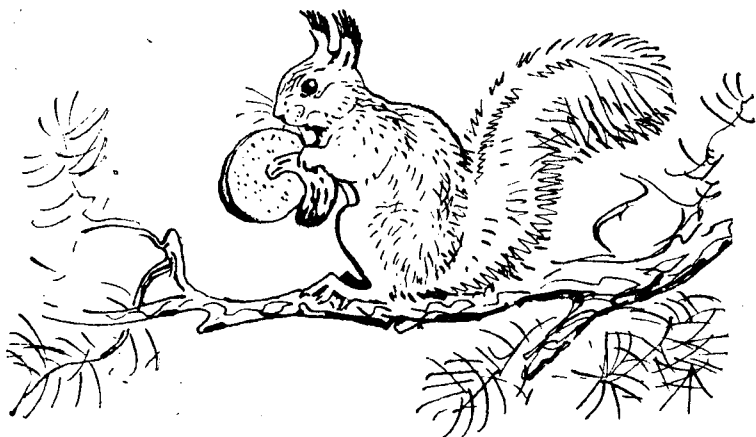
БЕЛКА

Белка-прыгунья,
Белка-грызунья,
Белка-игрунья...

Нет такого леса, такой рощи, парка, сада, даже аллеи деревьев, где нельзя было бы встретить белку — этого милого, красивого зверька. Это настоящий лесной древесный зверек.

«Белка-прыгунья»! И в самом деле, легко ли найти другого такого ловкого и искусного прыгуна! Скачок в полторы-две сажени с дерева на дерево для белки нипочем. Ее длинные задние ножки дают такой сильный толчок во время скачка, ее тельце так гибко, а широкопушистый длинный хвост так хорошо исполняет роль руля во время ее «воздушных путешествий», что нет таких трудных и замысловатых скачков, которые бы не удавались белке. Немало ей помогают также при этом и ее лапки, на которых все пальцы свободны (как на наших руках), а не сросшиеся друг с другом, как у большинства других зверьков и зверей. На концах же пальцев сидят длинные и очень острые коготки. Благодаря такому устройству лапок белка может ловко карабкаться по стволу, крепко держаться за сучья и обхватывать тонкие ветки. Даже на самых тонких и гибких вершинах деревьев, раскачиваясь из стороны в сторону от сильного толчка или порыва ветра, она чувствует себя так же твердо и уверенно, как человек на ровной земле.

«Белка-грызунья»! Как быстро и ловко разгрызает она орехи, как мастерски обгрызает в поисках за семечками еловую шишку, оставляя только стерженек с «кисточкой» из нескольких чешуек на конце. Таким мастерством в грызении она обязана своим четырем передним зубам-долотцам, которыми снабдила ее заботливая мать-природа. И удивительные же это «долотца»! Сколько ни работает ими белочка, сколько ни стачивает о твердую скорлупу орехов — все остаются они острыми, все остаются одинаково длинными, не укорачиваются. Не укорачиваются же они потому, что по мере стачивания все вновь и вновь отрастают, не так, как у большинства других животных, у которых зубы изнашиваются и укорачиваются. Эти зубы-долотца (резцы) служат белке исключительно для грызения; когда же она разгрызла ими, например, орех, то для того, чтобы разжевать и скушать вкусное ядро ореха, — что совсем неудобно было бы сделать на острых и длинных резцах, — у нее имеются, как и у нас с вами, плоские коренные зубы. Но при этом одна особенность: между коренными зубами и передними резцами у белки нет других зубов; у нее там пустое место (совсем не так, как у нас с вами). При первом же случае, когда вам удастся

держат в руках ручную (или мертвую) белочку, вы можете в этом убедиться. Только не советую пытаться проделать это с неручной, дикой белкой — может жестоко ужусить.

«Белка-игрунья!»! Что может быть прелестнее зрелища двух играющих на дереве белочек! Тут и игра в прятки — вокруг ствола, и в пятнашки — взапуски, вдоль ствола, до самой маковки дерева и оттуда вдруг вниз с головокружительной быстротой. Сколько грации, ловкости, красоты во всех движениях этих играющих зверьков. Вот тут-то лучше всего можно убедиться, какими превосходными лазательными орудиями служат белке ее рукообразные лапки с их острыми когтями.

Благодаря тому, что у белки задние ноги гораздо длиннее передних, она очень легко принимает такое положение, какое принимают комнатные собачки, когда им приказывают «служить». Во время еды белка сидит большею частью в таком же положении, потому что оно позволяет ей держать в передних лапках тот предмет, который она разгрызает, например, орех или еловую шишку.

Весною белка строит себе крытое гнездо, с отверстием сбоку. Строит она его из тонких веток, при помощи своих рукообразных передних лапок. В этом гнезде

она выращивает своих деток, о которых родители очень заботятся и в случае опасности переносят их в зубах в другое место, более безопасное. С наступлением осени, когда подросшие уже молодые белочки могут вести самостоятельную жизнь, беличья семья разбивается — расходится в разные стороны, и члены ее начинают вести кочевую жизнь, переходя с места на место, где больше корма.

К зиме белка делает себе запасы из орехов, желудей и разных других лакомств, которые складываются в какое-нибудь дупло или под корни дерева, под камни и тому подобные укромные уголки. Она умеет даже сушить себе про запас грибы, накалывая их на острые концы обломанных веток деревьев. Во время сильных морозов или выюг белка укрывается в дупле или гнезде и спит там целыми днями, прикрывшись, чтобы было теплее, своим пушистым хвостом. Минуют морозы, прекратится непогода — белочка проснется и опять запрыгает по деревьям.

Летом белка имеет рыжую шерсть, к зиме же надевает более пушистую и теплую серую шубку. Вот почему беличьи шубы делают всегда из серого меха, а не из рыжего, — серый беличий мех теплее.

Кроме орехов, желудей, семян разных хвойных деревьев, грибов и прочего, белка питается также древесными почками, обгрызает кору у молоденьких деревьев, а также нередко разоряет и птичьи гнезда. Особенно страдают от нее полезные лесные птички, гнездящиеся в дуплах деревьев. Впрочем, и сама прыгунья нередко попадает на зубок и в когти разных хищников (куниц, сов, ястребов и других), несмотря на всю свою ловкость и изворотливость. Еще больше достается ей от человека. Так, на севере России, в особенности в Сибири, много народа живет белкованием, т. е. стрелянием белок и продажей добытых шкурок. Если в какой-нибудь местности случится неурожай на произведения природы, которыми кормятся белки, то в таком случае эти зверьки собираются в большие стаи и отправляются странствовать в поисках за пищей. Во время таких странствований немало опасностей встречается на пути, и немало гибнет этих милых зверьков от разных врагов и напастей.

ДЯТЕЛ

Много существует на свете разных удивительных музыкантов, но самый удивительный из них тот — и вы, конечно, со мною согласитесь — который умеет барабанить носом по сухой палке, и притом барабанить так громко, что его иногда бывает слышно чуть ли не за версту... Этого удивительного «музыканта» вы можете слышать в весеннее время по утрам (изредка также и в ясные, теплые осенние дни), почти в каждом лесу, даже в большом парке.

Отправившись в хорошее весеннее утро в ближайший лес для прогулки, или для того, чтобы собрать себе букетик из ранних весенних цветов, вы с наслаждением вдыхаете в себя свежий лесной воздух и прислушиваетесь к разнообразным голосам птичьего мира. Вдруг над вами с высоты зеленого свода древесных ветвей раздается громкое «эррррр...», подобное короткой барабанной дробью. Еще и еще повторяется эта странная музыка, и, как бы в ответ на нее, издали доносится такое же «эррррр...».

Постарайтесь всмотреться повнимательнее в вершины окружающих вас деревьев (хорошо, если при вас находится бинокль), и вы увидите самого музыканта — дятла, прицепившегося к сухому, лишенному коры, суку, или выдающемуся зубцу сухой, обломанной вершины дерева, на котором он и выбарабанивает свою оригинальную музыку. С невероятной быстротой и силой ударяет дятел своим клювом по сухому дереву, вызывая из него звуки, которые так приятно звучат для уха человека, любящего лесную природу. Но еще приятнее должны звучать они в ушах подруги дятла: ведь для нее, собственно, дает он свой концерт; и она нередко подлетает в это время к своему дружку, как бы благодаря его за доставляемое ей удовольствие. Случается также, что на барабаненье одного дятла прилетают другие дятлы-соседи, и тогда дело нередко оканчивается ссорой и взаимной потасовкой.

Для того чтобы так громко барабанить клювом по сухому дереву, конечно, нужно иметь очень крепкий клюв, да и не только клюв, но и череп. И действительно, как тот, так и другой устроены у дятла настолько крепко и прочно, что он не только без особенного труда

может разбивать скорлупу лесных орехов, но даже выдалбливает в здоровом дереве большие углубления, не хуже любого плотника. Этого, кроме дятла, не в состоянии сделать ни одна из прочих наших птиц.

Еще дятел великий мастер лазать по деревьям. Прилетев на нижнюю часть древесного ствола, он быстро короткими скачками поднимается вверх по стволу, откинув назад голову, шею и грудь, хвостом же упираясь в шероховатую поверхность коры. При этом он поднимается не по прямой линии, а всегда наискосок — по винтовой (спиралью), вокруг ствола дерева.

Дятел проводит большую часть своей жизни в лазанье по деревьям; он лазает гораздо больше, чем летает. На землю же спускается редко и двигается по ней очень неискусно и неуклюже.

Главным орудием для лазанья служат дятлу его ноги, два пальца которых обращены вперед, а два назад, и снабжены большими, сильно изогнутыми и очень острыми когтями. Но, кроме ног, весьма важным подспорьем для искусного лазанья является еще и хвост дятла, состоящий из очень крепких, пружинистых перьев. Прицепившись острыми когтями своих ног к коре древесного ствола, дятел тотчас же прижимает к дереву свой пружинистый хвост, который, таким образом, служит ему опорой и вместе с тем как бы пружиной, помогающей ему отталкиваться при движении вверх по стволу. В первый раз, когда вам попадется в руки какой-нибудь дятел, обратите внимание на его интересный хвост. При этом вы непременно увидите, что нижняя сторона конца хвоста сильно потерта и поношена, и нередко на ней можно найти даже прилипшие к перьям кусочки смолы, если, например, дятел был убит или пойман в сосновом, или вообще в хвойном лесу.

Дятел — самая лесная из всех лесных птиц. Он создан для леса. Что для рыбы вода, для ласточки воздух. в котором она кружится целый день, то для дятла — лес.

Любо в море рыбоньке,
Любо в небе ласточке,
А мне, добру молодцу,
Любо во сыром бору,
Во лесу-дубравушке...

— сказал бы дятел, если бы мог вообще говорить, да к тому же еще и стихами...

Без леса и деревьев дятел положительно немислим. В стволе лесного дерева находится его колыбель, туда же он возвращается и на ночной покой. Не умея еще летать, дятел-птенец ловко уже карабкается по древесному стволу. В лесу — все радости и печали дятла; вне леса — он чужестранец.

Если нужда в приискании дневного пропитания заставляет дятла перелетать из одного леса в другой, то он по возможности старается при этом держаться хотя бы отдельно стоящих деревьев, древесных групп или аллей. Если же такого «моста» не оказывается, то дятел, скрепя сердце, пускается в путь через ненавистное ему открытое поле; он летит по кратчайшему направлению и с очевидной поспешностью, никогда не сворачивает ни вправо, ни влево. Достигнув благополучно ближайшей лесной «гавани», он тотчас же посылает оттуда свой громкий, ликующий крик по случаю благополучного окончания столь смелого предприятия.

Все наши дятлы очень красивые птицы. Яркие краски, резкий рисунок, внезапные переходы от черного цвета к чисто-белому, от ярко-красного к зеленому характерно отличают дятлов от прочих наших птиц. Как бы в соответствии с такою резкостью в окраске находится и характер дятлов. Их порывистое лазанье, часто прерываемое долбление и барабаненье; их очень громкое, внезапное, резкое вскрикивание; быстрое, как бы внезапное, перемещение с вершины одного дерева к основанию другого; даже самый полет этих птиц, совершаемый большими, глубокими дугами (причем птица то поднимается дугою кверху, порывисто махая крыльями, то вдруг, прижав неподвижно к туловищу крылья, как бы низвергается вниз) — все это носит на себе характер резкого, внезапного, неожиданного. Дятла можно бы сравнить с человеком, который, внезапно ворвавшись в комнату, начал бы быстро толкаться в ней то туда, то сюда, стуча палкой по каждому попавшемуся под руку предмету, время от времени резко вскрикивая или отрывисто хохоча, затем вдруг останавливался бы на несколько мгновений неподвижно, как вкопанный, и снова неожиданно бросался бы в другую комнату с тем, чтобы начать там проделывать то же самое. Костюм для такого господина был бы самый подходящий — пестрый из

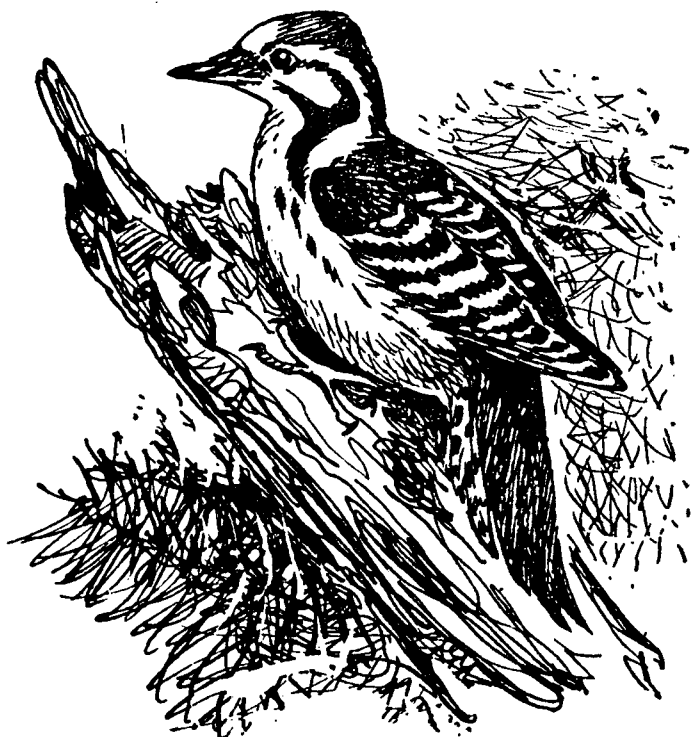
черных, красных и белых лоскутьев, соответственно окраске пестрого дятла.

Кому случалось бывать в лесу, тот, конечно, не раз слышал, как дятел долбит своим клювом деревья. В большинстве случаев, это значит, что господин дятел завтракает или обедает, а может быть, и ужинает — смотря, конечно, по времени дня. Своим острым и крепким клювом он выдалбливает из-под коры, или из гнилого, или даже и из здорового дерева, разных насекомых и их личинок, сверлящих и точащих лесные деревья. Это — его любимая и обыкновенная пища.

Услышав в лесу долбление дятла и желая поближе полюбоваться на самого долбильных дел мастера, возьмите первый попавшийся вам под руку сухой сучок и начните ударять им по коре какого-нибудь древесного ствола (но только никак не того, на котором сидит сам дятел, так как вы этим можете его спугнуть) и старайтесь подражать его долблению. Услышав недалеко от себя присутствие другого дятла (за какогого он не замедлит вас признать, если только вы мало-мальски удачно ему подражали), крепконосый долбун сначала притихнет, прислушиваясь; крикнет иногда при этом раз-другой, а затем подлетит, что называется, к самому вашему носу, и начнет высматривать по сторонам, стараясь отыскать глазами своего предполагаемого собрата. Таковую штуку можно с ним проделать иногда несколько раз кряду. Мне удалось однажды манить таким образом одного дятла почти на полверсты расстояния — из большого парка, к себе в сад, на дачу, причем значительную часть пути пришлось сделать по липовой аллее. Только здесь, в саду, после того, как я начал громко стыдить недогадливого долбуна, он, вероятно, понял, что сделался жертвою обидного обмана и поспешил улететь обратно в парк.

Следует ли объяснить такое легкое подманивание дятла его любопытством, или же присущей ему необщительностью, вследствие которой он не может терпеть близ себя птицы одной с ним породы, а потому желает непременно отыскать ее и прогнать, — сказать трудно.

Пищу дятла, кроме насекомых, составляют также семена некоторых лесных деревьев, преимущественно сосны и ели. Сорвав с ветки шишку, дятел защемляет ее в развилину двух сучков, в расщелину коры или

в нарочно для того выдолбленное в дереве углубление, и затем обрабатывает ее своим крепким клювом, вытаскивая острым кончиком языка семена из-под продолбленных чешуек. Иногда в сосновом лесу попадаются под некоторыми деревьями целые кучи раздолбленных сосновых шишек—это все работа дятла (преимущественно большого пестрого), который, срывая шишки с разных деревьев, сносит их обыкновенно на одно и то же дерево, служащее ему как бы верстаком, на котором их опораживает и затем сбрасывает на землю.

Почти все дятлы (зеленые в особенности) большие охотники до муравьев и муравьиных яиц (куколок). Муравьев они поедают следующим образом: растревожив муравьиною кучу, дятел всовывает в нее свой длин-

ный липкий язык, и когда ожесточенные муравьи облепят его, быстро втягивает снова в рот и, таким образом, проглатывает в один прием изрядное количество этих насекомых.

Есть еще у дятла странная, до сих пор не объясненная, привычка — надалбливать на коре деревьев углубления (на каждое углубление по одному удару), располагая их правильными кольцами вокруг ствола. Кольцевание это сплошь да рядом производится дятлом на совершенно здоровых деревьях, в которых не находится никаких насекомых, а потому оно и является как бы бесцельным. Особенно часто случается видеть такие кольца, или части их (кольцо не всегда бывает закончено), на березе, на белой коре которой они легче бросаются в глаза, чем на темной коре других деревьев. Осматривая приносимые зимою в комнату, для топки печей, березовые дрова, вы не раз найдете на их коре эту работу дятла.

Долбя дерево в поисках за насекомыми своим долотообразным клювом, дятел мало употребляет его, т. е. клюв, для схватывания пищи; для этой цели ему больше служит его необычайно длинный, гибкий, узкий и круглый язык, с острым роговым кончиком. На этом роговом острие, кроме того, находятся еще острые зубчики или крючочки, обращенные остриями назад, так что, раз дятел наколот на кончик своего языка какого-нибудь жучка — тот сидит уже на нем крепко и не сорвется. Благодаря такому устройству языка, дятел может удобно вытаскивать из дерева различных древоточцев, не только по прямому направлению, но и из извилистых ходов, изгибая по ним свой гибкий, длинный язык. При этом нужно еще заметить, что дятел обладает чрезвычайно тонким обонянием, в чем убедились, проделывая над ним следующий опыт: в потолке клетки, в которой содержался дятел, просверливали небольшое отверстие, около которого клали несколько муравьиных яиц. Видеть их дятел не мог, а между тем он прицеплялся к потолку клетки, просовывал свой длинный язык в проделанное отверстие, быстрым движением изгибал его змееобразно во все стороны и, как только ощупывал яйцо, тотчас же прокалывал его острым кончиком языка и препровождал к себе в рот. Так он поступал до тех пор, пока все яйца не были подобраны.

Наблюдая за дятлами, нередко можно видеть, как они, постучав клювом в дерево, быстро перебегают на другую сторону ствола и со вниманием осматривают там все трещины коры. В народе говорят, шутя, будто дятел просверливает насквозь ствол дерева и затем спешит на противоположную сторону, чтобы посмотреть на просушенный кончик своего длинного языка!.. Хотя это доказывает, что этой птице приписывают порядочную глупость, но с другой стороны, в народных сказках черный дятел (желна) играет не последнюю роль, отыскивая таинственный корень «разрыв-травы», отворяющей все замки и указывающей, где зарыты клады:

«Учили — у дятла выманивать свистом
Разрыв-траву с вещими корнем и листом;
Они указуют в полуночной мгле,
Где клады с зарокотом зарыты в земле».

С наступлением весеннего времени у дятла, как и у других птиц, начинаются заботы по выводу детей. Гнездом служит дупло дерева или, чаще, углубление, имеющее форму груши, выдалбливаемое в стволе дерева. При этом, обыкновенно, отдается предпочтение деревьям гнилым или загнивающим, так как они легче долбятся, чем здоровые и крепкие. Особенно часто помещается гнездо в старой, дуплистой или гнилосердой, осине. Дней через 10—14 неустанной работы, исполняемой поочередно самцом и самкой, гнездо готово. Внутри оно довольно просторно, имеет почти гладкие стенки и устлано по дну мелкими опилками. Помещается гнездо большею частью довольно высоко на дереве. Летное отверстие делается лишь настолько широким, чтобы птица могла через него пролезть. Дятлиха несет 5—7 белых, блестящих, как фарфор, яичек, высиживать которые помогает также и господин дятел. Ночью, когда дятлиха сидит на гнезде, дятел ночует по соседству, в прошлогоднем гнезде или в нарочно выдолбленном «спальном помещении», причем спит, прицепившись, в отвесном положении, к стенке своей спальни.

Молодые дятлята, весьма безобразные в первое время своего появления на свет, прилежно выкармливаются своими родителями, скоро выучиваются лазать по стенкам своей колыбели и любят выглядывать на свет божий из летного отверстия гнезда. Если постучать палкой по дереву, в стволе которого находится гнездо

с дятлятами, то эти последние тотчас же очень громко заверещат. Такое же верещание раздается из дятлиного гнезда каждый раз, когда тот или другой из родителей прилетает в гнездо с кормом для птенцов. Благодаря этим далеко слышным крикам, в лесу всегда легко найти гнездо дятла с птенцами.

Вылетев из гнезда, молодые дятлы первое время держатся около своих родителей, а затем рассеиваются, в одиночку, по окрестности.

Все наши дятлы — птицы оседлые или кочующие; перелетных же — то есть таких, которые улетали бы на зиму в теплые страны, между ними нет. Кроме времени вывода детей, в течение которого дятел придерживается той части леса, в которой находится его гнездо, остальную часть года он обыкновенно кочует в одиночку, по лесам своей родины, снискивая в них свое дневное пропитание. С наступлением же весеннего времени — снова возвращается к месту своего гнездовья. Чем обильнее покрыт в лесу стол для дятла, тем меньше округ его кочевки, и наоборот: зимою, в малокормицу, округ кочевки дятла расширяется иногда на многие десятки верст. Пока дятел держится в небольшом округе, он замечательно аккуратно появляется, иногда в одни и те же часы дня, на известном месте. Так, например, я знал одного дятла (это был прекрасный экземпляр малого пестрого дятла, величиною с воробья), который в течение почти трех недель сентября ежедневно появлялся, аккуратно около 12 часов дня, на березе, росшей в саду перед окном моей рабочей комнаты.

Как всякое другое живое существо, так и дятел имеет своих врагов среди животного царства. Проводя большую часть своей жизни в лесу, среди деревьев, дятел сравнительно редко попадает в когти ястребов и других хищных птиц, успешно охотящихся преимущественно лишь на более или менее открытых местах. Главным же его врагом является белка. Эта хорошенькая грызунья вообще большая любительница разорять птичьи гнезда: она редко пропускает благоприятный случай полакомиться птичьими яйцами и даже маленькими птенчиками. В особенности страдают от белок крупные виды дятлов, у которых летное отверстие гнезда настолько широко, что этот зверек может пробраться через него во внутрь гнезда.

Ни об одной, кажется, птице не было высказываемо столь противоречивых мнений, как о дятле, по вопросу о том вреден он для леса или полезен. Было время, когда дятлы считались безусловно вредными птицами, за то, что они долбят деревья, так что чуть ли не выдавались награды за их истребление. Затем, когда образ жизни дятлов стал более известен, и когда выяснилось, что дятел долбит преимущественно деревья больные, загнивающие или вовсе гнилые,— что он поедает великое множество насекомых, живущих на деревьях и внутри их, каковые насекомые, почти все, без различия, считались прежде вредными для леса,— тогда дятлы из вредных и преследуемых птиц превратились в полезных и покровительствуемых. Наконец, в последнее время, когда, в свою очередь, образ жизни лесных насекомых сделался более известен и когда оказалось, что многие из тех насекомых, которые попадают на стол дятлам, относятся к числу совершенно безвредных для леса, так как водятся только в гнилых деревьях, на здоровые же не нападают — слава дятла, как охранителя лесов, значительно померкла. Однако в конце концов большинство птицеведов и лесничих считает дятла все-таки весьма полезной птицей: кроме истребления многих вредных лесных насекомых, дятлы весьма полезны еще и тем, что в значительной степени содействуют пребыванию и размножению в наших лесах многих насекомоядных птиц, уничтожающих огромные количества вредных лесных насекомых и вместе с тем украшающих и оживляющих лес своим присутствием и своими песнями. Таковыми именно птицами являются дуплогнездники, то есть птицы, гнездящиеся в дуплах деревьев; к таким принадлежат, например, синицы, пищухи, вертишейки, мухоловки, горихвостки и другие. Дело в том, что дятлы, большей частью, ежегодно выдалбливают новое помещение для своего гнезда; кроме того, сплошь да рядом, они готовят себе еще по нескольку спальных помещений,— не потому, чтобы дятлу было мало одного ночлежного приюта, а потому, что такими приютами часто завладевают другие дуплогнездники, которым дятел, вопреки своему вообще решительному и энергичному характеру, уступает, обыкновенно, без особенно большого сопротивления. Вот, всеми этими помещениями, которые в большом количестве выдалбливаются дят-

лами, и пользуются полезные лесные птички. Кроме того, дятлы весьма оживляют и украшают наши леса, в особенности осенью и зимой, когда большинство птиц улетает в теплые края и леса наши пустеют. Итак, из вышесказанного видно, что дятел — наш друг, а не враг; его нужно охранять, а не стрелять по нему от нечего делать, как это нередко делают легкомысленные охотники...

КЛЕСТ

Зима. В сухом морозном воздухе колеблются и сверкают на солнце бесчисленные блестящие иголки инея. Они убирают в алмазный наряд не запыленные снегом тонкие ветки деревьев и превращают в бриллиантовое ожерелье паутину, еще осенью перекинутую пауком с одного дерева на другое. В лесу царствует полная тишина, — та особенная торжественная тишина, которая только и бывает в лесу зимой. Изредка лишь донесется откуда-нибудь сухой треск дерева, не выдержавшего ледяных объятий дедушки Мороза, донесется и тотчас же потеряется в окружающем снежном пуху. С тихим свистом крыльев медленно протянет над лесом ворон, крикнет, удаляясь, раз-другой свое отрывистое «крук», и снова все тихо... Беззвучно сорвется с ветки ком рыхлого снега и беззвучно же упадет на землю, оставляя за собой в воздухе полосу серебряной пыли...

«Деревья стройные, как небеса, светлы,
Ведут как будто в глубь серебряного сада,
И хлопья снежные пушисты, тяжелы,
Повисли на ветвях, как гроздь винограда».

Но, чу!.. Что за звуки?.. «цик, цик, цик; цек, цек; цок, цок...» — не то веселые, не то тревожные, быстро приближаются над вершинами деревьев... И только пыль серебряная полетела с вершины невысокой елки, при дороге, когда опустилась на ее запыленные снегом и разукрашенные инеем ветки стайка, штук около десяти, каких-то небольших птиц... Через минуту морозные лучи солнца осветили прекрасную картину: по концам веток, отягченных обильным количеством шишек, развесились, точно румяные яблочки на рождественской елке, ярко-красные птички, немного покрупнее воробья, развеси-

лись в различных позах: кто вниз головой, кто вверх, кто сбоку прицепился одной лапкой к еловой шишке, а другую держится за ветку, кто повис совсем кверху брюшком. Звуков «цик, цик» уже больше не слышать, а с елки начинают падать одна за другой, с небольшими промежутками времени, шишки, с изломанными или расщепленными чешуйками.

По прошествии некоторого времени одной из румяных птичек видимо надоело возиться с еловыми шишками: она перепорхнула на самую маковку соседней елки, и оттуда посыпались, словно горох, веселые звуки, хотя малозвучной и не особенно красивой, но чрезвычайно бойкой и задорной песни.

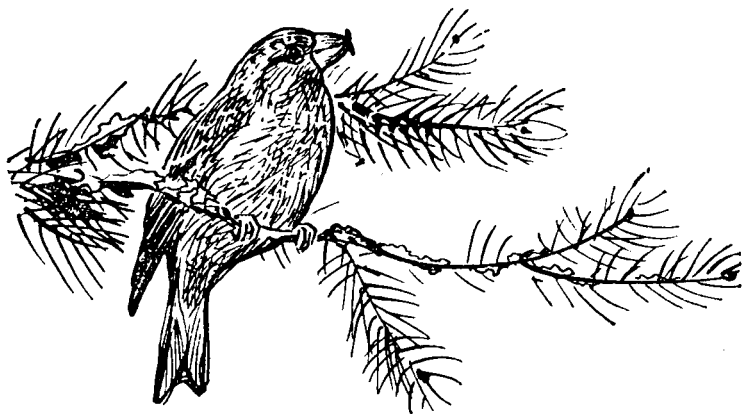
Что это за птицы, которые так бесцеремонно нарушили торжественный зимний покой леса и в каких-нибудь четверть-полчаса общипали и побросали на землю большую часть шишек с вершины елки? Что это за птица, которая на трескучем морозе распевает свои песни, да еще с таким задором, словно насмехаясь над вселеденящим дедушкой Морозом, словно березы убраны не морозным инеем, а молодыми кудрями майской зелени?

Птица эта — клест.

Много есть на свете разных удивительных птиц, но клест наш является одной из самых удивительных, отличаясь особенностями не только не встречающимися у других птиц вообще, но даже и у ближайших его родственников из птичьего мира.

Первою, легко бросающеюся в глаза особенностью в наружности клеста является его крестообразный клюв: верхняя часть клюва не прикрывает нижнюю, как у остальных птиц, а загибается острым крючком вниз и в сторону, нижняя же часть клюва таким же крючком загибается вверх и в противоположную сторону.

...Благодаря своему крестообразному клюву, клест может отлично вылушивать из шишек наших хвойных деревьев, семена, которые и составляют главную его пищу. У меня перебивало в комнате немало клестов, и я много раз имел случай наблюдать, как расправляется эта птица, например, с еловой шишкой: захватив шишку крепко лапами, клест обыкновенно сначала расщепляет верхним концом клюва ту чешуйку из-под которой желает достать семя, затем просовывает клюв между чешуйкой и шишкой и, раскрыв немного рот,

поворотом головы в сторону отворачивает чешуйку и вытаскивает языком из-под нее крылатое семя, которое тотчас же очищает от крылышка и проглатывает. Для того, чтобы опорожнить всю шишку, клесту требуется две-три минуты времени. На воле он нередко перелетает с захваченной клювом шишкой шагов на 15—20, до какого-нибудь дерева, на ветках которого ему показалось особенно удобным расположиться для завтрака.

В сосновых и еловых семенах заключается довольно много смолистого вещества, а так как клест, живущий на свободе, в лесу, поедает огромное количество этих семян, то все тело клеста, в особенности старого, иногда до того просмаливается, что после смерти птицы оно долго не загнивает — словно набальзамированное. Известны даже случаи, когда мертвые клесты сохранялись в течение 15—20 лет без всяких признаков порчи. Впрочем, молодые клесты, а также и те из старых, которые более или менее продолжительное время не получали (например, в клетке) смолистых семян, а питались какими-нибудь другими веществами, начинают портиться (загнивают) почти так же скоро, как и всякая другая птица.

Кроме хвойных семян, клест охотно ест также и другие маслянистые семена, как, например, коноплю и репное семя; также он не прочь, при случае, полакомиться ягодами (например рябиной) и даже насекомыми.

Известны случаи, когда стайки клестов тщательно очищали в садах фруктовые деревья от вредных растительных вшей (тли). В южной России, где нет хвойных деревьев, клесты кормятся крылатыми семенами клена.

Самою удивительною особенностью клеста, особенностью, которой мы не встречаем ни у одной из прочих наших птиц, является способность гнездиться и выводить детей в любое время года. Нет того месяца в году, в котором не случилось бы находить клестовые гнезда с молодыми птенцами. То в одном году клест гнездится, в мае, то, в другом — в январе, в третьем — в августе, в четвертом — в декабре, и т. д., по-видимому, с одинаковым удобством, как в то время,

«Когда на дереве нагом
И сочен, и душнст,
Согретый ласковым лучом
Растет весенний лист»...

так и в то, когда большая часть наших лесных певунов нежится на солнышке, в далеких, теплых краях, а остающиеся у нас на зиму кое-как перебиваются изо дня в день, с трудом снискивая себе необходимое дневное пропитание.

Откуда же, однако, у клеста может являться фантазия заниматься выводом детей среди нашей суровой северной зимы? А вот откуда.

Всякая птица старается вывести детей к тому времени года, когда легче всего можно добывать пищу, необходимую для выкармливания птенцов, которые, как известно, обладают всегда огромным аппетитом. Так как большинство наших птиц выкармливают своих детей насекомыми, то они (птицы) и выводят своих птенцов, обыкновенно, к лету, когда насекомых можно доставать в изобилии. Клест же может выкормить своих птенцов хотя бы одними только хвойными семенами, предварительно размягченными в зобу отца или матери. Семена же эти, вызревая к концу осени, остаются в шишках на дереве до марта, когда начинающие уже пригревать солнечные лучи раскроют (оттопырят) чешуйки шишек и позволят семенам высыпаться на землю. Таким образом, в течение всей зимы клестам накрыт в лесу обильный стол (в особенности в урожайные на шишки годы) и для выкармливания птенцов имеется корма вволю. Далее: в то время, когда чешуйки шишек начинают

понемногу растопыриваться и раскрываться, из-под них легче всего доставать семена. Если же принять во внимание, что молодые клесты появляются на свет с прямым, не крестообразным клювом (он принимает крестообразную форму лишь по вылете птенцов из гнезда) и что птенчикам, в первое время по вылете, приходится еще учиться раскрывать шишки, то станет ясно, что наиболее благоприятным временем для вылета из гнезда будет время начала раскрывания шишек, а именно — март. Для того же, чтобы вывести молодых из гнезда в начале марта, парочка клестов должна приступить к свиванию гнезда в декабре или январе, так как делание гнезда — постройка весьма искусной — длится, по крайней мере, дней 10, если не больше, да и на зимнее высиживание надо ведь немало времени.

Но у вас, вероятно, рождается уже вопрос: каким же образом уберігаются положенные самочкой клеста яички, и вылупившиеся из них голые птенчики от застуживания декабрьскими и январскими морозами? А вот каким образом: во-первых, зимнее гнездо клеста (расположенное всегда высоко на дереве и прикрытое сверху, обыкновенно, какою-нибудь выдающеюся веткою, защищающею его от падающего снега) имеет довольно большую глубину и очень толстые (пальца в полтора) стенки. Стенки эти сплетены из тонких прутиков и былиночек, плотно затканы мхом и древесными лишаями и выложены внутри мягкими перышками; таким образом, гнездо это является очень теплым. (При летнем выводе детей гнездышко делается попрохладнее.) Во-вторых, самочка клеста, положив в гнездо первое яйцо, больше с гнезда уже не слетает; корм же ей доставляет во все время высиживания самчик, выказывающий, вообще, очень большую нежность к своей подруге. В то же время, он не упускает случая и усладить ее слух своими песнями, ретиво распеваемыми на морозе с макушки, обыкновенно, той же елки, на которой находится гнездо.

Клесты водятся во всей северной и умеренной Европе, повсюду, где только есть хвойные леса. Впрочем, слово «водятся» будет не совсем правильным: они не то что водятся, а вдруг появляются в значительном количестве в лесу, в котором многие годы не было ни одного клеста, поселяются в нем, строят гнезда.

высиживают птенцов, и потом вдруг исчезают, за исключением немногих отсталых. Эти птицы «цыгане» остаются на более или менее продолжительное время лишь там, где им хорошо, то есть, где они находят изобилие пищи. В противном случае они кочуют, нигде не останавливаясь, странствуя и перелетая из одного хвойного леса в другой, из одной местности в другую.

В окрестностях Петрограда клестов можно видеть почти каждый год, но в весьма различное время года и в различном количестве. Так, например, в парке Лесного института¹ они появляются стайками (штук по 20—30) то в мае, то в августе, то в ноябре, с шумом перелетают из одной части парка в другую, выкрикивая на полете свое громкое, отрывистое «цик, цик»; усядутся на какое-нибудь изобилующее шишками хвойное дерево, замолкнут, и — только шишки сыплются на землю. В большом же количестве клесты появляются у нас лишь в годы, в которые уродилось много еловых семян.

Старые самцы клестов окрашены большею частью в красивый красный цвет различных оттенков — от желтоватого (огненно-красного) до превосходного цвета ягод красной смородины. У самок преобладает серый цвет, с желтоватым или зеленоватым оттенком, также и у молодых.

К сожалению, столь красивый красный цвет самца-клеста скоро пропадает при содержании его в клетке; через год от него, большею частью, не остается уже никаких следов — он переходит в зеленовато-желтый цвет.

Характер у клеста чрезвычайно симпатичный: отличительные его черты — добродушие, доверчивость и общительность друг с дружкой и даже с другими птицами. Клесты становятся пугливыми лишь после неоднократных преследований. Нередко клест остается сидеть спокойно на дереве даже после того, когда его сосед убит выстрелом из ружья. Пролетающих поблизости птиц своего вида, или сродных, клесты всегда подзывают звуками «цик, цик» и сами охотно следуют за това-

¹ Ныне Ленинградская лесотехническая академия им. С. М. Кирова. (Ред.)

рищами. Они всегда держатся стайками, и члены стайки никогда не удаляются от нее далеко.

В неволе клест очень скоро привыкает к своему хозяину и благодаря своему милому характеру и приятному пению очень почитается любителями комнатных птиц. В клетке он находится в постоянном движении, беспрестанно лазая, подобно попугаю, цепляясь клювом и лапками за прутья клетки. Он также, подобно попугаю, охотно дает чесать пальцем свою головку, выказывая при этом видимое удовольствие.

Клеста необходимо держать в клетке металлической; в деревянной он живо переломает своим клювом все прутья. При недостатке хвойных шишек ему необходимо, даже в железной клетке, подкладывать от времени до времени деревянные палочки, которые он всегда с удовольствием ломает. Если этого не делать, то клест будет ломать жердочки своей клетки.

Кормить клеста лучше всего сосновыми и еловыми семенами, давая ему снятые с деревьев шишки, или же чистым хвойным семенем, продающимся в семенных магазинах. Можно также давать, в виде лакомства, ягоды рябины.

В заключение, несколько слов о том, считать ли клеста птицей вредной или полезной.

Некоторые считают клестов вредными птицами, ставя им в вину сильное уничтожение шишек, или, вернее, семян хвойных деревьев. Другие же, наоборот, ставят клестам это даже в заслугу, совершенно справедливо указывая на то, что в урожайные на шишки годы, когда вершины деревьев бывают слишком отягчены шишками, клесты, обкусывая их с ветвей, тем самым предохраняют немало деревьев от поломки вершин, в особенности при навалах мокрого снега. При этом следует также принять во внимание, что клесты появляются в большом количестве лишь в урожайные на шишки годы, а в такие годы наши обширные хвойные леса до того изобилуют шишками, что, конечно, ни одному лесничему не придет в голову пожалеть о тех шишках, которые будут обломаны клестами.

Итак, если клест и не является особенно полезной птицей, то и вредной, конечно, его также нельзя считать,

тем более, что ведь стоят же чего-нибудь красота и милый нрав этой птицы и то обстоятельство, что клесты так мило украшают и оживляют лес зимою, именно в то время, когда он лишен почти всякого оживления.

СОВЫ

А сова, из дупла, глазками луп, луп,
А совица, на палице, лапками туп, туп!

(Из песни)

Не много можно найти птиц, которые пользовались бы такую известностью, как сова. Всякий знает сову, хотя бы понаслышке и по картинкам. Но далеко не всякому приводилось видеть живых сов, а еще меньше найдется таких, которые знают правду об этих птицах и могли бы рассказать о них что-нибудь, кроме тех небылиц и напрасли, которых так много наплетено про сов; о небылицах же этих рассказывается не только среди простого народа, но и среди образованных людей. Между тем эти птицы заслуживают гораздо большего внимания к себе: они являются, с одной стороны, весьма интересными во многих отношениях созданиями, а с другой — играют немаловажную роль в хозяйстве человека.

Уже одно то обстоятельство, что совы пользуются столь широкою известностью, указывает на существование какого-нибудь особенного интереса к этим птицам. В чем же именно заключается этот особенный интерес? А весьма во многом, главным же образом в наружности этих птиц, столь отличной от наружности остальных наших пернатых созданий.

Кто-то назвал сов «пернатыми кошками», и это название, действительно, как нельзя более подходит к этим птицам. Сходство с кошкой получается главным образом благодаря: 1) большой круглой голове, 2) обращенным вперед (а не в стороны, как у прочих птиц) большим глазам и 3) плоскому «лицу» совы, окруженному венчиком (ошейником) из тонких, жестких перышек, которые лучеобразно расходятся от глаз во все стороны. Сходство с кошкой в особенности увеличивается еще у тех сов, которые, как например филин, имеют над глазами пучки перьев, торчащих кверху в виде ушей.

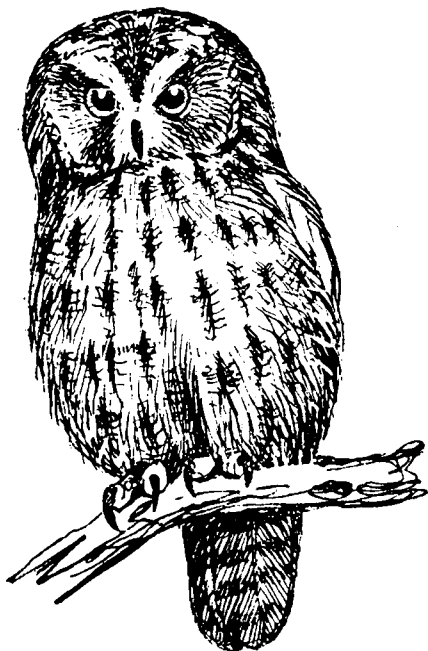
Плоскому виду лица у сов много содействует еще и то обстоятельство, что клюв у этих птиц с самого своего основания загнут вниз, как бы приплюснут, а не выдается вперед, как у прочих птиц.

И ноги у сов, оперенные обыкновенно до самых концов пальцев, имеют сходство с «бархатными» кошачьими лапками и снабжены не менее острыми, чем у кошек, круто изогнутыми большими когтями. (Заметим, кстати, что наружный палец совиной «лапы» может быть обращаем, по произволу, вперед или назад, как у дятлов).

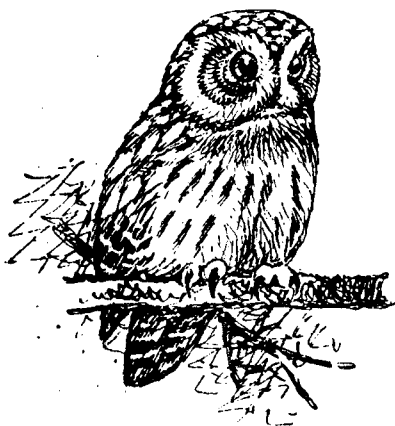
Как у кошек мягкая, пушистая «шубка» большею частью окрашена в серый цвет и нередко разрисована темными пятнами и полосами, так и у сов: оперение всегда рыхлое, мягкое и большею частью в общем сероватое, с темными (бурыми и черными) пятнами и разнообразной формы полосками.

Как кошки передвигаются (например, бегают по полу) неслышными шагами, так и совы летают бесшумным полетом, благодаря мягкому оперению своих крыльев. Заметим, кстати, что полет сов отличается также и особенным характером: мирно летающая в сумерки над полем сова то колеблется из стороны в сторону, то парит, распластав крылья, причем все эти движения весьма грациозны и красивы.

Из органов чувств у сов, как и у кошек, особенно сильно развиты органы зрения и слуха. Да оно и понятно, что так должно быть, иначе им было бы трудно с успехом добывать свое пропитание в ночное время, как это делает большая часть сов. Благодаря сильно развитой способности суживать и расширять зрачки глаз, совы отлично могут приспособлять свое зрение как к очень сильному, так и к очень слабому свету, точно так же, как это могут делать и кошки. Но только у «пернатых кошек» суженный зрачок сохраняет свою круглую форму, тогда как у четвероногих кошек, как известно, сокращенный зрачок (например, днем) принимает узко-длинную форму, в виде черной полоски на желтом фоне глаза. Многие думают, что совы днем ничего не видят, но это — заблуждение: они отлично видят предметы даже при сильном солнечном освещении, хотя, по всей вероятности, сильный солнечный свет и не особенно приятен для их глаз. Мне неоднократно случалось спугивать сов в древесной чаще, среди ясного летнего дня,

Серая неясыть

Сыч воробьиный

и они всегда с замечательной ловкостью пролетали между древесными ветвями, скрываясь из моих глаз. То же самое можно наблюдать и у сов, содержащихся на свободе в комнате.

Наш народ, говоря про сову, часто называет ее «пучеглазю», потому что глаза у совы не только большие, но и сильно выпуклые. И про человека, имеющего большие круглые глаза, говорят нередко, что у него глаза «совиные», или: «глядит, как сова, выпучив глаза».

Что касается до слуха, то он развит у сов в высшей степени. Они слышат малейший шорох, производимый мышью, шевелящейся в траве, и даже не в сухой траве, а в свежей. Жившая у меня в комнате сова, спавшая обыкновенно днем на печке, под самым почти потолком, пробуждалась от самого слабого поцарапывания ногтем о стул, на котором я сидел за моим рабочим столом, в противоположном конце комнаты.

Столь острый слух, необходимый совам

при их ночных охотах, зависит от особенностей устройства их уха, отверстие которого у них гораздо шире, чем у других птиц. Если взять в руки сову и раздуть у нее позади глаз перья, то обнаруживается огромная ушная раковина, окруженная мягкой кожистой складкой. Двигая этой складкой, сова может по произволу открывать или закрывать свое ухо, подобно тому, как это могут делать и летучие мыши (при помощи особого кожистого клапана —

Филин

козелка), также обладающие чрезвычайно чувствительным слухом. Нужно полагать, что как совам, так и летучим мышам должны быть невыносимы дневные звуки, и как те, так и другие закрывают свои уши во время дневного сна, если находятся в безопасном убежище.

Голос у сов громкий, но у большинства из них не особенно приятный, а у некоторых даже и совсем неприятный.

Кроме крика, совы выражают иногда свои душевные движения и иным образом: щелкают клювом и издают особенно хрипкое фырканье, а также уродливо кривляются, взъерошивают перья и делают разные, подчас весьма забавные, ужимки.

Большинство сов летает в вечерние и утренние сумерки, а также и в лунные ночи. В самые темные полуночные часы эти птицы обыкновенно делают перерыв в своих поисках за добычей. Совы, живущие на далеком Севере, где летом вовсе не бывает ночей, охотятся также и при дневном свете, и даже при ярком солнечном

сиянии, потому что другого выбора времени для них там не имеется.

Если той или другой из наших сов случится иногда вылететь днем на белый свет, то ее большею частью тотчас же атакуют с невероятным шумом и гамом разные дневные птицы. В таких случаях сова спешит укрыться в первом же попавшемся дупле или каком-либо ином укромном уголке, иначе ей придется не досчитаться многих из своих мягких перышек. «Все дневные птицы ненавидят сов и как будто желают отомстить им за их ночные нападения во время сна. Весь лес приходит в волнение, как только где-нибудь обнаружится присутствие совы. Одна птица подает голос другой, и бедной ночной птице приходится плохо, так как более сильные из дневных птиц наносят ей даже весьма серьезные удары».

Пища совы состоит преимущественно из млекопитающих животных, а также, но в значительно меньшей степени, из птиц и насекомых. Наибольший изъян причиняют совы мышиному населению наших полей, лесов и садов. Птицам они наносят ущерб почти исключительно только во время выкармливания своих птенцов, когда требуется усиленное добывание пищи. В остальное же время года совы охотятся главным образом за мышами, как это видно из рассматривания состава погадок (шарообразных сухих комков, состоящих из непереваренных пищевых остатков), выбрасываемых совами из рта. И в этом случае совы оправдывают также, и как нельзя более, название «пернатых кошек». Своею мышеистребительною деятельностью большая часть наших сов несравненно полезнее, чем наша хваленая домашняя кошка, которая за последнее время совсем почти переродилась из мышатницы в птичницу. Хорошим подтверждением полезной деятельности сов по истреблению мышей может служить следующий случай.

Как известно, в последние годы сильно распространилась мода на украшение дамских шляп перьями, птичьими крыльями и даже целыми чучелами птиц, большею частью искусственно сделанными из всевозможных перьев. Для удовлетворения этой неразумной и жестокой моды требуется несметное количество «пернатого товара», поставляемого на фабрики специальными агентами-охотниками и разными скупщиками, шныря-

ющими по избам и квартирам птицеловов. Одна из таких «птичьих» фабрик, находящаяся в центральной России, высылала одно время своих агентов-охотников, между прочим, и в область Войска донского. Эти агенты, в числе разной прочей птицы, стреляли также и сов, в большом количестве водящихся зимою в придонских степях и занимающихся мышкованием около полевых хлебных складов (скирд). В первые два года этим агентам никто не мешал изводить сов (кажется, местные жители даже получали некоторую плату за даваемое ими разрешение стрелять птиц в черте их владений); но на третий год донцы встретили этих господ чуть не с дреколями: благодаря уменьшению числа «пернатых кошек» столько развелось в донских степях мышей и других вредных грызунов, что казаки стали не досчитываться весьма и весьма многих кулей хлеба в своих амбарах...

Гнездятся совы в древесных дуплах, в старых заброшенных строениях, в расщелинах скал и разных других хорошо скрытых от постороннего глаза местах. Некоторые из сов устраиваются в подземных норах различных млекопитающих. Гнездо совы всегда устроено очень грубо и незатейливо, из прутьев и разного другого подходящего материала. Совсем белые, без всяких отметин, яйца сов отличаются своею круглою, почти шарообразною формой. Родители выказывают чрезвычайную нежность и привязанность к своим птенцам-совятам и продолжают носить им пищу даже и тогда, когда птенцы вынуты из гнезда и посажены в клетку. Совята долго остаются в гнездах и легко выдают свое местопребывание, оглашая окрестность среди ночной тишины своим неприятным криком.

В комнате держать сов очень интересно и нетрудно, но только их ночные крики делают этих птиц не особенно приятными сожителями. Впрочем, это относится только к крупным видам сов; маленькие же совки и сычики во всех отношениях являются весьма забавными и даже, можно сказать, милыми комнатными птицами. При держании сов в комнате нужно давать им возможность, хотя бы по временам, купаться в свежей воде, а также и в сухом песке, что очень любят делать все совы.

«Сов, как и вообще всех ночных животных, преследуют очень распространенные предрассудки. Легкий, похожий на приближение привидения, полет; большие

круглые, сверкающие глаза; но более всего — отвратительный крик (у крупных видов), принимаемый за крик лешего, издавна навлекли этой птице самую дурную репутацию. В народе весьма распространено мнение, что совы — птицы смерти, дающие знать своим жалобным криком около дома, что больной скоро умрет!... Действительно, крестьянин должен уже очень серьезно заболеть, чтобы держать у себя ночью в комнате огонь. Ведь рассказывают такой характерный анекдот, будто одна крестьянка разбудила однажды ночью своего мужа со словами: «Зажги огонь, я, кажется, умираю», на что муж сердито отвечал: «Точно ты не можешь умереть впотьмах!» Удивительно ли после этого, что совы и летучие мыши слетаются к окну, видя необычное мерцание огня,— что первые (т. е. совы) оглашают при этом воздух своим жалобным криком, и что больному, ночник которого привлекает ночных птиц, становится хуже? Стоит только взглянуть, что шевелится у такого освещенного окна: мошки и мухи, маленькие и большие ночные бабочки, а кое-где и навозные жуки, с шумом стучащие в стекла!.. Так вот кто привлекает ночью сову к окошку больного».

Как и другие, пользующиеся широкою известностью в народе, животные и птицы, так и сова нередко появляется в наших народных песнях, в которых поется про «совушку-вдовушку бедокурную», а также и во многих пословицах, как например: Полюбится сова пуще ясного сокола.— Хошь под небом летай, а все сове соколом не быть.— Что совой о пень, что пнем о сову — а все сове больно.— Ждала сова галку, а выждала палку.

БЕЛАЯ ТРЯСОГУЗКА

Еще в полях белеет снег,
А воды уж весной шумят,
Бегут и будят сонный брег,
Бегут и плещут, и гласят..
Они гласят во все концы:
«Весна идет, весна идет!
Мы молодой весны гонцы;
Она нас выслала вперед».
Весна идет, весна идет!
И тихих теплых майских дней
Румяный, светлый хоровод
Толпится весело за ней!

Ф. Тютчев

Так «гласят» шумно бегущие вешние воды, а им радостно вторит своим серебристым голоском маленькая милая птичка — трясогузка. Она всего лишь несколько дней как прилетела из теплых стран, где проводила нашу зиму, и теперь весело «цизикает», сидя на пригретой солнцем дровяной поленнице, стоящей в ожидании сплава на берегу вздутой вешними водами речки. (Большие реки еще не вскрылись, но прилетевшая трясогузка скоро «перебьет лед своим длинным хвостиком» — как говорит народ, шутя, про трясогузку.) Вот наша птичка вспорхнула, сделала искусный, крутой поворот в воздухе и снова села на прежнее место, неистово замахав при этом вверх и вниз своим хвостиком. «Ци-зи — ци-зю!» — раздалось опять весело с поленницы: должно быть, очень вкусно оказалась только что пойманная большая, блестящая муха, из тех, которые всегда появляются ранней весной на солнечной стороне деревянных домов, заборов и дровяных поленниц. А вот там, на узкой песчаной полоске берега, у самой воды, бегают другая трясогузка: она гоняется за мошкаррой, «танцующей» в воздухе над мокрым песком. Какие быстрые, порывистые и вместе с тем грациозные движения! С какой невероятной быстротой перебирает она на бегу своими ножками, вытянувши горизонтально свой хвостик и головку: но чуть остановилась — тотчас же подобралась и усиленно замахала хвостиком. Она изредка отвечает отрывистым, громким «ци-зи» или «ци-зю» своему супругу, охотящемуся за мухами на дровяной поленнице.

Наружность трясогузки, конечно, известна всякому. Взгляните на помещенную здесь картиночку: вы тотчас

же, конечно, скажете, что много раз видели эту хорошенькую птичку, и преимущественно встречали ее близ воды, по берегам ручьев и рек, которые и составляют любимое ее местопребывание. Госпожа трясогузочка мало отличается по наружному виду от своего супруга, с которым окрашена почти одинаково — в пестрый бело-черно-серый наряд: только черный нагрудничек у нее несколько меньшей величины, чем у самчика.

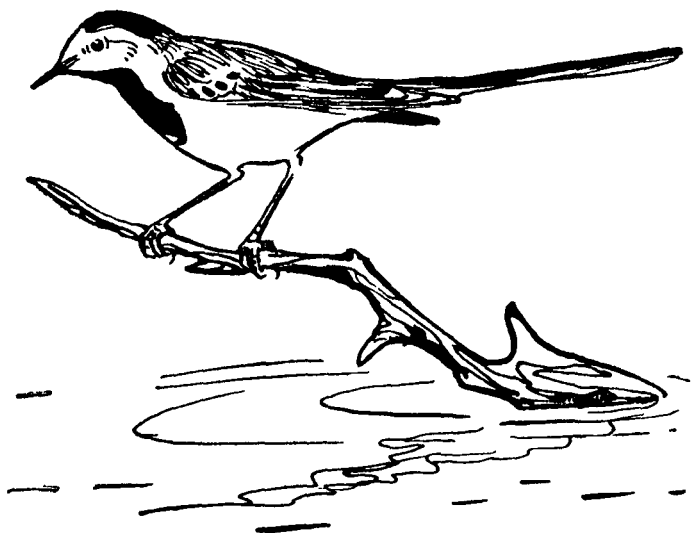
Белая трясогузка — одна из самых распространенных и многочисленных наших птиц. Она гнездится по всей России, от Лапландии¹ до Кавказа и Крыма, и повсюду является одной из самых обыкновенных и общественных птичек. На зиму улетает, стайками, на юг, до внутренних стран Африки и Южной Азии, хотя, впрочем, некоторые единичные экземпляры перезимовывают нередко и в Южной Европе.

Характер у трясогузки необыкновенно живой и подвижной. Она сидит спокойно и не машет хвостиком только в то время, когда поет свою, хотя и весьма простенькую и малозвучную, но чрезвычайно оживленную и веселую песенку. Впрочем, песенка эта поется также, нередко, и во время полета или в погоне за насекомыми, составляющими ее исключительную пищу.

Одною из отличительных особенностей характера трясогузки является непримиримая вражда к хищным птицам, которых она преследует с необыкновенным ожесточением и смелостью. Завидя пролетающего невдалеке ястреба, трясогузка сейчас же бросается вслед за ним и начинает отчаянно «цизикать». На ее крик быстро слетаются трясогузки со всей окрестности, и все, с шумом и гамом, гоняются за ненавистным хищником, пока не прогонят его достаточно далеко от той области, которую считают своею. Очень часто в такой погоне к трясогузкам присоединяются ласточки и другие птицы.

Гнездятся трясогузки преимущественно в речных долинах, в трещинах берегов, на перекаладинах под мостами, в мельничных плотинах, в дровяных поленницах, в дуплах береговых ив и т. п. Высиживает птенцов одна самочка, выкармливание же помогает и самчик; обе птички выказывают при этом горячую и поистине трогательную любовь к своим деткам. Известны случаи,

¹ Здесь и далее Кольский полуостров, Мурманская обл. (Ред.)

когда парочка белых трясогузок, свив гнездо в стоящей у берега барке или в другом каком-либо речном судне, не покидала своих птенцов и тогда, когда судно это отправлялось в плавание по реке.

Под осень трясогузки собираются в стайки и начинают вести кочевую жизнь по полям, заливным лугам, огородам, забираясь на ночь в древесную чащу или в береговые камыши рек и озер. К одним стайкам постепенно пристают другие, и, наконец, с наступлением осенних заморозков эти милые, столь оживляющие нашу северную природу птички, покидают нас — до наступления того времени, когда снова зашумят вешние воды...

Так как трясогузка питается исключительно только насекомыми и их личинками — на что указывает уже ее тонкий клюв — то поэтому она является безусловно полезной птичкой.

КУКУШКА

Перелетная пичужечка,
Непоседная кукушечка!
Где покинешь ты летаньице,
Заунывно кукованьице?
Где согреешь тепло гнездышко,
Заведешь малюток-детушек,
Аль не с тем ты уродилася,
Чтоб жить радостно годилася?
Отмахаться легким крылышком,
Со куста на куст летаючи,
Как бы устали не знаючи,
А тепла гнезда не греючи —
Малых деток не лелеючи!

Н. Цыганов

Прекрасное тихое утро одного из первых дней мая. Только что рассеялся туман над рекой, извивающейся серебристой лентой по неширокой долине. Лишь кое-где, на выбегающих к речке лесных лощинах, тают последние его лохмотья, под напором все теплее и теплее пригревающих лучей майского солнца. По ту сторону реки широко раскинулся мешаный лес, березняком и ельником стелющийся по сырым низинам, сосняком выбегающий на сухие пригорки. Темные елки красиво выскакивают из нежно-дымчатой зелени березняка, всего дня три-четыре начавшего разворачивать свои молоденькие листочки. Шибко бьет в нос и веселит сердце душисто-смолистый запах молодого березового листа, приносимый из-за реки утренним ветерком. Волнами вьются в уши разнообразные звуки «весеннего шума». Сотни пернатых певунов поют, перекликаются и наполняют своими голосами мягкий, свежий воздух майского утра. Словно крошечный колокольчик, вызванивает желтоголовая овсяночка, неподвижно сидя на самой маковке молодой, пока еще безлистной, осинки. Словно флейточка переливается голосок непоседы-пеночки, перепархивающей с ветки на ветку нарядной березки, разукрашенной молоденькими листочками и желтыми цветочными сережками. «Пиули-ти—пиули-ти» — словно на скрипочке наигрывает куличок-перевозчик, спугнутый огромной рыбиной, всплеснувшей у самого берега. Словно барабанщик, барабанит дятел на засохшей вершине старой раскидистой сосны, живописно склонившейся над обрывистым берегом реки. Громким посвистом доносятся из

лесу, по реке, отрывистые строфы певчего дрозда. Серебристыми трелями льются песни трепещущих над луговиной жаворонков. Да всех и не перечтешь!

«Весна-красна пришла,
Все пташки воротились к нам
И рады мы дорогим гостям»...

Но, нет — не все еще. Много, но не все: не слышать было еще соловья, не куковала еще кукушка. А ведь без них и весна не в весну. Только когда раздастся в лесу кукованье... Чу! Да никак она? Или только почувдилось... (О чем думаешь, то и мерещится!)... «Ку-ку, ку-ку!»... Теперь уже явственно донеслось из-за реки. Она самая — легка на помине! — Ну, здравствуй, здравствуй, горемычная...

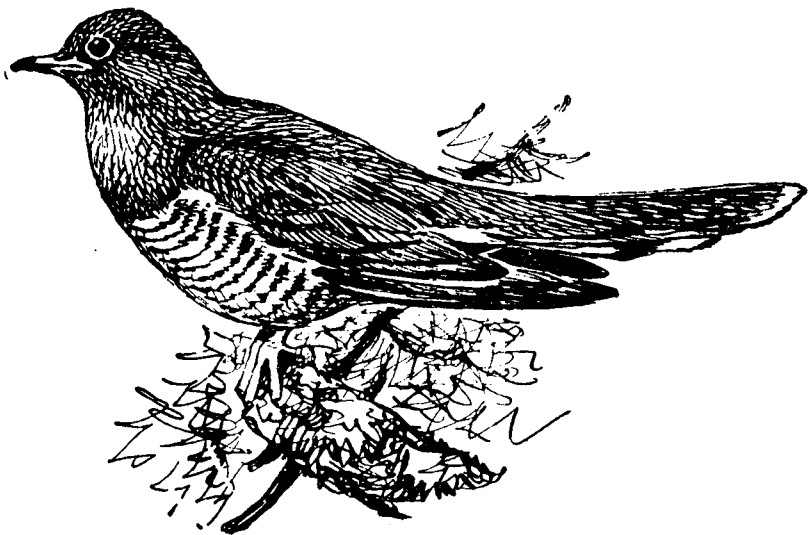
«Где гуляла, пиновала,
Долго пропадала»...

Вот, теперь скинем шапочку да поклонимся низко и скажем: «Здравствуй, красная весна!» — Закуковала в лесу кукушка — наступила весна настоящая:

«Пришла весна с радостью»...

Хоть и завернет еще холодок, да морозко-то уж больше не сунется — кукушечка его откукует.

Ну-ка, покукуй мне еще — денежки-то у меня в кармане есть, я позвякаю, — да кукуй побольше... А долго ли мне еще жить на белом свете? Кукуй подольше... А вон красные девицы вышли с ведрами на речку, да остановились и чего-то слушают. Должно быть, тебя пытаются, много ли годков ждать им суженого. Кукуй им поменьше... вот так. Замолчала... Э, да никак к нам сюда жалует!.. Так и есть, — прямехонько летит сюда через речку. Притаимся скорее за этим ракитовым кустиком, авось сядет поблизости. Бинобль-то у нас в кармане — поглазеем на плутовку. Слышать-то — кто ее не слышал, а видеть-то редко случается: больно плутовата, пестрохвостая, — страсть боится человеческого глаза! Вишь ты, прокатила мимо, и все прямо, как по шнурку летит. А пичужек-то за ней сколько следом: трясогузки, ласточки, зяблики, и даже два дрозда-рябинника — словно за ястребом каким, с шумом и гамом! — Да и в самом деле, наша приятельница-кукушка сильно смахивает на ястреба-перепелятника (недаром же в народе ходит про нее басня, будто она на зиму оборачивается ястребом!..): и ростом подходит, и по перу такая же пестро-серая,

снизу разрисованная черными скобками; только более длинный, почти черный, с белыми крапинами, хвост, который она как бы волочит при полете, да маленькая, сравнительно, голова, легко позволяют отличить ее при полете от перепелятника. Убитую же или пойманную кукушку тотчас можно отличить от ястреба, по ее более длинному и слабому клюву (у ястреба короткий, круто загнутый крючком) и по ногам: у кукушки четыре пальца каждой ноги расположены таким образом, что два из них обращены вперед, а два назад, причем внешний задний палец поворотный, т. е. может быть по произволу повернут и наперед. Самочка-кукушка окрашена почти так же, как и самец. Молодые кукушки, до одного года, имеют на спине ржаво-буроватую окраску, которая на второй год, большею частью, заменяется голубовато-серой. Изредка встречаются экземпляры кукушки с преобладающей красно-бурой окраской, это — годовалые самочки.

Многие думают, что мелкие птицы преследуют кукушку именно потому, что принимают ее за ястреба; но вряд ли это так. Гораздо вероятнее, что птицы умеют отличать кукушку от ястреба и преследуют ее именно

как кукушку, они видят в ней своего врага, хотя врага совсем в ином роде, чем ястреб.

Вам, конечно, случалось слышать, что кукушка не занимается сама выводом своих детей, а подкидывает яйца в чужие гнезда; что она живет на белом свете,

«Тепла гнезда не греючи,
Малых деток не лелеючи».

Самочка-кукушка сносит свое яичко, садясь прямо на избранное ею чужое гнездо, или же, если это почему-либо неудобно, кладет яйцо на землю, и затем, повернув на бок голову, осторожно захватывает его клювом (который очень удобно для этого устроен) и несет в заранее намеченное гнездо какой-нибудь птички. Разыскивать чужие гнезда она великая мастерица, и отлично знает, какие именно птицы выкармливают своих птенцов насекомыми и червяками, так как этой же пищей должен быть выкормлен и ее будущий птенец, в этом отношении она редко ошибается. Подкидываются яйца преимущественно маленьким певчим птичкам, как, например, трясогузкам, малиновкам, горихвосткам, славочкам, мухоловкам, и даже самой маленькой из всех европейских птичек — королю (гвоздику). Те из маленьких птиц, которые, как, например, дубонос, снегирь, зеленушка (лесная канарейка), выкармливают своих птенцов зерновой пищей, обыкновенно освобождаются кукушкой от забот об ее потомстве. При этом нужно заметить, что кукушка несет, сравнительно со своей величиной, очень маленькие яйца: величина их часто не превосходит величины воробьиного яйца. Окраска кукушечьих яиц чрезвычайно разнообразна и обыкновенно сходна с окраской яиц той птицы, в гнездо которой это яйцо подкинута, хотя случается иногда, впрочем весьма редко, что кукушкино яйцо и резко отличается как по величине, так и по окраске, от яиц хозяев гнезда. Всего кукушка кладет 5—7 яиц. Каждое яйцо кладется в отдельное гнездо, причем одна и та же кукушка всегда несет одинаково окрашенные яйца, например, только голубые, или зеленоватые с коричневыми крапинами и т. д. Кукушка, несущая голубые яйца, кладет их в гнезда птичек, которые тоже несут голубые яйца, несущая пестрые — кладет к пестрым и т. п.

Нередко маленькие хозяева гнезда с жалобным и тревожным криком присутствуют при вкладывании

кукушкой яйца в их гнездо, но обыкновенно скоро успокаиваются после ее отлета и, в большинстве случаев, не предпринимают никаких враждебных действий против подкинутого яйца, так же как и против вылупившегося из него птенца. Случай выбрасывания кукушкиного яйца из гнезда хозяевами этого последнего наблюдались очень редко.

Относительно птенца, вылупившегося из яйца кукушки, приемные его родители ведут себя так, что со стороны трогательно даже смотреть. Маленький обжора быстро вырастает, и оба его воспитателя едва успевают приносить для него корм. Он очень скоро занимает лучшее место в гнезде и большей частью вытесняет из гнезда одного за другим своих названных братьев, которые, упав на землю, обыкновенно, вскоре и погибают.

В тех, впрочем довольно редких, случаях, когда законным птенчикам удастся уцелеть в гнезде, рядом с молодой кукушкой, эта последняя ведет себя относительно их вполне дружелюбно. Вытеснение птенчиков из гнезда молодой кукушкой производится следующим образом: она подсовывает понемногу под беспомощных птенчиков свой хвост, подсаживает их, таким образом, к себе на спину, и затем, приподнявшись на ногах, выбрасывает их за борт гнезда. В тех редких случаях, когда в одном гнезде окажутся два птенца кукушки, между ними, с первых же дней, завязывается борьба, оканчивающаяся обыкновенно гибелью слабейшего: более сильный выбрасывает своего слабого соседа за борт.

Так вот как распоряжается в чужом гнезде незванный гость! Между тем, хозяева гнезда, видевшие гибель своих детей, продолжают, несмотря на то, с трогательной заботливостью воспитывать маленького разбойника, и стараются, по мере сил своих, защищать и охранять его. Без страха, с жалобными криками, кружатся они вокруг приблизившегося к их гнезду человека, или хищника, и не обращают внимания на явную опасность, угрожающую их собственной жизни, когда идет дело о защите навязанного им подкидыша. Какая великая любовь в таких маленьких сердечках!..

Птенец-кукушка, пока сидит еще в гнезде и чувствует голод, издает звуки: «цись, цись, циссись», по вылете же из гнезда — «цирк, цирк-цирк», и не громко, так что это цирканье можно слышать лишь шагах в 15—20.

Своеобразную и чрезвычайно интересную картину представляет собою кормление молодой, недавно вылетевшей из гнезда, кукушки какой-нибудь маленькой птичкой. Так, мне привелось однажды видеть, как молодая кукушка перелетала в саду с дерева на дерево, постоянно издавая при этом свое нежное «цирк-цирк», а следом за нею летала крошечная горихвостка, усердно кормившая своего ненасытного питомца гусеницами. Преуморительно было смотреть на огромную, в сравнении с горихвосткой, птицу, трясущую крыльями, точно молодой воробышек, и перед нею крошечную пичужку, сующую ей в широко раскрытый большой рот одну гусеницу за другой.

Как велика прожорливость подрастающей кукушки, тому может служить хорошим примером следующий перечень однодневного продовольствия одной молодой кукушки, выкармливавшейся в клетке: 18 молодых живых ящериц, в 1,5—2 вершка (6—9 см) длиною, 39 больших зеленых полевых кузнечиков, 3 куколки бабочки «мертвая голова», 43 капустных червя, 5 личинок майского жука (сальника), 4 крестовых паука, 50 мучных червей, и на закуску, порядочное еще количество муравьиных яиц! Хорош аппетит — не правда ли?! После этого можете судить о той, поистине гигантской, работе, какую задает птенец-кукушка своим приемным родителям.

Почему же, однако, в противоположность другим нашим птицам, кукушка не занимается сама выводом своих птенцов, а поручает это дело другим птицам? Вполне удовлетворительного ответа на этот вопрос пока еще не имеется. Большинство ученых птицеведов предполагает, что это происходит от того, что кукушка несет свои яйца через большие промежутки времени, именно, в среднем, около 6 дней, так что, если бы она стала сама высидывать снесенные ею яйца, то старшие птенцы успели бы уже вырасти, прежде чем вылупился бы последний птеник.

Обыкновенно думают, что кукушка птица весьма ветреная и легкомысленная, — что она не желает утруждать себя заботами по выводу птенцов, а сама, поручив эти заботы другим птицам, беззаботно наслаждается свободной жизнью в свое удовольствие. Но это не совсем так. Прежде чем кукушка пристроит все свои 5—7 яиц по чужим гнездам, ей приходится перенести немало трудов по разыскыванию подходящих гнезд и немало

неприятностей во время самой кладки яиц. Кроме того, внимательными наблюдателями удостоверено, что кукушка продолжает заботиться о своих яйцах и после того, как они снесены, и иногда переносит потревоженное яйцо из одного гнезда в другое, более, по ее мнению, надежное. Таким образом, в течение около 6 недель, во время которых происходит откладывание кукушкой яиц, эта птица имеет не менее забот по выводу своих птенцов, чем и другие птицы.

Кроме нашей кукушки, весьма немногие птицы таким же образом поступают относительно воспитания своего потомства. Между европейскими птицами делает это еще только хохлатая кукушка, водящаяся в Испании, но она кладет свои яйца в гнезда не маленьких птичек, а преимущественно ворон и сорок. Между неевропейскими же птицами есть немало подкидывающих свои яйца в чужие гнезда.

Однако, мы и забыли про нашу кукушку, пролетевшую со «свитой» мимо нас и скрывшуюся в березовой роще. Что-то долго не подает голоса: должно быть не отдохнула еще хорошенько с дороги. А дорожку-то она сделала не шуточную — из Африки прилетела: ведь она там зиму-то нашу переживает. Вот, денька через три-четыре, поотдохнет, да как прилетят самочки (они всегда на несколько дней запаздывают), тогда раскукуется, да еще как!

Кукушка-кликушка
Большая хвастушка:
С утра до полночи
Кричит, что есть мочи,
Пригнувшись к суку:
«Ку-ку» да «ку-ку!»

Кричит иной раз до надсады, до хрипоты. Едва часам к одиннадцати или к двенадцати ночи угомонится, ан смотришь, в первом часу опять закуковала. И особенно она надсаживается криком по ранним утрам, так что, если хотите узнать от кукушки, долго ли жить вам еще на свете, то не поленитесь встать утром пораньше: тут она вам столько накукует, что и жить-то, пожалуй, столько надоест...

Молчит... или далеко улетела? А вот, посмотрим... Ведь кукушка-самец не терпит близ себя другого самца своей породы, и лишь только слышит неподалеку, столь ненавистное для него, чужое «ку-ку», как тотчас

же закипает в нем непримиримая злоба: он летит тогда на соперника, нападает на него и прогоняет. Таким образом, каждая кукушка-самец ревниво охраняет свой район местности, который она для себя облюбовала, хозяином которой себя считает и в который из года в год возвращается, в конце апреля или начале мая, из своего африканского зимовья. А что кукушка ежегодно возвращается в свой район, имеющий иногда несколько верст в окружности, то, во-первых, это делают почти все наши перелетные птицы, а во-вторых, специально о кукушке имеется наблюдение одного превосходного немецкого наблюдателя и знатока птиц (Наумана), который около 20 лет подряд наблюдал прилет одной кукушки в одну и ту же местность, узнавал же он свою кукушку по ее особенному голосу, который был с изъясном и резко отличался от голосов других кукушек.

Так вот, попробуем, приманить голосом нашу кукушку, авось отзовется: «у-уу, у-уу». Нет, не отзывается... должно быть, далеко отлетела, осматривает свои владения. Ну, и бог с нею, пусть себе гуляет, а мы посидим еще под ракиновым кусточком — здесь так славно сидится — и побеседуем еще об этой интересной птице.

Подманивать кукушку нужно криком «у-уу», без звука *к*, потому что сама кукушка так кричит, и на «куку» редко когда приманивается; если же слышится как будто звук *к* перед *у*, то это происходит оттого, что кукушка выталкивает это *у* довольно сильно и коротко, тогда как второе *уу* берется более мягко.

В присутствии самочки, самец нередко удваивает первый слог и кричит «куку-ку, куку-ку», часто прибавляя еще на конце слабое: «ква-ва-ва-ва». Вслед за таким двойным кукованьем, очень часто раздается раскатистый «хохот» самочки, звучащий громкой, светлой трелью, вроде «кликликликликли»...

К концу июня кукушка кукует уже менее усердно. В пословице говорится: «Не кукуется кукушке на Петров день». К середине июля ее можно услышать лишь изредка, по утрам и вечерам, а затем она и вовсе умолкает.

Отлетает кукушка в теплые страны, в августе. Пищу взрослой кукушки, на воле, составляют жуки, бабочки, личинки, гусеницы, а также (осенью) и ягоды. Гусеницы, и именно, покрытые волосами, составляют главную ее

пищу, а так как кукушка обладает огромным аппетитом, то поедает их в невероятном количестве. Вследствие этого, при вскрытии желудка убитой кукушки, нередко оказывается, что он внутри сплошь покрыт волосами, как бы шерстью, что и подало повод к басне, будто у кукушки растут в желудке волосы. Большинство других наших птиц избегает волосатых гусениц, а так как в числе этих последних есть весьма немало опасных врагов для наших лесных деревьев, то поэтому кукушка является одной из полезнейших птиц. Хотя, правда, своим способом размножения она и причиняет некоторый ущерб среди певчих лесных пташек, большинство которых также принадлежит к числу полезных, но, тем не менее, заслуги кукушки перед лесом много перевешивают тот вред, который она приносит. Известны случаи, когда кукушки спасали весьма значительные участки леса от опустошения вредными гусеницами. Для примера приведу следующий случай, рассказанный одним немецким ученым (профессором Альтумом).

«Весною 1860 года — говорит почтенный профессор — мне понадобилась для моих лекций кукушка, и я отправился 24 мая добывать ее в лес, лежащий в одной мили от Мюнстера. Там я нашел замечательно большое количество этих птиц; со всех сторон раздавались их крики. В небольшом дубовом лесу, где я предполагал найти не более одной пары кукушек, их было штук 6—8, кроме того, как я слышал, там же были застрелены еще 4 штуки «воскресными» охотниками. Подкравшись к ближайшему ко мне экземпляру шагов на 80, я мог наблюдать его очень хорошо. После каждого трех-четырех кукований, эта кукушка что-то такое схватывала и, посидев затем несколько мгновений спокойно, снова заявляла о своем присутствии громким «ку-ку». Наконец она снялась с дерева и пролетела мимо меня на расстоянии ружейного выстрела. Вскрыв ее дома, я узнал, что именно такое она хватала с дерева: в зобе, пищеприемном канале и желудке этой птицы оказалось 97 совсем свежих, выросших до одной трети своей нормальной величины, гусениц процессионного шелкопряда. Мое внимание было обращено, таким образом, на этого опасного врага дубового леса. Посетив затем вскоре опять тот же лес, я нашел в нем начало предстоявшего ему весьма значительного повреждения процессионным шелкопрядом.

Найденные мною на стволах многих дубов тонкие паутинообразные нити, производимые этими гусеницами, указывали на их присутствие, и, поискав немного, я без особенного труда нашел более 20 гнезд. В то же время обнаружилась и весьма энергичная работа кукушек, так как многие семьи этой гусеницы, видимо, сильно уже пострадали, или даже вовсе были уничтожены. Число гусениц, как я мог это заметить при дальнейших моих посещениях, заметно убавлялось со дня на день, и когда я в последний раз, 21 июня, исследовал этот лес, я едва мог разыскать в нем еще несколько гусениц. Однако число кукушек, по-видимому, не уменьшилось, и застрелив, для своего поучения, еще одну кукушку, я нашел ее желудок битком набитым сорока тремя гусеницами, теперь уже совсем взрослыми. С тех пор кукушки совершенно исчезли, за исключением одной-двух, но, вместе с тем, невозможно было открыть уже более и ни одной гусеницы или куколки процессионного шелкопряда,— и опасность была совершенно устранена»... Подобным же образом, в июне 1868 года, 3—5 кукушек спасли целую дубовую рощу от напасти процессионного шелкопряда, хотя эти ядовитые гусеницы находились там уже тысячами, тем не менее, в течение одной почти недели, кукушки вполне с ними справились.

Так вот какие важные услуги оказывает наша кукушка лесу. Не правда ли, ведь за это можно ей многое простить?

В народе кукушка пользуется повсеместной известностью, и даже, можно сказать, любовью. Всякий ее знает, потому что она встречается повсюду, от Лапландии до Крыма и Кавказа, за исключением разве только совсем голой степи, и повсюду заявляет о себе своим громким, далеко слышным кукованием, имеющим какую-то своеобразную прелесть.

Наши народные поэты любят сопоставлять кукушку с «бездольной вдовицей» или с «тоскующей молодухой»:

«Не кукушечка во сыром бору
Жалобехонько вскуковала,
А молодухка в светлом терему
Тяжелехонько престонала...

А кукушечке во сыром бору
По чужим гнездам

Куковати,
А молодушке во слободушке
По чужим углам
Тосковати!»

Заунывная нотка, которая часто слышится в куковании, послужила поводом к прозванию кукушки «горемычною»:

«Не голубкою
Сизокрылою
Заворкует,
Не кукушкою
Горемычною
Закукует»...

То же сопоставление кукушки с горем сказывается и в пословицах: «Не кукушечка кукует, а жена горюет». «Кукушка кукует, горе вещует».

Вообще пословиц, в которых фигурирует кукушка, в русском народе обращается очень большое количество. Из них некоторые довольно часто можно слышать, так, например: «Променял кукушку на ястреба». «На кукушкиных яйцах не высидишь цыплят». «За кукушку (т. е. пустословие) бьют в макушку», и многие другие.

ИВОЛГА

Я пришел к тебе с приветом —
Рассказать, что солнце встало,
Что оно горячим светом
По листам, затрепетало;
Рассказать, что лес проснулся,
Весь проснулся, веткой каждой,
Каждой птицей встрепенулся
И весенней полон жаждой

А. Фет

Чул в роще голос заунывный
Весенней иволги звучит!

А. Майков

Из сонма ярко раскрашенных пернатых обитателей тропических лесов, из круга своих близких родственниц, проводящих круглый год среди пальм и бананов, выделилась одна птица, которая ежегодно прилетает весной, свивает у нас свое гнездо, выводит птенцов и осенью снова улетает на далекий юг — в глубь Африки,

Сама золотая, как луч майского солнца, иволга — так зовут эту птицу — приносит нам самое «золотое» наше время года, когда —

«Небо смеется и ласково
Ветер целует цветы»...

Д.м. Минаев

и когда лес «весенней полон жаждой»...

Прилет иволги проводит яркую черту в общем ходе постепенного развития нашей весны: с ее появлением (в окрестностях Петербурга 8—12 мая) наступает период самого пышного расцвета природы, — начинающийся цветением черемухи и заканчивающийся отцветанием сирени и ландыша.

Иволга пользуется, сравнительно, довольно большой известностью. Мало кому не известно хотя бы ее имя. Собственно говоря, одной уже красоты этой птицы (по форме и величине близко подходящей к дроздам) было бы вполне достаточно, чтобы сделать ее знаменитой: сочетание превосходного оранжево- или золото-желтого цвета головы и туловища, с бархатно-черным цветом крыльев и хвоста, делает самца иволги поистине великолепной птицей (самочка и молодые имеют более скромное желтовато-зеленое оперение). Но не этой своей красоте обязана иволга главным образом своею известностью: красотой ее не часто удается полюбоваться, потому что птица эта чрезвычайно строга и осторожна и держится обыкновенно в густолиственных вершинах высоких деревьев, где ее весьма нелегко отыскать глазами; а рассмотреть порядочно можно разве только при помощи бинокля. Итак, не красота иволги доставила ей известность, а удивительный голос этой птицы, с одной стороны великолепный, с другой же — очень скверный. Великолепна песня иволги, состоящая, правда, всего только из одного короткого колена, вроде «фиулиюу» (или, пожалуй, «и-вол-га-а»), но звучащая необыкновенно громко, полно, кругло и красиво с легким унылым оттенком. Это чисто флейтовые звуки, но только несравненно более громкие, чем те, которые можно воспроизводить на нашей обыкновенной флейте. Особенной силы и красоты достигают эти звуки, когда, вскоре после весеннего прилета, два или три самца ссорятся и гоняются друг за дружкой, выживая один другого из облюбованного и ранее уже занятого одним из них района

местности. В это время ссорящиеся соперники высвистывают свою короткую песню по нескольку раз кряду, вставляя в нее, в азарте, еще и другие прибавочные свисты. Можно подумать, что при этом птицы состязаются также и в искусстве пения. Во время таких ссор, нередко происходящих на нижних сучьях деревьев, легче всего удастся подойти близко и рассмотреть ссорящихся красавцев, в пылу своего задора почти забывающих обыкновенную свою осторожность.

Рядом с великолепными звуками своей песни иволга, к сожалению, издает также довольно часто весьма скверные резкие звуки, благодаря которым эта птица получила даже в народе название дикой или лесной кошки. Действительно, эти неприятные звуки очень напоминают крик кошки, которой наступили на хвост...

Поет иволга очень ретиво — с восхода и до заката солнца, с небольшими лишь перерывами. Песню ее у нас (под Петербургом) нередко можно слышать еще во второй половине июля, когда почти все остальные лесные и садовые певуны уже умолкли.

Иволга гнездится почти по всей Европейской России, с Крымом и Кавказом включительно, за исключением лишь крайнего севера. Любимыми местами гнездовой и летнего пребывания этой птицы служат лиственные и смешанные (хвойно-лиственные) леса, причем она придерживается преимущественно лесных опушек. Большие сады и парки также весьма охотно избираются ей для гнездовья. В чистом хвойном лесу иволгу можно встретить лишь во второй половине лета, когда она кочует со своими молодыми птенцами по округе своего гнездовья.

Гнездо свое иволга вьет большей частью весьма высоко на дереве и помещает его обыкновенно в развилине бокового, горизонтально отстоящего от дерева, сука; при этом верхний край гнезда, имеющего форму продолговатой корзиночки, прививается к обеим веткам, составляющим развилину сука, самая же чашечка гнезда висит свободно между ветками. Материалом для гнезда, чрезвычайно искусно свитого, служат сухие травки и былинки, тонкие ленточки бересты (верхнего слоя березовой коры), паутина, перышки, шерсть и т. п.; в гнездах же, свитых поблизости человеческих жилищ, нередко по-

падает также пакля, тряпочки и нитки (иногда даже с иголкой).

Самочка кладет 4—5 белых, иногда слегка розоватых, глянцевитых яиц, покрытых серыми и темно-коричневыми пятнышками и точками. Высиживание, производимое попеременно самцом и самочкой, продолжается 14—16 дней.

Выводит иволга детей только один раз в лето. Вылетевшие из гнезда птенцы остаются при своих родителях до самой осени, когда, совместно с ними, отлетают до будущей весны в теплые страны.

Пищу иволги составляют разные насекомые, преимущественно из крупных, каковы, например, майские и другие жуки, гусеницы ночных бабочек и пр. Она берет также и косматых гусениц, которых остальные птицы, кроме кукушки, обыкновенно избегают. Кроме того, иволга большая охотница до ягод, которые в конце лета и осенью составляют ее главную пищу. Особенно она любит вишни, а потому посещает весьма усердно, целыми семьями, вишневые и фруктовые сады, являясь очень нежеланным гостем для хозяина сада.

С лесохозяйственной точки зрения иволга безусловно полезная птица. Владельцы же фруктовых садов

могут со значительным правом считать ее вредной, хотя им не следует упускать из виду тех услуг, которые оказывает иволга тем же садам, обильным поеданием, весной и в начале лета, майских жуков, вредных волосатых гусениц и многих других врагов фруктовых деревьев. Не в малую же заслугу следует зачесть иволге и то обстоятельство, что она является, благодаря своей красоте и великолепной песне, истинным украшением наших лесов, садов и парков.

В клетке иволгу редко держат, потому что она лишь с большим трудом выдерживает жизнь в неволе и большей частью погибает при первом линьении. В корм ей следует давать летом свежие муравьиные яйца, зимой же — сухие (обваренные), с тертою морковью и толченым белым хлебом, а также рябину, виноград, ломтики яблок и других фруктов, в виде лакомства.

Одна иволга, взятая нами из лесу еще маленьким птенчиком и вполне прирученная, жила в моем доме более года. Это была преинтересная птица.

ВАРАКУШКА

В окно повеяло весною...
Засвищут скоро соловьи:
И лес оденется листвою.

А. Плещеев

Уже утомившийся день
Склонился в багряные воды,
Темнеют лазурные своды,
Прохладная стелется тень...

В. Жуковский

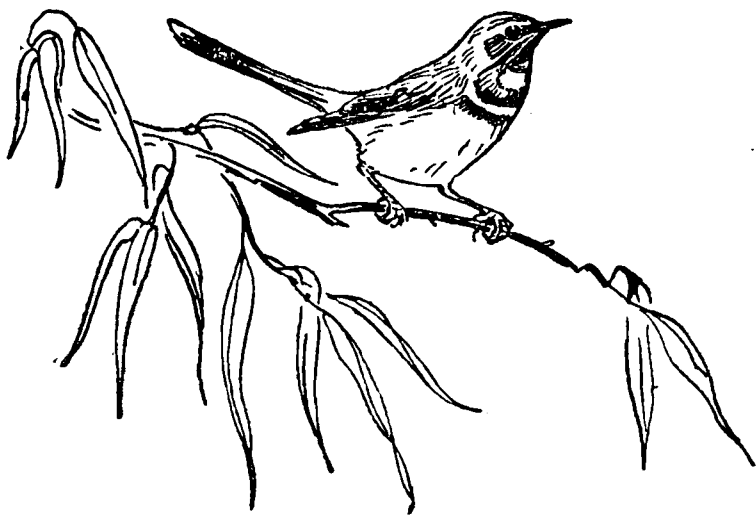
Покончив с дневными трудами, сельский житель перед отходом ко сну вышел посидеть на крылечке — подышать смолистым ароматом распускающейся березовой почки, освежить голову ласкающей прохладой весеннего вечера, послушать, не донесется ли из прибрежных кустов шелканье со дня на день ожидаемого «певца любви». Из соседнего леса изредка доносятся последние строфы певчего дрозда. В саду и ближней роще допевают свои вечерние песни малиновки и горихвостки, — все реже и реже — полусонливо... Вот и они умолкли. «Лазурные своды» темнеют все более и более. С песча-

ной отмели реки долетел тоскливый свист спугнутого кем-то куличка-перевозчика, долетел, повторился эхом в березовой роще и потерялся в клубах тумана, поднявшегося из сырой ложины. Вслед за тем, как бы в ответ, из глубокой, широко размытой и поросшей ольховыми и ивовыми кустами полевой канавы раздалась отрывистая, свежая, полная весеннего задора песня: «ти-ти-титити, рю, рю, рю, рю (как сверчок), титирю-тирю» — далее разнообразные прищелкивания, громкие свисты и затем какое-то пестрое, негромкое бормотанье-щебетанье, плохо слышное издали. Слушатель на крыльчке, собиравшийся было уже уходить восвояси, остановился и стал прислушиваться к этой странной песне. Заинтересовавшись пением таинственной ночной певуньи, он захотел поближе расслышать неясное, издали, бормотанье птички. Подойдя осторожно к тому месту заросшей канавы, из которого раздавалось пение, он ясно мог расслышать, что упомянутое бормотанье состоит из пестрого смешения разнообразных птичьих голосов, перемешиваемых с каким-то особым грудным ворчанием или храпением. В общем, вся песня была интересна до чрезвычайности, по временам она звучала необыкновенно светло и красиво, по временам же напевалась как бы про себя, втихомолку. То пела варакушка¹.

Долго слушал сельский житель, сидя на полевом камне, у края канавы, пение этой интересной и прекрасной певуньи, пока холодок апрельской ночи не заставил его вздрогнуть, раз-другой, и вспомнить о теплой постели... Засыпая, он все еще прислушивался к звучным строфам этой песни, изредка долетавшим до его слуха даже через закрытое окно комнаты.

Варакушка одна из самых красивых и поэтичных наших птичек. Стройная, изящная, на высоких тонких ножках, сверху буренькая, снизу беловатая, с ярко-синим горлышком и грудкой, с хвостиком наполовину (от основания) красным, наполовину темно-бурым, и со светлой бровкой над глазами — вот какой является эта милая птичка, приходящаяся вместе с малиновкой, близкой родственницей соловью. В таком наряде, впрочем,

¹ Варакушить на народном говоре значит передразнивать, подделываться под кого-нибудь. Очевидно, что название варакушки дано этой птичке за ее подражание, в песнях, голосам других птиц. (Авт.)

щеголяет только самчик, у само́чки же горло беловатое, и только на зубу находится голубая полоска. У молодых — верхняя сторона с желтыми пятнышками, горло белое, зуб черный.

К сожалению, это прелестное создание встречается далеко не так часто, как этого можно бы желать. Хотя варакушка и попадает на всем протяжении Европейской России, но гнездится преимущественно в северных и средних губерниях, а также и на Кавказе. В Крыму если и бывает, то только на весеннем и осеннем пролете. Кроме того, она не особенно многочисленна, и на местах своих гнездовых ведет довольно скрытный образ жизни. Легче всего ее увидеть весной, в прилетное время (во второй половине апреля). В первые дни по прилете поющую варакушку нередко можно встретить вблизи человеческих жилищ, на невысоком, еще безлиственном дереве, где-нибудь поблизости проточной канавы или ручья, также на крыше водяной мельницы, полевого амбара, на перилах моста и т. п. открытых местах. Позднее же, во время вывода птенцов, варакушки больше скрываются в кустах и редко попадают на глаза.

Из встречающихся у нас варакушек одни имеют среди синей грудки серебристо-белое пятно (белозвездная

варакушка), другие же — ржаво-красное (краснозвездная варакушка). Попадают также варакушки и вовсе без грудного пятна.

Любимыми местами гнездовой варакушек являются поросшие кустарником канавы с проточной водой, полевые ручейки, овраги и т. п. В лесах эта птичка не держится. Гнездо — рыхлая, плохонькая постройка из сухих стебельков и тоненьких корешков — помещается обыкновенно на земле, в ямке, тщательно скрытой под нависшей травой, или прикрытой ветвями кустарника. Самочка несет 6—7 светло-голубых, с буроватыми крапинками, яиц, которые высидиваются ею попеременно с самчиком.

Пищу варакушки составляют насекомые и их личинки, отыскиваемые ею преимущественно на земле, на манер ее родственников — дроздов и малиновок.

Осенью, в сентябре, варакушки отлетают на юг, в Африку. В это время нередко случается спугивать в кустах небольших темно-буреньких птичек, которые, пролетев с десятков шагов, снова быстро скрываются в кустах, при этом в глаза невольно бросается их красный хвостик, раскрывающийся во время полета. Птички эти — варакушки.

Варакушка — умная, бодрая и чрезвычайно подвижная птичка. Она быстро и грациозно бегаёт по земле, часто приостанавливаясь и осанисто приподнимаясь при этом на своих стройных, тонких ножках. При каждой остановке она обязательно покивает несколько раз своим хвостиком (вроде трясогузки, но только не так учащенно).

В клетке варакушка — милейшая птичка и поёт весьма ретиво — как днём, так и вечером, при огне. Клетка для нее должна быть немного длиннее, чем для других певчих птичек, — чтобы было где побегать, так как варакушка, если только не поёт, большей частью бегаёт по клетке (а не скачет с жердочки на жердочку, как другие птицы). Корм ей полагается такой же, как и соловью. У меня жила одну зиму прекрасная певунья-варакушка на следующем корме: к тертой моркови, смешанной до суха с толченым сухим белым хлебом, прибавлялись муравьиные яйца, мореные мелкие муравьи — мураши (приобретаются в птичьих лавках) и 8—10 тараканов-прусаков в день.

ВАЛЬДШНЕП

Люблю я вечером стоять в лесу на тяге.
С природой-матерью свободно и легко,
Тут забываются мирские передраги
И думы смутные отходят далеко...
Забьешься в уголок знакомой луговины,
С ружьем в руках, и знаешь наперед,
Что над вершинами березы и ольшины
Направит вальдшнеп свой полет.
Мечтай и жди.

Дм. Велинский

Весенний вечер в лесу. Красиво изгибающаяся открытая лощина. Посреди нее ручеек, кое-где поросший отцветающим уже ивняком, кое-где — безлиственной еще ольшинкой. По ее приподнятым отлого-бугристым краям, с одной стороны, стеной поднимается старый еловый лес, по другой же стороне, вдоль опушки смешанного леса, вьется узкая лесная дорожка.

Только что прошел теплый дождичек, смочивший и растрепавший желтопушистые цветочные сережки ивняка и развесивший по безлиственным еще веткам деревьев и кустов прозрачные, как слезы, капельки, не замедлившие засверкать под косыми лучами выглянувшего из-за туч заходящего солнца. У березы и черемухи начинает расхолачиваться почка, кое-где пробивается молоденькая травка. В воздухе стоит тот особенный, приятный, прелый запах, который только и бывает в лесу ранней весной, после теплого дождя.

Многоголосый пестрый концерт пернатых певцов оглашает лощину и окружающий ее лес. Певчие дрозды словно соперничают между собой в звучности и разнообразии своих песен. Зяблики без счета повторяют свою звонкую, короткую строфу. Малиновки, пеночки и горихвостки переливают свои сладкозвучные, то нежно задумчивые, то светло-радостные, песенки. Колокольчиком вызванивает желтогрудая овсяночка, неподвижно сидящая на самой маковке маленькой березки. Невдалеке раздается тоскливое кукование кукушки и эхом повторяется в старом еловом лесу.

Солнце скрылось за лесом. Налетел заревой ветерок, отряхнул с веток капли, пошушукал с соснами, качнул макушками елей и полетел себе дальше... Пернатое цар-

ство начинает понемногу затихать. Угомонились зяблики, примолкли пеночки, все реже и реже позванивает овсяночка,— вот и она замолкла. Где-то забормотал терев. Певчие дрозды стихают один за другим, но два-три оглашают еще лес своими песнями, однако все с большими и большими приостановками. Вот, казалось, совсем уже кончили — замолчали, только малиновка переливает серебром, да урчит вдали козодой, ан, смотришь, через минуту опять: «тюррюит, тюррюит», а с другого конца леса в ответ: «кли-тьютью, кли-тьютью», — звучно, чисто, красиво. Но что за звук раздался там за лощиной, над еловым лесом. Какой-то сухой, короткий свист. Вот еще и еще... Приближается. Теперь между каждыми двумя свистами слышится еще какой-то странный отрывистый храп («кхру-кхру» и затем «фист», «кхру-кхру-кхруфист») — все ближе да ближе...

Охотник, сидевший на пне, возле молоденькой елки, и, видимо, наслаждавшийся всей прелестью весеннего лесного вечера, при первых же долетевших до него звуках отрывистого свиста, бросил курившуюся папироску, вскочил на ноги, взвел курки и весь превратился в слух... Вот, над просекой, вырисовываясь на бледно-зеленоватом небосклоне, показалась птица, поменьше голубя, и неторопливым, спокойным полетом (вроде полета совы или летучей мыши) направилась прямо, как по шнуру, поперек лощины. (Когда она пролетела мимо охотника, то он ясно мог разглядеть очень длинный, слегка свесившийся книзу, клюв птицы). Это «тянул» вальдшнеп. Грянул выстрел. Птица слегка метнулась в сторону, но тотчас же взяла прежнее направление, и как будто ничего не случилось, тем же неторопливым полетом, свистя и «хоркая», скрылась за деревьями, благополучно продолжая свой «токовой» полет. Охотник с минуту стоял неподвижно, прислушиваясь к удалявшемуся свисту, затем вложил новый патрон, закурил свежую папироску и снова уселся на прежнее место...

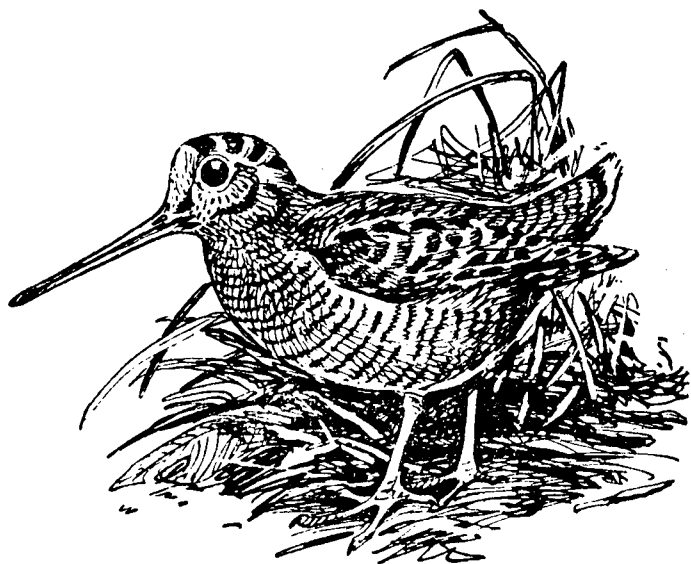
Смеркается все больше и больше. Над лощиной, невысоко от поверхности земли, пролетел своим легким, колеблющимся полетом козодой, и, скрывшись в опушке елового леса, тотчас же замурлыкал свою бесконечную песню. Через минуту, сначала вправо, затем влево от охотника, снова слышались отрывистые свисты и затем

хорканье, и два вальдшнепа почти одновременно протянули поперек лощины — оба вне выстрела. Откуда-то донеслась песнь варакушки. Невдалеке звонко «захохотала» кукушка-самка, и вслед за тем, так же послышалось нечто вроде хриплого откашливания и отхаркивания, тотчас же сменившегося торопливым, азартным, по временам сдвоенным, кукованьем самца. Спугнутый им в чаще подлеска певчий дрозд, спросонья, резко зацикал, застрекотал и долго не мог успокоиться.

Небосклон все больше и больше темнеет; кое-где начали уже загораться звездочки. Дневные птицы все угомонились. Неподалеку, за поворотом лощины, идет возня у уток — крикают, полощутся. Туда же, видимо, направляется и еще пара кряковых, со свистом рассекая крыльями воздух, на быстром полете. Снова послышался, со стороны елового леса, справа, свист вальдшнепа. Охотник, не вставая, быстро повернул голову и стал пристально всматриваться. Начавшие было приближаться звуки вдруг стали удаляться и скоро совсем замолкли: вальдшнеп протянул стороной и настолько далеко, что даже нельзя было расслышать «хорканье», а один только свист. На несколько секунд в лесу водворилась тишина, лишь слабо нарушаемая глухим, как бы сдавленным, «блеянием» токующего бекаса... Вдруг, за спиной охотника, по ту сторону лощины, раздалось громкое, торопливое, быстро приближающееся циканье, и над вершинами берез показался вальдшнеп, а вслед за ним вдогонку и другой. Обе птицы (два ссорящихся самца) налетели как раз на охотника, и, круто повернув в сторону, быстрым, извилистым полетом, при беспрестанном циканье, направились вдоль лощины. Раздался выстрел, другой — и одна из птиц, комком свернувшись на воздухе, упала по наклонной линии на землю...

Положив в ягдташ столь милую для охотничьего сердца добычу, охотник постоял, послушал еще немного, и затем, — так как сильно уже стемнело — направился восвояси, унося с собой прекрасное, освежающее душу впечатление весеннего вечера в лесу.

Охота на весенней тяге вальдшнепов — несомненно одна из поэтичнейших и увлекательнейших охот. Начинается она вместе с прилетом этих птиц из их южных зимовий. Прилетают же к нам вальдшнепы весной весьма рано, когда в лесу нередко местами лежит еще поря-

дочно снега (под Петербургом в конце марта или в начале апреля). Прилет этих птиц обыкновенно совпадает с прилетом певчих дроздов; засвистал в лесу первый дрозд — показался и первый вальдшнеп. Прилет вальдшнепов, обыкновенно, идет по ночам, с теплыми попутными ветрами. Впрочем, иногда вальдшнепы летят и днем. Так, известны случаи, когда наблюдали этих птиц спускавшимися среди дня в лес, почти из-под облаков. В перелетное время, в малолесных местностях, утомленные вальдшнепы спускаются нередко и на совсем открытые места, — например на поле, морской берег и даже на улицы деревень и городов, не говоря уже о садах и огородах, которые в приморских местностях иногда бывают, можно сказать, переполнены спустившимися на отдых и кормежку вальдшнепами.

Распространение вальдшнепа весьма обширно: он гнездится во всей Европе, от крайнего севера до крайнего юга, где только имеются подходящие для его гнездовой места. Таковыми являются еловые и смешанные леса, с мокрой почвой, в которой эта птица может свободно копать своим длинным клювом. Сухие сосновые

боры, с песчаной почвой, для вальдшнепа не годятся. Интересно, что осенью, наоборот, «высыпки» вальдшнепов — т. е. значительные скопления этих птиц на небольшом, сравнительно, пространстве — встречаются преимущественно на местах сухих, поросших редким кустарником или мелколесьем. У нас, на севере, поздней осенью вальдшнепы держатся преимущественно по сухим ольшнякам. По всей вероятности, это нужно приписать изменяющемуся к осени способу питания вальдшнепа. Весной и летом он добывает свою пищу преимущественно из земли, извлекая из нее, своим длинным клювом, земляных червей, и живущих в земле личинок. Богато снабженная тончайшими разветвлениями осязательных нервов, кожистая оболочка клюва вальдшнепа служит ему превосходным органом осязания, посредством которого птица безошибочно открывает, в размягченной водою почве, лакомые для нее кусочки, извлекает их, затем, при помощи крючковатого кончика верхней половины клюва, на свет божий, и поедает. С наступлением же холодной и сырой осенней погоды, земляные черви и живущие в земле личинки жуков уходят глубже в землю, на опавших же листьях, по редколесью, к этому времени разводится много слизняков, а под листья забираются на зимовку личинки и гусеницы, которых вальдшнепы прилежно отыскивают, вороша опавшую листву своим клювом.

Гнездо вальдшнепа представляет собой небольшое углубление на поверхности земли, слегка выстланное, довольно безыскусственно, сухими веточками, мохом и тому подобным материалом. Самочка несет 4 довольно крупных яйца, испещренных, по бледно-ржаво-желтому фону, довольно редкими желтовато-бурыми пятнами и крапинами. Впрочем, как по окраске, так и по величине, яйца вальдшнепов бывают весьма изменчивы. Сидит самочка на гнезде необычайно крепко, лучшим примером чему может служить следующий случай: однажды студенты Лесного института срубили в лесу дерево и когда стали измерять его длину, то наткнулись на гнездо вальдшнепа, с сидевшею на нем самочкой. Несмотря на шум и сотрясение земли, произведенные падением большого дерева рядом с гнездом, птица осталась неподвижной на своем гнезде. Каково самоотвержение, какова любовь к еще не появившемуся даже на свет потомству!

Столь же трогательную любовь выказывает вальдшнеп и к своим птенцам. Не раз наблюдали, как в минуту опасности, родители уносили своих, не выучившихся еще летать, птенцов в безопасное место. Самые маленькие птенчики переносятся в клюве, более же взрослые — ущемленными между ногами.

Сидящего в лесу на земле и прижавшегося к ней вальдшнепа почти невозможно открыть глазами, так поразительно подходит его пестрая — коричневато-бурая с серым и черным — окраска под цвет почвенного лесного покрова. Умная птица, видимо, прекрасно это знает, так как нередко пропускает мимо себя охотника чуть что не на шаг расстояния, и затем, поднявшись за его спиной, тотчас же скрывается за деревьями, весьма искусно лавируя между ветвями.

По наружности самец и самка вальдшнепа почти не различаются друг от друга, только первый чаще бывает в общем более сероватый и несколько поменьше величиною.

Интересны глаза вальдшнепа: большие, как у всех почти сумеречных птиц, черные, красивые, они сильно отодвинуты назад и кверху, а потому помещаются чуть не у самого затылка, что придает чрезвычайно странный вид физиономии этой птицы. Вследствие такой своеобразной постановки глаз уши у вальдшнепа находятся не позади глаз, а под ними и ближе к основанию клюва. Такое положение глаз выгодно для птицы, так как позволяет засовывать в землю, в поисках за кормом, не только длинный клюв, но и часть головы до глаз. Отлетают вальдшнепы осенью на юг весьма поздно — нередко уже после того, как выпадет первый снег (под Петербургом в октябре). Гнездящиеся на севере Европы зимуют в южноевропейских странах, а иногда — отдельные экземпляры — даже и в средней Европе, вальдшнепы же южной Европы отлетают на зимовку в северную Африку.

В неволе вальдшнепов удавалось выдерживать, предлагая им сначала земляных червей, а затем приучая понемногу к намоченному в молоке белому хлебу и к муравьиным яйцам. Аппетит у этой птицы всегда большой, благодаря чрезвычайно быстрому пищеварению, поэтому и корм ей следует давать в изобилии.

ОВСЯНКА

Кто знаком с желтенькой птичкой овсяночкой (а незнакомы с нею разве только постоянные жители больших городов), тот — почти наверное можно сказать, — познакомился с нею в то время года, когда —

«Над землю воздух дышит
День ото дня теплее»

и когда на дворе каждый день образуются от быстротающего снега все новые и новые лужи, из которых так весело спускать воду и подгонять ее метлой в ближайшую канаву, — когда из навозной кучи, набросанной около конюшни, пар «валом валит», а воробьи, обсыпавшие, словно мухи, раскидистый куст бузины, оглушительно чирикают на всякие лады от восторга, что наконец-то кончается несносная зима с ее голодовками и раскрывается долгожданная «скатерть самобранная»...

Вот в такие-то дни любознательный и наблюдательный детский глаз часто и с любовью останавливается на желтоголовых и желтогрудых птичках, немножко покрупнее воробья, которые то копошатся вместе с воробьями в навозной куче, то, прыгая короткими прыжками и держа почти горизонтально свое тело, подбирают овсинки, оброненные на дворе кучером, то, рассевшись по верхушкам берез и сиреневых кустов прилегающего к двору сада, напевают оттуда серебристым голоском свою коротенькую песенку: «синь-синь-синь-синь-синь-ссини». Эта однотонная, беспрестанно повторяемая и звучащая иногда словно крошечный колокольчик немудреная песенка, с ее несколько грустным оттенком, глубоко западает в детскую душу, потому что это — первая птичья песня, ласкающая его слух после продолжительного зимнего затишья и скучного сиденья в душных комнатах. Эта песня как бы говорит ему, что теперь кончилось скучное комнатное сиденье, и наступает другая, лучшая пора — целый заманчивый ряд чудных дней и недель, когда распустятся на деревьях почки, зацветет сад, зазеленеет поле, зашумит лес, когда отовсюду зазвучат светлые песни тысячи пернатых певцов и наполнят восторгом маленькое детское сердечко...

Лишь только сойдет снег, овсянки разбиваются на парочки и собираются к местам своих гнездовий. Любимыми местами, где гнездятся летом эти птицы, служат лесные опушки, небольшие перелески, пригородные сады и парки, словом — такие места, где есть деревья и кустарники, вперемежку с полями и открытыми местами. Глухого, сплошного леса овсянка не любит.

Гнездышко овсянки, довольно грубо свитое из сухих стебельков и листиков разных трав, выложенное внутри конскими волосами, помещается большею частью непосредственно на земле среди травы. Высиживанию, продолжающемуся 13 дней, помогает также и самчик, сменяющий самочку на то время, когда она слетает кормиться. В остальное время самчик усердно распевает свою однообразную песенку, повторяя ее, с небольшими промежутками, несчетное число раз кряду. Во время пения он всегда сидит неподвижно на самой маковке дерева (обыкновенно не очень высокого) или куста, находящегося поблизости от гнезда. В это время овсянка подпускает к себе человека очень близко и беспрепятственно позволяет наблюдать за собой на расстоянии нескольких шагов. Здесь, кстати, нужно

заметить, что между овсянками, как и между прочими певчими птицами, встречаются хорошие и плохие певцы. Иногда встречаются овсянки, песня которых — как было уже упомянуто выше — звучит почти как колокольчик. Такая песня чрезвычайно мила и много содействует прелести лесного пернатого хора в тихий весенний вечер, когда распускается душистая березовая почка.

Птенцов своих овсянки выкармливают исключительно одними только насекомыми, каковыми и сами преимущественно питаются в это время.

По окончании вывода детей, к концу лета, овсянки — старые и молодые — соединяются в стайки, которые по мере приближения зимы становятся все более и более многочисленными. Осенью эти стаи кочуют по пашням, полям и огородам, кормясь различными семенами, из которых особенно предпочитают овес, откуда и произошло, вероятно, название этой птицы. С наступлением зимы, когда поля и огороды покроются снегом, стаи овсянок приближаются к человеческим жилищам и с трудом снимают себе здесь пропитание, по дворам, около конюшен и навозных куч, нередко в сообществе с воробьями, воронами и другими птицами. Зимой стаи овсянок охотно держатся также по большим, обсаженным деревьями, дорогам, где кормятся, выбирая непереваренные зерна овса из конского навоза. Из северных краев стаи овсянок передвигаются во время зимы к югу, — чем суровее зима, тем дальше, — но с первым же дыханием весны спешат обратно на свою родину.

Красивую лимонно-желтую окраску головки и грудки имеет только самчик овсянки, и то не круглый год, а лишь с конца зимы и до конца лета, то есть до того времени, когда происходит у этой птички линяние — так сказать, переодевание в более скромную осеннюю одежду. Осенью и зимою овсянка выглядит, в общем, буровато-серой птичкой; с приближением же весны серые и темные края перышек постепенно стираются, изнашиваются и из-под них начинает, мало-помалу, выступать наружу более ярко окрашенная середина перышек: у самчика — на головке, грудке, и вообще на всей нижней стороне, — все более и более выступает лимонно-желтый цвет, на спинке же — красновато-бурые и черные полоски. У самочки к этому времени также выступает немного желтой окраски — на головке и горлышке; общая же ее

одежда гораздо скромнее — в ней преобладает буровато-серый цвет.

Овсянка водится повсюду, от Лапландии до Кавказа и Крыма включительно.

Несмотря на свою большую общительность, овсянка — птица далеко не миролюбивая: в стае овсянок происходят постоянные ссоры и драки, в особенности к весне.

Относительно полезности или вредности овсянки трудно* сказать что-нибудь определенное. В этом отношении ее можно считать почти безразличную, т. е. ни особенно полезную, ни вредную. Хотя, конечно, следует зачесть ей в немалую заслугу то, что она оживляет зимой нашу скудную природу и радует нас своей ранней весенней песенкой.

ЗЯБЛИК

Ранняя весна. На полях местами еще белеет снег, — в особенности в лощинах, куда его намело зимою выше роста человеческого. В лесу, под деревьями, снег лежит еще почти сплошь. Ручьи уже вскрылись и разлились по лугам; через речку же еще ходят, хотя и с большой опаской: лед порядочно уже посинел, и у берегов выступила вода. Белоносые грачи уже недели две как прилетели, — возвратились из своей зимней отлучки в теплые края; досыта нассорившись и нашумевши в березовой роще (из-за старых, прошлогодних гнезд), они преважно разгуливают теперь по задворкам, около навозных куч, снискивая себе скудное пропитание. Уже дня три как появились первые жаворонки, и все еще продолжают прилетать новые, по утрам, рассыпая в воздухе, над полями, свои серебристые, веселящие душу, трели.

В лесу же пока еще тихо. Правда, сиңицы да корольки попискивают иногда довольно оживленно в чаще сосновых и еловых ветвей; изредка побарабанивает дятел по сухому суку; пронесется временами над вершинами деревьев с гиком и шумом стайка клестов, да желтоголовая овсяночка прозвонит на лесной опушке свою незатейливую песенку. Звонких же, раскатистых песен, далеко разносящихся по лесу и оживляющих его особенным,

весенним оживлением, пока еще не слышно. Дни стоят хотя и ясные и довольно теплые (на солнце), однако по ночам еще порядочно морозит.

Но вот небо понахмурилось; с юго-запада потянул теплый, влажный ветерок; заморосил, словно сквозь сито, мелкий дождичек, то оборачиваясь туманом, то снова накрапывая — как днем, так и ночью — все одинаково. Будем теперь настороже: в это время, в такие теплопасмурные дни, весна приближается быстрыми шагами, и спешат к нам ее пернатые, быстрокрылые вестники с богатым запасом звонких и задорных песен в своей крошечной грудке...

Утро. Дождь перестал моросить. В сыром, слегка туманном воздухе полная тишина и тепло. Прoberемcя к опушке леса и присядем, вон на том сыром пне...

Теперь — слушать и слушать!..

«Чи-чи, чиви-чиви, чим-чим» — доносится издали, с поля, оживленная болтовня нескольких десятков воробьев. Они обсыпали, словно мухи, большую кучу хвороста около гумна, одиноко стоящего на пригорке... «Тирлирлирлирюю, тирлирлирлирюю» — льется сверху, серебром, песня жаворонка, неподвижной точкой чернеющего на сером фоне туманных облаков... «Чак-чак-чак, чак-чак» торопливо пронеслась над лесом пара передовых дроздов-рябинников.

Несколько минут полной тишины... Только по вершинам сосен и елей пролетел таинственный шепот от набежавшего ветерка...

Но, чу!.. «Пинь-пинь; пинь-пинь-пинь» — раздалось неподалеку в стороне... Сердце так и екнуло: неужто он, долгожданный? Не синица ли?.. Ведь она, плутовка, иногда точь-в-точь так же «пинькает»...

Нет, не синица: вон, на самой маковке высокой ели, стоящей на опушке, чернеется птичка. «Пиньканье» доносится несомненно оттуда, и птичка сидит неподвижно на одном месте; егoзa же синица ни за что не усидела бы так долго на одном месте, да и на вершину она редко когда забирается, и то на секунду-другую, а больше держится по нижним веткам, да по кустам... «Пинь-пинь, пинь-пинь...» Вот птичка снялась с вершины дерева и пролетает неподалеку от нас, описывая в воздухе широкие дуги и издавая от времени до времени нежное, негромкое «йю-йю». Теперь нет уже никакого сомнения,

что это — один из передовых зябликов. — «Здравствуй, милая птичка! Радуюсь твоему прилету!» — Вот уж и пропала — юркнула в лес между вершинами... «Фить-фирлить-фить-фить-фють-фють-фють-фють-ляляляля-ви-чью» — громко раздалось с той стороны, в которой скрылась птичка, и звонко раскатилась по лесу звучная, задорная и красивая песня зяблика-самца (жалкое подобие которой я попытался изобразить выше, буквами). Не пройдет и двух-трех дней, как зазвучит эта песня повсюду в садах, лесах и рощах и оживит их своими светлыми, как лучи весеннего солнца, звуками после томительно-долгой осенней и зимней тишины...

Прилетели зяблики — лес ожил. В сонме голосов пернатых певунов, наполняющих весной и летом воздух наших лесов своими песнями, огромное большинство голосов принадлежит именно зябликам, так как зяблик одна из самых многочисленных и повсюду распространенных певчих птиц. Начиная с суровой Лапландии и кончая южным берегом Крыма и Кавказа почти везде, где только есть деревья, можно слышать этого прекрасного певуна, можно любоваться этой красивой птичкой.

Ее в особенности хорошо можно разглядеть ранней весной, в первое время после прилета. Тогда деревья не одеты еще листвою, и ничто не препятствует любоваться на зяблика, сидящего подолгу на низком еще голом суку дерева и несчетное число раз кряду повторяющего свою веселую, коротенькую песенку. (Ржаво-бурая головка, с голубовато-пепельной шапочкой и черным лобиком; красновато-бурая спинка, переходящая к надхвостью в желтовато-зеленый цвет; ржаво-бурое горлышко, постепенно переходящее в лиловатый цвет грудки и брюшка, задняя же часть брюшка, к хвосту, совсем белая; на зеленоватых, с черным, крыльях две белые, широкие поперечные полосы — вот красивая пернатая одежда зяблика-самца. Госпожа зяблица, хотя и имеет сходную окраску, но далеко не так красива, потому что все цвета ее оперения как бы полинялые и с сильною подмесью серого цвета, в особенности на грудке и головке.)

Спустя дней пять после того, как показались единичные передовые зяблики, эти птицы появляются уже массами — большими стаями, по несколько сот штук вместе. Вначале эти стаи состоят исключительно из одних только самцов; стаи самок прилетают днями пятью- семью позже.

Зная места, на которых обыкновенно любят останавливаться пролетные стаи зябликов-самцов, можно каждую весну наслаждаться таким величественным, единственным в своем роде концертом, подобного которому нельзя услышать ни в какое другое время года, кроме только этих немногих весенних дней, в течение которых длится пролет стай зябликов самцов. Такими местами обыкновенно служат пригорки с обработанной землей (пашня, огород), обращенные скатом на юг и прилегающие к лесу, парку, аллее — вообще к какой-нибудь группе деревьев. На таких пригорках снег пропадает обыкновенно гораздо раньше, чем на ровном поле, и здесь, на оттаявшей уже земле, птицы находят себе хотя и не особенно обильный, но все-таки кое-какой корм — из прошлогодних семян различных сорных растений; соседние же деревья служат удобным местом для отдыха после далекого перелета. Вот, на таких-то местах, служащих как бы станциями на перелетном пути наших птиц, можно наблюдать, в дни прилета, по утрам

(часов до 11—12 дня) громадные стаи зябликов и слышать единственный в своем роде концерт.

Приближаясь в тихое утро к такой «станции», почти уже за версту можно различить какой-то необычайный шум, который трудно с чем-нибудь сравнить и который приводит в совершеннейшее недоумение неопытного человека. Приблизившись еще на некоторое расстояние, ухо начинает различать среди сплошного трескучего шума более громкие звуки, позволяющие догадаться, что имеешь дело с огромным количеством каких-то птиц; а вскоре, еще приблизившись, явственно уже слышно, что весь этот неимоверный шум слагается из множества зябличьих голосов, «пинькающих» и распевających свою звонкую песню. Когда подойдешь еще ближе, глазам представляется следующая картина: деревья лесной опушки, еще безлиственные, буквально обсыпаны множеством зябликов, из которых каждый или «пинькает», или выкрикивает свою песенку перелетая, от времени до времени, с одного дерева на другое, или гоняясь, играючи, друг за дружкой, при беспрестанном громком «пиньканье»! На земле, на проталине, кишит такое же множество этих птиц, утоляющих свой голод; а между деревьями лесной опушки и проталиной, в воздухе, происходит необычайное движение — слетание и перелетание многих десятков птиц, из которых одни, подкрепив свои силы на проталине, перелетают попеть и отдохнуть на деревья, к своим распевающим сотоварищам, другие же, наоборот, натешившись вволю песнями и играми, спускаются снова на ту же гостеприимную проталину покормиться. И это продолжается до тех пор, пока вся шумная пернатая ватага, отдохнув достаточно, перекусив чем бог послал и натешившись песнями, не спохватится, что пора, однако, и честь знать, да и трогаться в дальнейший путь. Тогда вдруг, точно по команде, смолкают «пиньки» и песни, прекращаются игры, и словно вихрем снимается вся стая с деревьев и с земли, кверху, на воздух, и, взяв направление на северо-восток, скрывается в несколько секунд из глаз наблюдателя.

Когда мне впервые привелось быть свидетелем такого явления (до того времени никогда не слыхав и не читав ни о чем подобном) — я был как очарованный! Кто знает громкую и звонкую песню зяблика и любовался ею вблизи, летом, у себя в саду, тот согласится со мной, что

несколько сотен таких песен, одновременно звучащих на небольшом пространстве, в виду покрытых еще снегом полей, должны составить действительно восхитительный и единственный в своем роде концерт.

Зяблик принадлежит к таким птицам, которые очень привязываются к одному и тому же месту и из года в год свивают свое гнездо на одном и том же дереве и даже в одной и той же развилине, образуемой каким-нибудь суком со стволом дерева. Так, я знал одного зяблика, который в течение 4 лет каждую весну, в конце марта, прилетал в один и тот же небольшой садик, расположенный между двумя жилыми домами, и свивал себе гнездо всегда на одной и той же развилине сука. На пятый год этот зяблик уже не явился,— вероятно, погиб во время прилетного (а может быть и отлетного) путешествия: вместо же его, около половины апреля, появился другой зяблик, с самочкой, и эта парочка свила себе гнездо уже на другой березе, в другом конце сада. Узнавал я моего зяблика по песне. (Для неопытного уха песни всех зябликов звучат на один лад, привычное же ухо всегда легко может найти разницу в песне того или другого зяблика. То же можно сказать и относительно песен многих других птиц). Что же касается до самочки моего зяблика, то трудно сказать, была ли все эти четыре года у него одна и та же самочка, или они менялись. Трудно это сказать потому, что между зябликами, как и вообще между большинством наших певчих птиц, поют песни одни только самцы, самочки же только, как говорится, чирикают, т. е. издают короткие звуки: призывные, которыми самочка призывает своего самца или детей; звуки предостережения или беспокойства,— любви и ласки, и т. п., собственно же песнь самочки (за немногими редкими исключениями) не поют; природа лишила их этой прекрасной способности.

Гнездо зяблика, представляющее собою вполне мастерскую постройку, имеет почти шарообразную форму, и только сверху немного срезано. Его толстые мягкие стенки, сотканые из мелкого зеленого мха, нежных корешков и былиночек, снаружи покрыты лишаями, взятыми с того дерева, на котором помещается гнездо; так что, если смотреть на него снизу, с земли, гнездо это имеет поразительное сходство с небольшим наростом, выросшим на дереве. Если гнездо помещается на березе,

то снаружи в него ввиваются и кусочки белых пленочек бересты, снятых с поверхности коры березы. Внутренняя полость гнезда имеет очень мягкую постельку, состоящую из пуха, перышек и шерсти.

Помещается гнездо зяблика, обыкновенно, на высоте 2—3 сажен¹ над поверхностью земли.

Пока длится постройка гнезда и высиживание самочкой яиц, самец-зяблик поет почти непрерывно целый день и ревниво охраняет ближайшую окрестность гнезда от посещений других зябликов. Лишь только слышит он вблизи песню своего собрата, как тотчас же с яростью бросается в ту сторону, откуда раздалась песня, и изгоняет непрошенного гостя. При этом сплошь да рядом дело оканчивается жестокой дракой между противниками. Нередко можно видеть, как они, разгорячившись, буквально схватывают друг друга за шиворот, и, не будучи более в состоянии свободно владеть крыльями, кувырком падают, сцепившись на землю; после этого, вероятно, опомнившись от падения, обыкновенно разлетаются в разные стороны.

Птенчики выкармливаются совместно обоими родителями и получают в пищу исключительно насекомых — по преимуществу гусениц разных бабочек.

По вылете из гнезда молодые зяблики довольно скоро становятся вполне самостоятельными и тогда покидают своих родителей.

Зяблик — птица бойкая, ловкая, умная, но задорная и драчливая; в неволе в клетке он редко становится вполне ручным. Где зябликов не обижают, не отпугивают, а, напротив, бросают им зерна или крошки хлеба, там они становятся очень доверчивыми и безбоязненно приближаются к человеку. Так, обедая, например, летом на балконе или в саду, можно настолько приручить этих милых птичек, бросая им крошки хлеба, что они будут вертеться около самого стола, и даже вскакивают на спинку стула, что мне самому неоднократно случалось видеть.

На воле зяблик целый день в движении, и несколько успокаивается лишь в самые жаркие полуденные часы. На сучке, во время пения, сидит, стройно вытянувшись кверху; охотно передвигается по сучку, плавными

¹ 1 сажень равна 2,1 м.

движениями, в боковом направлении. На земле держится почти горизонтально и двигается вперед весьма грациозно, короткими прыжками, почти не отделяясь от земли, причем нередко «пинькает» или «рюмит», т. е. издает своеобразные и довольно громкие звуки, вроде «рю-рю». Впрочем, «рюмит» зяблик очень часто и сидя на дереве. «Рюмень» это раздаётся преимущественно перед ненастной погодой. Когда после ясной погоды солнце закроется тучами и петухи начать кричать, возвещая дождь, начинают «рюмить» и зяблики.

Зяблик птица преимущественно зерноядная, на что указывает уже его толстый и короткий клюв. Осенью и зимой пищу зяблика составляют главным образом маслянистые, а частью и мучнистые семена различных растений, подбираемые исключительно с поверхности земли. С весны же и до конца лета, когда все прошлогодние семена проросли и развились в растения, а новые еще не созрели, зяблик кормится исключительно насекомыми, которых собирает на земле, снимает клювом с ветвей и листьев деревьев и даже ловит иногда на лету.

Вследствие такой, двоякого рода, пищи зяблик, с одной стороны, причиняет хозяйству человека некоторый вред, а с другой — приносит пользу. Вредит зяблик преимущественно посевам маслянистых семян (льна, конопли и других), которые он подбирает как на полях, так и на грядках огородов и лесных питомников. Лесничему приходится много хлопотать над охранением в своих питомниках посевов хвойных семян (сосны, ели, лиственницы, пихты) от непрошенных гостей.

Пользу же приносят зяблики уничтожением на полях, во время весенних и осенних перелетов, множества семян сорных растений, а в весенние и летние месяцы — большого числа насекомых, среди которых есть немало вредных для леса и, в особенности, для фруктовых садов.

Итак, с одной стороны — вред, с другой — польза. Но если к пользе прибавить еще значение этой птички, как украшения и прелестного оживления наших садов, парков, рощ и лесов и, следовательно, как усладительницы, подчас весьма несладкой, жизни человеческой, то, конечно, польза, приносимая зябликом, перевесит причиняемый им вред. Отсюда, очевидно, вытекает обязанность — беречь, любить и охранять эту милую птичку, простив ей ее невольные (хотя подчас, может быть,

и весьма досадные) грешки, а не преследовать и истреблять, как это, к сожалению делают некоторые близорукие, (и бессердечные!) лесные и сельские хозяева...

В конце лета зяблики начинают собираться в небольшие стайки, которые мало-помалу все разрастаются, так что к половине сентября встречаются уже стаи по несколько сот штук. Они странствуют по полям, лесам и рощам, посещают большие сады, парки и аллеи, повсюду находя себе обильную в это время года пищу и запасаясь силами к предстоящему далекому путешествию. В последней трети сентября стаи зябликов покидают уже северную Россию, отлетая на более гостеприимный юг.

Желтые листья хрустят по дороге,
Дождик наводит тоску;
Все перелетные птицы в тревоге,
Сидя на голом суку,
Зяблик запел свою песню прощальную¹⁾,
Песню про сторону дальнюю:
«Как на чужой на сторонке тепло,
Солнышко светит светло:
Круглый годок оно светит и греет;
Много там ягод и зернышек зреет...
Эй, поскорей! От морозов и выюг
Мы унесемся на юг
Через леса, через дебри болотные,
Эй, собирайтесь, скорей, перелетные!»

Зимуют зяблики в южной Европе и северной Африке. Впрочем, единичные экземпляры нередко перезимовывают и в южных, юго-западных и даже западных наших губерниях.

Прибыв на места своих зимовий, зяблики продолжают держаться теми же многочисленными стаями, какими покинули свою родину, ясно этим показывая, что они там чувствуют себя не дома, а лишь временными зимними гостями. С наступлением на юге весны, зяблики-самцы начинают потихоньку налаживать свои песни, как бы вновь им обучаясь, и затем, наладив их как следует, в полный голос, снимаются со своих зимних квартир и с радостным оживлением летят на свой хотя и далекий и не всегда приветливый но все-таки милый и дорогой сердцу родной север.

¹ Осенью, сбиваясь в отлетные стаи, зяблики-самцы нередко напевают, в тихое ясное утро, свои песенки, хотя далеко не так складно и громко, как весной. (Авт.)

СИНИЦЫ

Опять дожди, опять туманы,
И листопад, и голый лес,
И потемневшие поляны,
И низкий, серый свод небес.

С. Аксаков

В туманные осенние дни, когда вся природа как бы съеживается в ожидании скорого прихода суровой гостьи — бабушки-зимы, и когда даже в самое беззаботное сердце прокрадывается какое-то тоскливое чувство, звонкий свист синицы, раздавшийся в пустом саду, действует на тоскующую душу, словно яркий луч солнца, прорвавший густую пелену тумана...

Осенний туманный день и синица — неразлучные спутники. По крайней мере, в моих мыслях они всегда тесно связаны между собою. Еще в детстве, как сейчас помню, выскочишь, бывало, в одной курточке, утром, перед отправлением в школу, на не заделанный еще на зиму балкон: сыро, туманно, неудобно. С неопавших еще, потемневших листьев сирени, словно облитых водой, падают на землю крупные капли. Почерневшие от мороза, точно ошпаренные, георгины печально свешивают свои листья и не успевшие еще доцвести желтые и пунцовые головки... Тоскливо так делается на душе: впереди зима, и такая длинная-длинная, что и конца ей, кажется, не предвидится (в детстве ведь время так тянется!)... Вдруг из куста сирени раздается веселое «пинь, пинь, пинь» — «цици-вю, цици-вю, цици-вю!» — сердце так и встрепенется!.. Тут и сама она, шустрая, живая синичка, перепрыгивает с ветки на ветку... Вечно бодрая, непоседливая, бойко вызванивает стальным своим голоском на разные лады, словно хочет сказать:

«В мире, что ни дейся,
Смертный все надейся,
Солнце не однажды сызнава взойдет,
После непогоды ярче день блеснет».

«Цици-фююить, цици-фююить» — стоит ли горевать, пока здоров и есть что кушать; да и гореваньем ведь горю не поможешь; и не век ведь будут осень да зима:

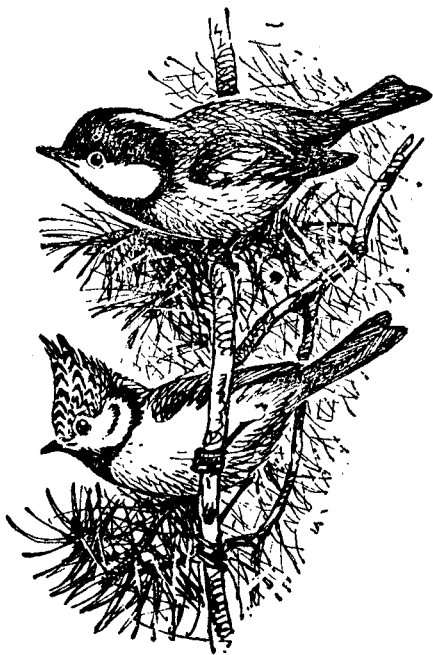
«Тем еще утешней
Будет праздник вешний;
Вновь мир будет скоро солнышком согрет,
Радужно раскрашен, зеленью одет».

Постоишь так, бывало, на балконе, слушаешь синичку, легко станет на душе, и в школу как-то веселее бежится...

Все синицы — маленькие, бойкие, умные, ловкие, смелые и вечно деятельные птички. Они великолепные гимнасты и акробаты: лазать, кувыркаться, висеть вниз головой, уцепившись за тонкий кончик ветки, — синицы великие мастерицы; и притом мастерицы неутомимые: с утра до вечера, ни минутки не передыхая, перелетают, перепархивают они с дерева на дерево, с ветки на ветку, все обшаривая и осматривая, за-

глядывая в каждую трещинку, в каждое углубление на дереве, внимательно обследуя каждую веточку, каждый укромный уголок, и беспрестанно долбя, то тут, то там, своим крепким, коротким клювом. Там запряталась мушка, здесь притаился под кусочком коры жучок, тут кучечкой, словно бисеринки, сложены и прилеплены к коре яички бабочки — все это годится для синицы, все это ей лакомый кусочек.

Для всех гимнастических штук, которые с таким мастерством проделывают синицы, превосходным орудием служат их сильные ножки, снабженные очень острыми и крутоизогнутыми когтями. Кому случалось брать в руки синицу, тот наверное испытывал на себе остроту когтей и силу клюва этой птички: так вцепится в палец и зашипнет, что на одной ножке поплясать заставит! Недаром гласит пословица «мала птичка синичка, да ноготок востер».

Синицы московка и хохлатая

По части летания синицы не особенно большие искусницы. Полет их нетвердый — как бы порхающий, всегда короткими дугами, то вверх, то вниз — и производится, видимо, с некоторым усилием. Это потому, что крылья у них короткие, как бы обрубленные. Поэтому синицы и не любят открытого поля, а всегда, при своих передвижениях, стараются придерживаться лесов, аллей и садов. Большая часть наших синиц — птицы чисто лесные: жизнь их тесно связана с деревьями.

На поверхность земли синицы спускаются неохотно и передвигаются по ней не особенно ловко вследствие крутоизогнутых длинных когтей.

Синицы попадают нам на глаза больше осенью, потому что в это время они приближаются к человеческим жилищам. Лето же они проводят в лесах и, частью, в больших садах и парках, где выют гнезда и выводят детей. Местом для гнезд синицы выбирают преимущественно дупла старых деревьев, в которых и устраивают колыбельку для будущих своих деток, — из тонких сухих стебельков и корешков разных трав; внутренняя же поверхность этой колыбельки выстилается шерстью, волосами, перьями, пухом и тому подобными веществами. Некоторые синицы выдалбливают себе помещение для гнезда в гнилых древесных стволах, а также пользуются и старыми дятловыми гнездами. Иногда гнезда помещаются в углублениях и трещинах старых каменных стен.

Синицы-самочки кладут большое количество яиц: от 6 до 14 и даже до 17. Высиживают, большей частью, самец и самочка попеременно, или же, если одна только самочка занимается высиживанием, то самчик приносит ей в это время корм. Нередко синицы выводят птенцов по два раза в лето.

Осенью, когда подрастут птенцы, синицы оставляют места своих гнездовых и начинают вести кочевую жизнь, собираясь при этом обыкновенно в стайки, в которых нередко перемешиваются разные виды синиц. К таким стайкам часто присоединяются и другие небольшие птички, родственные синицам, или ведущие сходный с ними образ жизни. Иногда такая смешанная стайка избирает своим предводителем какого-нибудь дятла — все равно, хочет он или не хочет — и следует повсюду за ним, держась всей компанией вместе и в то же время

в некотором расстоянии друг от дружки. Лазая и прыгая, ссорясь и играя, распевая и работая без усталости, весело кочует такая пестрая компания по своей области. Иногда, гуляя осенью в лесу, вдруг среди присущей осеннему времени лесной тишины видишь себя окруженным со всех сторон членами подобной веселой пернатой компании: пищат, трещат, «цицикают» на все лады, перепархивают с дерева на дерево, долбят клювами, а через несколько минут снова все тихо, только ветерок шушукается с пожелтевшей осинкой...

Таким-то образом, двигаясь стайка за стайкой, обшаривают синицы наши леса, сады и рощи, очищая и освобождая их от множества мелких, но тем не менее очень вредных и опасных для деревьев врагов.

Наши лесные синицы не отлетают на зиму в теплые страны; они только кочуют, облетая в течение осени и зимы большую или меньшую область, разыскивая себе дневное пропитание, состоящее, главным образом, из насекомых, их куколок, личинок и яичек, а также частью, из зерен и семян разных растений.

Твердую зерновую скорлупу синицы разбивают своим клювом, зажав зерно между лапками, и затем выклевают из него мякоть. Точно так же поступают они с коконами и куколками бабочек и других насекомых.

Почти все синицы — большие охотницы до мяса и сала. Где вывешено на воздухе для провяливания мясо, окорок или сало, там осенью и зимой почти всегда можно встретить синицу, прилетающую лакомиться этими, столь вкусными для нее, вещами, причем она нередко попадает в расставленную ловушку.

Все вообще синицы — большие задиры, и насколько они трусливы перед сильным врагом, например перед ястребом, при приближении которого приходят в неописуемый ужас и совершенно теряют голову, — настолько дерзки и задорны относительно других мелких птичек.

Синицы принадлежат к числу самых полезных наших птиц, и именно полезных для наших лесов, садов и парков. Для примера расскажу здесь следующий случай.

Однажды в саду одного помещика появилось множество гусениц очень вредной бабочки — непарного шелкопряда, поевших всю листву на деревьях сада, так

что среди лета деревья стали совершенно голыми. К осени все сучья и стволы деревьев были облеплены яичками этой бабочки. Попытка снять эти яички при помощи человеческих рук вскоре была оставлена ввиду полной ее безуспешности, и хозяин сада уже приготовился видеть гибель своих лучших деревьев. Между тем под конец осени сад начали ежедневно посещать стайки синиц. Количество яичек, отложенных бабочками на деревьях, стало заметно уменьшаться. Весной следующего года 20 пар синиц свили себе в этом саду гнезда, и гусеничная напасть значительно ослабела, а спустя еще год маленькая пернатая полиция так очистила деревья, что хозяин сада имел уже удовольствие видеть свои деревья в течение всего лета стоящими в прекрасной зелени.

Наши синицы являются тем более полезными охранительницами наших лесов и садов, что они проводят у нас круглый год — зиму и лето, тогда как большинство остальных наших насекомоядных птиц прилетает к нам только на лето и, следовательно, проявляет свою полезную деятельность всего только в течение нескольких месяцев.

Хотя синицы и встречаются почти повсюду, но далеко не в таком количестве, в каком можно было бы ожидать, судя по их большой плодовитости. Конечно, хищные птицы наносят им некоторый изъясн, хотя синицы, проводя свою жизнь преимущественно под покровом древесных ветвей, менее других птиц подвержены опасности попасть под острые когти хищника. Но главными врагами наших милых птичек являются, с одной стороны, птица сойка, а с другой — суровая зима. Сойка — большая любительница разорять птичьи гнезда и лакомиться находящимися в них яйцами и птенцами, бедным синичкам также немало от нее достается. Что же касается до зимы, то она не столько пагубна синицам своими морозами, сколько снегами и, главным образом, инеем. От большой стужи синиц прекрасно защищает их пушистое оперение, являющееся превосходной теплой шубкой для наших птичек. Гораздо опаснее для них снег и иней, покрывающие толстым слоем ветви деревьев, и лишаящие синиц возможности иногда по нескольку дней отыскивать себе необходимое пропитание. В такие злосчастные для синиц дни много гибнет этих птичек от

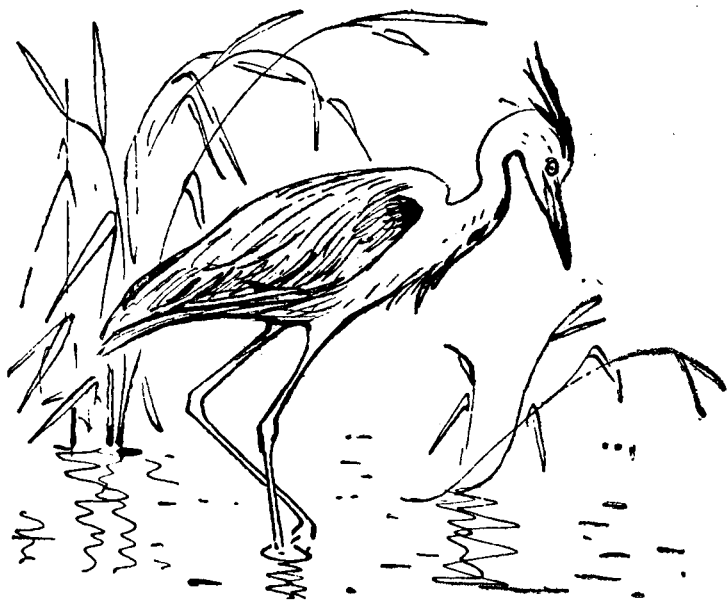
голодной смерти; и это как раз в те самые дни, когда мы любуемся зимним убранством леса: разукрашенными инеем или запушенными снегом деревьями. Будьте милосердны в такие дни к синичкам; вывешивайте для них в вашем саду кусочки сала, протертые на ниточку; одним небольшим кусочком может пропитаться целая семья синиц в течение недели.

Хотя каждый вид синицы обладает своим особым голосом, по которому знающий человек еще издали может отличить один вид от другого, но всем видам синиц, без исключения, присущ общий, характерный звук, необыкновенно тонкий и чистый, словно металлический, стальной: «си-си-си», или «ци-ци-ци», по которому мало-мальски развитое ухо сейчас узнает синицу. Собственно песен — раскатистых, переливчатых, как, например, у зяблика или жаворонка — у синиц почти нет.

ЦАПЛЯ

Всем, конечно, известна длинноногая и длинноклювая цапля — хотя бы только по имени. В некоторых местах нашего отечества ее зовут также чаплей, чапурой или чепурой. Все эти названия произошли от слова цапать или чапать, что значит: быстро хватать (цапнуть что-нибудь). И действительно, такое название очень подходит к этой птице: стоит она, например, на берегу реки или озера — стоит как истукан, втянув голову между плечами — не шелохнется, чтобы не спугнуть приближающуюся добычу. Вдруг как цапнет что-то из воды, — смотришь, а у нее в клюве рыба или лягушка барахтается. И так часами: стоит у воды и цапает; вот за это ее и прозвали чаплей. А раз цапнув добычу, цапля ее не упустит: клюв у нее на краях очень острый, а к концу даже с зазубринами. Поймав рыбу, цапля глотает ее всегда с головы, чтобы плавники (нередко колючие) не мешали заглатыванию.

У нас водится много разных цапель. Самая обыкновенная из них, водящаяся почти повсеместно, — цапля серая. Телом она величиною с небольшую индюшку, но, благодаря длинным ногам и шее, является очень рослой птицей. Общее ее оперение сверху серое, снизу

белое; голова украшена двумя или тремя длинными черными перьями, свешивающимися назад в виде косиц; также и грудь ее украшена длинными беловатыми перьями, свешивающимися от зоба. На полете цаплю нетрудно узнать по ее манере держать голову: она втягивает свою голову между плеч (а не вытягивает шею вперед, как это делают, например, журавль и аист).

Цапля принадлежит к числу птиц перелетных, то есть таких, которые отлетают на зиму в более теплые страны. Так как она кормится около воды, то и не может зимовать в странах, где воды замерзают. Весною она возвращается к нам (в среднюю и северную Россию) довольно рано — в конце марта или в начале апреля, когда местами лежит еще снег.

Гнездится цапля, подобно грачам, большими обществами (колониями) на высоких деревьях. Так как она кормится преимущественно рыбой и рыбой же выкармливает своих птенцов, то поэтому на местах гнездовой этой птицы — например в какой-нибудь старой роще

или запущенном старом саду — обыкновенно господствует необычайное зловоние от тухлой рыбы, остатки которой во множестве валяются на земле под гнездами. Кроме рыбы, цапля кормится также лягушками, ящерицами, мышами и другими мелкими зверьками. Длинные и широко растопыренные пальцы ног позволяют ей бродить по очень топким местам; благодаря же своим высоким ногам, оперенным только на самом верху, она может заходить довольно глубоко в воду во время своих охот за рыбами и лягушками. Вылетает цапля на свою охоту преимущественно по утренним и вечерним зорям. Чаще всего случается наталкиваться на нее рыболовам при утреннем тумане. В ясную же погоду подойти близко к цапле очень трудно, так как птица она очень осторожная: увидев человека еще издали, тотчас улетает. К раненой цапле, а также и к сидящей в клетке подходить надо осторожно, так как она норовит клюнуть в глаз подошедшего человека.

Молодую цаплю легко выкормить рыбой и лягушками; но ее нельзя держать во дворе с другими птицами, потому что она без стеснения ловит и съедает цыплят и утят.

СКВОРЕЦ

Седой мороз в одежде снежной,
С блестящей льдистою броней
Вступает в бой с приветной, нежной
И ароматною весной.
Он ветром, вьюгою, снегами
Весне переграждает путь,
А та, в ответ ему, цветами
Бросает в старческую грудь...

Б. Кони

Что этот бой, по-видимому, столь неравный, окончится полной победою весны, в том ни одну минуту не сомневается наш милый скворушка, сидящий на ветке дерева близ своей скворечницы. Иначе он не решился бы покинуть гостеприимные южные страны, в которых коротал время, пока у нас трещали морозы. Что за беда, если и придется немножко позябнуть и раз-другой не особенно сытно пообедать, все-таки он твердо знает,

что в конце концов «седой Мороз» сложит свои «льди-
стые» доспехи к ногам «приветливой, нежной» краса-
вицы-весны и скажет —

«...тая в речках снежных вод

Ты победила! Ты прекрасна!
Иди ж и царствуй в свой черед...»

Вот и сейчас: только что пролетел сильный вихрь, с крупой и снегом, как наш скворушка, встряхнувшись и приведя в порядок свои растрепавшиеся от ветра перышки, снова распевает, как ни в чем не бывало, свои песни. Впрочем, слово «песни» будет здесь, пожалуй, не совсем уместно: это, скорее, какая-то веселая, беззаботная болтовня, трескотня и верещание, вперемешку с протяжными свистами и разными подражательными, подчас весьма красивыми звуками. И как ретиво и весело распеваются эти песни! Горлышко раздувается пузырем; клюв раскрывается так широко, что в него можно, пожалуй, всунуть целый орех; крылышки свешиваются, и певец беспрестанно ими подергивает и трепещет, словно замирая от музыкального наслаждения, каковое, по-видимому, доставляет уморительному певцу его смешная и бестолковая песня. Впрочем, эта песня, хотя смешная и бестолковая, но слушается с большим удовольствием,— в особенности ранней весной, когда, кроме жаворонков в поле, да желтоголовых овсянок с их незатейливой песенкой, других певунов налицо еще не имеется.

Однако я говорю о скворце так, как будто эта птица всем хорошо известна; между тем, вероятно, найдется немало читателей, знающих скворца только понаслышке. Поэтому нужно несколько остановиться на его наружности. Самчик весной окрашен в черный цвет, с фиолетовым и зеленым металлическим отливом, особенно ярким и красивым на груди; клюв желтый, ноги буровато-красные. Осенью, после линяния, все новые перышки имеют белые кончики, и тогда скворец является пестрым. Клюв к осени из желтого становится черным, затем в течение зимы постепенно желтеет от основания к концу и к маю становится снова лимонно-желтым. В то же время постепенно пропадают (обтираются) белые кончики перышек, и скворец из пестрого

становится малопомалу черным. Самочка совсем черною никогда не бывает, а всегда пестровата потому, что кончики ее перышек всегда остаются более или менее белыми; клюв у нее бледно-желтый. Молодые скворчата до первой линьки (происходящей в конце лета) имеют серовато-бурое оперение, на горлышке слегка беловатое, и черный клюв; перелинявши осенью, они становятся такими же пестрыми, как и старые скворцы.

Водится скворец по всей России — от Лапландии до Крыма и Кавказа. Почти повсюду он весьма многочислен и обыкновенен, и повсюду является птицей перелетной: отлетает на зиму на юг, весной же одним из первых возвращается обратно на свою родину (в средней России передовые скворцы появляются обыкновенно в первой половине марта).

Первых прилетных скворцов можно видеть сидящими, небольшими стайками, рядышком, на полевых сараях, на крестах сельских церквей, на отдельно стоящих в поле деревьях и тому подобных выдающихся местах. Пролетные стаи (т. е. те, которые направляются дальше к северу) летят всегда высоко, быстро и кучно, прилетные же (которые будут гнездиться у нас), напротив, летят низко, кружатся и наконец опускаются. Самочки появляются обыкновенно 10—12 днями позже самцов, отдельными стаями.

В первое время по прилете (весь март и начало апреля) скворцы мало держатся около скворечниц, или вообще мест своих гнездовых, а больше проводят время

на полях, лугах речных долин, огородах, где на проталинах снискивают себе в это время еще весьма скудное пропитание. Если же проталин еще мало (после очень снежных зим), то скворцы кормятся по навозным кучам и дорогам, отыскивая в навозе червей и уцелевшие зерна.

Около середины апреля начинаются хлопоты по устройству гнезда, местом для которого служат дуплистые старые деревья — в лесах, рощах, садах и парках, а также разбросанные одиночно по полям и лугам. Или же для этого служат нарочно устраиваемые для скворцов жилища — скворечницы. Скворец — птица в высшей степени полезная (о чем подробнее речь будет еще впереди). Народ давно уже это подметил, — в особенности огородники. Поэтому во многих местностях можно видеть по селам, деревням и пригородам прилаженные на деревьях, а то и просто на воткнутой в землю длинной шестах, «домики» для скворечьих гнезд. К сожалению, далеко не везде существует этот прекрасный и заслуживающий самого широкого распространения обычай — ставить скворечницы. Смастерить же скворечницу дело весьма простое: взять несколько дощечек, сколотить из них ящичек в 10—12 вершков¹ высотой и 4½ вершков шириною в обе стороны (в квадратном сечении), проделать, отступая на 2 вершка от верха, летку, — круглое отверстие в 2 дюйма (1½ вершка) в поперечнике, — вот скворечница и готова. Вместо дощатого ящика может служить также выдолбленный отрубок дерева (дуплянка) соответствующих размеров, с наколоченными доньшком и крышкой. Под леткой можно воткнуть палочку, которая будет служить жердочкой для сидения. Ящичек (или отрубок) должен быть непременно глубокий (не менее 11 вершков) для того, чтобы кошка, запустив лапу в летку, не могла достать птенцов или сидящую на гнезде скворчиху. В особенности летка не должна быть слишком широкою, чтобы в нее не могли забираться разные охотники до скворечьих яиц и птенцов (вороны, сороки, сойки, белки); старый, опытный скворец и гнездиться не станет в такой скворечне. Переузить летку настолько, что скворец не в состоянии будет в нее пролезть, само собою

¹ 1 вершок равен 4,45 см.

разумеется, также не годится. В видах безопасности гнезда от непрошенных гостей иногда делают в скворечнице, на половине ее высоты, поперечную перегородку с круглым отверстием в середине. Привязать скворечницу к дереву (или шесту) следует возможно выше: и дальше видно — скворцы скорее найдут, да и от кошек безопаснее. Кроме того, летку следует оборачивать на полдень, к югу, а не на север, чего также птицы не любят. Если скворечница укрепляется не на дереве, а на шесте, то к верхнему концу его нужно привязать ветвистую хворостину, на которой скворец будет распевать свои песни, в то время как скворчиха будет сидеть на гнезде.

Привязывать скворечницу надо прочно, надежно, чтобы ее не сбросило ветром. Скворец — птица очень умная, внимательно осматривает свое будущее жилище со всех сторон, прежде чем в нем поселиться, и чуть что неладно, — бросит, и скворечница будет пустовать. Расскажу по этому поводу случай, бывший со мною: задумали мы с братом поставить в садике, на высокой березе над самым балконом нашего дома, скворечницу, сделанную прекрасно, по всем правилам. Постановка была поручена кучеру. На другой же день мы имели радость заметить, что пара скворцов усердно стала таскать в нашу скворечницу разные былиночки, мочалочки, соломинки, перышки и т. п. материал для гнезда. Работа скворцов продолжалась два дня, с утра до вечера, причем самчик находил все-таки еще время услаждать наш слух своими веселыми, болтливыми песнями. На третий день скворцы исчезли; на четвертый — также не показывались, и мы с братом, весьма огорченные тем, что скворцы бросили нашу скворечницу, ломали себе голову над вопросом — что могло бы им в ней не понравиться? Дня через два или три загадка разъяснилась: выйдя утром, после бурной ночи, в наш садик, мы нашли скворечницу лежащей на земле. Кучер, которому поручено было привязать «домик» к дереву, взял, недолго думая, первую попавшуюся веревку, да ею и привязал, а веревка-то оказалась гнилою. Умные птицы, очевидно, заметили неблагонадежность прикрепления скворечницы и не пожелали подвергать риску себя и свое потомство.

Если желательно привлечь к данному месту большое количество скворцов, то вместо постановки большого

числа отдельных скворечниц, что будет слишком хлопотливо, можно устраивать, так сказать, семейные скворечницы: укрепить под свесом крыши очень длинный ящик с несколькими летками, причем даже нет надобности разделять гнезда между собою перегородками.

Около 1 мая в гнезде скворца находятся уже обыкновенно 6—7 гладких (без крапин) светло-голубых яичек, а к 15—20 мая — уже и молодые скворчата. Эти последние скоро подрастают и к началу июня обыкновенно уже вылетают из гнезда.

По окончании гнездовых дел скворцы соединяются, семья с семьей, в громадные, нередко многотысячные стаи, в которых и держатся до самого отлета, летая и кормясь преимущественно по лугам речных долин. Целыми тучами носятся тогда скворцы, днем — по лугам и выгонам, на ночь же сбиваются в прибрежные камыши и тальники (ивняки), рассевшись по которым провожают день невероятным шумом и гамом (словно обоз в сотню саней скрипит по морозному снегу) и успокаиваются лишь с наступлением темноты. Стая скворцов особенно охотно посещает выгоны, где пасется домашний скот, с которого (в особенности с овец) эти птицы прилежно обирают всяких насекомых.

Перед наступлением поры отлета (приходящейся в северной и средней России, обыкновенно, на первые числа сентября) старики иногда возвращаются на несколько дней к своим гнездовьям, распевают здесь свои песни, как бы прощаясь с родными местами, и затем исчезают до весны. Стая за стай снимаются скворцы с полей и лугов своей родины и направляются на юг — в теплые, хотя и не особенно далекие, страны. В своих странствованиях они не залетают далее северной Африки, большинство же скворцов проводит зиму на южных полуостровах Европы (в Испании, Италии, Греции), причем в противоположность большинству остальных певчих птиц — распевают свои песни и на зимних квартирах. Там они продолжают вести такой же образ жизни, какой вели и у нас осенью: кочуют стаями по лугам речных долин, большею частью в сообществе дроздов и ворон.

Выше было уже упомянуто, что скворец — птица очень полезная. Приносимая им польза заключается в уничтожении громадного количества гусениц, личинок,

бабочек, жуков, червей и саранчи, а главное — множества улиток и вообще всякого рода слизняков, до которых скворец особенно лаком. Один немецкий ученый, большой любитель скворцов и знаток их образа жизни, на основании многолетних наблюдений над этими птицами высчитал, что одна семья скворцов (2 старика и 5 птенцов) съедает каждый день более 360 больших жирных улиток. Какое же, следовательно, громадное количество улиток уничтожается всеми скворцами данной местности в течение всего времени вывода детей! Огородники хорошо знают, какой вред причиняют овощам улитки, а потому и заботятся о привлечении к своим огородам злейших врагов этих вредных животных — скворцов, для чего и выставляют скворечницы. Также и столь вредных майских жуков и их жирных личинок во множестве уничтожают скворцы, равно как и жуков-долгоносиков (слоников), из которых многие принадлежат к числу весьма вредных насекомых.

Правда, лакомые до сочных ягод скворцы причиняют некоторый вред вишневым садам, а виноградникам нередко наносят даже весьма серьезный изъян; но та чрезвычайная польза, которую приносит скворец уничтожением вредных тварей, сторицей покрывает ущерб, иногда причиняемый нам этой птицей. За границей образованные владельцы виноградных садов давно уже перестали преследовать скворца за причиняемый им изъян зрелому винограду, потому что, с другой стороны, убедились в той громадной, хотя и не столь бросающейся в глаза, пользе, которую приносит тот же скворец, уничтожая в их виноградниках очень вредную виноградную улитку. Впрочем, бывают случаи, когда скворцы такими несметными стаями нападают на виноградники (например, в Закавказье), что волей-неволей приходится братья за ружье.

Скворца часто держат в комнате как чрезвычайно забавную и веселую птицу. Взятый молодым из гнезда скворчик быстро становится совершенно ручным и доставляет много потехи и удовольствия хозяину. Скворец легко выучивается разным штукам и фокусам, перенимает голоса и песни других комнатных птиц, выучивается насвистывать разные мелодии и песенки и, наконец, даже говорить. И на воле скворец также перенимает и вплетает в свои песни разные посторонние звуки,—

преимущественно голоса других птиц. Так, нередко можно слышать, среди песни вольного скворца, как бы отдаленный свист иволги, флейтовые переливы пеночки, сладкозвучную строфу чечевицы, пиньканье зяблика и пр. Однажды мне случилось слышать на воле скворца, замечательно подражавшего среди своей болтовни и трескотни водопойному свисту кучера, весеннему крику уток, гоняемых по воде селезнем, ржанью жеребенка и голосам каких-то мне незнакомых птиц, слышанных этим скворцом, вероятно, на далеком юге, во время пребывания на зимних квартирах.

Известно немало примеров замечательных говорунов между скворцами. Мне лично привелось встретить только одного говорящего скворца, находившегося у одного из моих знакомых. Скворец этот говорил следующие слова и фразы: «Миша» (его так звали), «Мишечка, Мишуша, Мишурочка, душечка. Здравствуй, Сашечка. Прощай, Мишуша. Миша, спой песенку». После этих последних слов он всегда начинал насвистывать «Чижику», — первое колено правильно и отчетливо, но на втором большею частью сбивался и переходил на слова: «Миша, Мишечка, спой песенку», и снова начинал насвистывать «Чижику». Все это произносилось скороговоркой и чрезвычайно забавно.

СОЛОВЕЙ

Давно уже жаворонки разливают серебристые потоки своих песен над полями и нивами. Давно уже сады и рощи оживлены звонкими раскатами песен зябликов. Давно уже лес оглашается звучными строфами певчего дрозда, поющего под сопровождение целого хора разноголосых певунов, прилетевших в свите таинственной царицы — красавицы-весны. Но до сих пор все еще чего-то недоставало: не было главного «капельмейстера», лишь с появлением которого раздастся настоящий, величественный и великолепный гимн «богине Весне».

И вот он явился — этот «капельмейстер»: явилась маленькая серенькая птичка, с большими, умными черными глазами, — явился соловей! Явился он, по обыкновению, ночью, и тотчас же

«Щелкнул, свистнул, рассыпался,
Разошелся по воздуху

Серебристыми звеньями,
Загремел перекатами,
Застонал перекликами,
Разлился громким голосом
По всему по поднебесью,
Его слушала, зарумянившись,
Под фатой своей, браной золотом,
С неба синего, заря майская...»

Д. Минаев

По народной примете, «соловей начинает петь, когда может напиться воды с березового листка» (т. е. когда у березы лист настолько развернется из почки, что на нем может уместиться капля росы), что обыкновенно бывает в конце апреля или в начале мая. Сначала прилетают самцы, а спустя дней 5—6 и самочки. В первое время по прилете, соловьи поют преимущественно по ночам, днем же лишь изредка насвистывают небольшие кусочки из своих песен. Не будучи вовсе ночной птицей, соловей превращается на это время в ночного певца, чтобы песней своей извещать и приманивать летящих по ночам самочек (во время весеннего прилета и осеннего отлета соловьи летят только по ночам). Когда же начнется витье гнезд, тогда песни поются больше днем, а также по утренним и вечерним зорям. Впрочем, некоторые соловьи так и остаются преимущественно ночными певцами, и это большею частью бывают лучшие мастера пения.

Самый разгар соловьиного пения приходится на время витья гнезд и кладки яиц. Время это совпадает у нас с цветением черемухи, ландыша и сирени. С отцветанием сирени ослабевают и соловьиная песня, а к середине июня и вовсе умолкает. Прекрасный певец замолк, и мы не услышим его более — до следующей весны!

Любимыми местами пребывания соловьев являются поросшие ивовыми и другими кустами долины рек, полевые болота и вообще всякого рода кустарники, вблизи проточной или даже стоячей воды, а также большие сады и парки. Только в этих последних для того, чтобы в них держались соловьи, должны быть глухие, запущенные и поросшие кустами (в особенности крыжовником и смородиной) уголки, в которых не убирается опавшая прошлогодняя листва: под прикрытием кустов соловей безопасно будет вить свое гнездо на земле или

невысоко над нею; в прошлогодней же листве будет копошиться, разыскивая в ней свой корм, состоящий из различного рода, червей гусениц, личинок, небольших жучков и других насекомых. Осенью соловьи охотно едят также и разные ягоды, в особенности черную бузину.

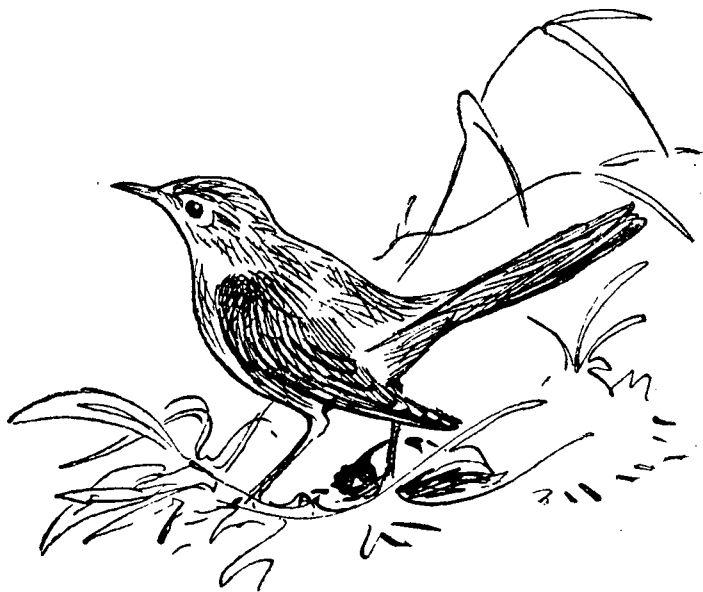
По земле соловей прыгает на манер дрозда — большими, сильными прыжками. При этом, после каждого трех-четырех прыжков, обыкновенно, останавливается и, грациозно выпрямившись и вздернув свой довольно длинный хвостик высоко над крыльями, оглядывается вокруг, — совсем так, как это делают дрозды, которым соловей приходится весьма близким родственником.

Во время пения соловей сидит большею частью невысоко (на дереве или кусте), всегда насупившись, как бы сгорбившись, свесив крылышки, и позволяет, обыкновенно, подойти к себе довольно близко. Вообще, соловей — птица доверчивая и не строгая, а потому легко идет во всякие западни и ловушки.

Гнездо соловья не представляет собою особенно искусной постройки. Снаружи оно состоит, обыкновенно, из сухих прошлогодних листьев, внутри же — из тонких сухих травок и былиночек. Птенчики выкармливаются гусеницами, личинками и червячками. В конце июня молодые соловушки уже вылетают из гнезд, — в сероватом оперении, с бурыми крапинками; старики же вскоре после этого начинают линять, — меняют старые, поизносившиеся перья на новые.

В конце августа соловьи отлетают на юг. Сначала все собираются, перелетают по кустам один к другому, как бы переговариваясь тихим «так-так», потом вдруг оставляют обитавшуюся ими местность. Трогаются в путь всегда вечером, когда стемнеет, и летят небольшими стайками — в два-три семейства. Улетают они далеко — в тропические страны. Летом соловей водится, за исключением крайнего севера, по всей России, — повсюду, где только есть подходящие для него места. Он гнездится также в Крыму и на Кавказе.

Пение соловья, конечно, известно каждому. Нужно только заметить, что между соловьями, рядом с первоклассными певунами, бывают и весьма посредственные. Плохие певуны — это большею частью соловьи молодые, еще не успевшие перенять у стариков их мастерство. Также и по местностям есть различия в пении этих птиц:

в одних местах держатся все хорошие певцы (конечно, не считая начинающих молодых), в других же — знаток соловьиного пения забракует всех поющих соловьев. Выражаясь словами птицелова, «иной дельно поет, с толком, и колена хороши, и склад есть, а иного и слушать досадно: огородник — кричит зря. Ни складу, ни ладу, только мешает хорошего слушать». По мнению птицеловов, превосходные певцы водятся именно в тех местностях, где птица держится свободно, в большом количестве, не пугана, не вылавливается, потому что один хороший соловей нескольких «ставит на хорошую песню». Лет 20—30 тому назад особенно славились курские соловьи, за которых любители плачивали до 2000 рублей за штуку. В настоящее время предпочитают соловьи киевские, 100—200 рублей за хорошего певца — и в нынешнее время не редкость¹. А какие бывают любители и знатоки соловьев, можно видеть из следующего рассказа одного птицелова:

¹ Имеется в виду конец XIX и начало XX века. (Ред.)

«Помнится, в барском лесу крыл я соловьев. Пришел ночью: темно, зги не видно; место было замечено. По дороге кое-как прошел, а как своротил в сторону, к осиннику, — саженья в трех от дороги нужно сесть — все лицо изодрал сучьями. Ночь была теплая, тихая. Не шелохнет нигде; только сучья щелкали по лесу в разных местах. Изредка что-то шарахалось, да вдали камышевка всю ночь пела. Потом варакушки послышались с болота и разные голоса: этак переключкою, то тут, то там. К утру, чуть только забрезжилось невдалеке, слышу, дрозд начал: тихо этак свист дал и запел — едва разобрать можно. Потом, словно словами, закричал сильно: «приди-кум», «приди-кум», так и выговаривает; раза три повторил это, да как филилюкнет по лесу-то — ну, просто целовать надо птицу. Тут слышу, сзади фррру, и полеее фррру, фю...ить, и подальше фю...ить, тио, тио, тио, тио. Здорово сделал: кажется, каждое слово-то у него в землю уходит на три аршина. Потом как шаркнет дробьями — так это по лесу-то заговорило, господи боже мой! Потом как пульканье сделал, фу-ты! отчетливость какая. И что он тут делал — уму помраченье. Двенадцать колен у него было, и одно к одному, ни одной помарки. Песня была высокая, не было у него этой бабьей томности, а сила и торжественность этакая: ниц упадешь перед ним. Ахнул он, помнится, раскатом, так лес-то кажется, дрогнул от силы. Начал обыкновенно, потом выше и так просыпал, что себе не веришь, птица ли это делает? И тут же, раскат еще не стих по лесу, длинно пустил стукотней, потом сдвоил эдак раза четыре свистом и сильно сделал га-га-га... Этакий чудный был соловей...».

Соловья этого рассказчику удалось поймать.

«Четыре года жил у меня этот соловей и забыть я его не могу. Бывало, запоет — по всей улице соседи окна отворяют. И что ни возьми у него, любое колено — чисто, отчетливо, и вся песня истинно нотная: постановка колен, стройность — редкая. Конечно, как на кого: иной ценит нежность, а иной силу и чистоту. В том и другом случае главное дело — склад песни. Хороший соловей поет с толком, у него песня, помимо достоинства колен, имеет склад. После сильного колена поставит легкое, нежное, потом пойдет переставлять колена в средних нотах, примерно клыкание, дудки, свисты и прочее, потом двума коленами повысит, шаркнет — и опять умилит до слез.

Чем полнее песня, тем лучше; только редкий многоколенный соловей без помарки — мажет, что называется: ставит в песне пискливо-скрипящие колена. В коленах ценится чистота исполнения и нежность, в песне — полнота и склад».

Я позволил себе сделать эту выписку ввиду того, что, прочтя внимательно характеристику мастерского соловьиного пения и познакомившись с теми требованиями, которые предъявляет знаток-любитель хорошему соловью, вам будет легче оценить пение того или другого соловья, что представляет большой интерес и доставляет много удовольствия. Совсем другое дело, слушаешь ли соловья просто так, чтобы только слушать, или вникаешь в его песню и умеешь ее разбирать.

В сочинениях некоторых немецких птицеведов встречаются попытки изобразить словами песни некоторых, особенно мастерски певших соловьев. Конечно, эти жалкие звукоподражания, изображенные буквами, ничего не говорят для человека непосвященного; но для любителя-знатока соловьиного пения они являются весьма интересными и понятными, и он легко восстанавливает по ним, как музыкант по нотам, те звуки, которые имел в виду изобразить записывавший песню. Для того, чтобы дать понятие о такого рода записях, я приведу здесь записанную мною песню одного прекрасного соловья, гнездившегося в парке Лесного института.

Фи-тчуррр, фи-тчуррр, вад-вад-вад-вад-вад-ции.
(очень эффектно и редко).

Тю-лит, тю-лит, тю-лит.

Клю-клю-клю-клю.

Юу-литель, юу-литель (затем то же три раза с повышением на несколько тонов).

Ци-фи, ци-фи, ци-фи.

Пью, пью, пью.

Ци-фи, ци-фи, чо-чо-чочочочочочочовить!

Цицитювит, тю-вит, тю-вит (последние два могучим посвистом).

Юу-лит, чочочочотрррррррр (в конце «помарка»).

Пи, пи, пи, пи, клю-клю-клю (превосходно!).

Чричи-чу, чричи-чу, чричи-чу.

Ци-вить (тихо), клюи (громко), клюи (очень громко).

После этих 12 колен песня повторилась, причем колена нередко переставлялись в ином порядке.

На юге и юго-западе России рядом с нашим обыкновенным соловьем водится и другой, так называемый западный соловей. Он немножко поменьше нашего соловья и рыжеватее цветом. В песне эти два соловья разнятся весьма значительно друг от друга: песня обыкновенного соловья отличается большею мощностью, торжественностью, звучностью, она более членораздельна и колена в ней более разграничены. В песне же западного соловья более нежности, закругленности, слитности, но меньше звучности и силы.

ЛАСТОЧКИ

Быстрокрылая, неутомимая летунья, услаждающая наш глаз красотой своих воздушных движений.

Очаровательное пернатое создание,— несомненно одно из самых близких сердцу человека из всего пернатого царства. Старый и малый, больной и здоровый, добрый и злой — все рады первой ласточке, каждый провожает ее полет любовным взглядом.

«С нею солнце краше
И весна милей»

А. Плещеев

как прекрасно говорит поэт. Самые названия — ласточка, касаточка — как нежно и красиво звучат они для уха! В них ясно слышатся нежность и любовь, с которыми относится народ к этому милому созданию. Старый дед, греясь на солнышке, у завалинки, ласкает свою маленькую внучку: «Ах, ты моя касаточка!» — говорит он, глядя любовно в голубые глазки ребенка и разглаживая костлявою рукою его белокурые шелковистые волосы, «Разорять гнездо ласточки — грех». — «Кто разорит гнездо ласточки, у того будут веснушки». Так говорит русский народ, выказывая этим свою особенную любовь к этой милой птице.

Однако я все говорю про ласточку в единственном числе, тогда как у нас водятся несколько разных ласточек, во многом отличающихся друг от дружки. Поэтому, желая поближе познакомить моих читателей с нашими ласточками, я должен повести речь о каждой из них в отдельности.

ДЕРЕВЕНСКАЯ ЛАСТОЧКА ИЛИ КАСАТКА

Шитовило-мотовило, по-немецки говорило,
Спереди шильце, сзади вильце,
Сверху синенько суконце,
С исподу бело полотенце.

Загадка

Это — та ласточка, которую так хорошо знают деревенские жители.

Это — та черно-синяя сверху и почти белая снизу ласточка, горлышко которой окрашено в буровато-красный цвет, а хвост раздваивается длинной вилочкой, образующей, при спокойном сидячем положении птицы, род длинной косички, отчего эта ласточка и получила название касатки.

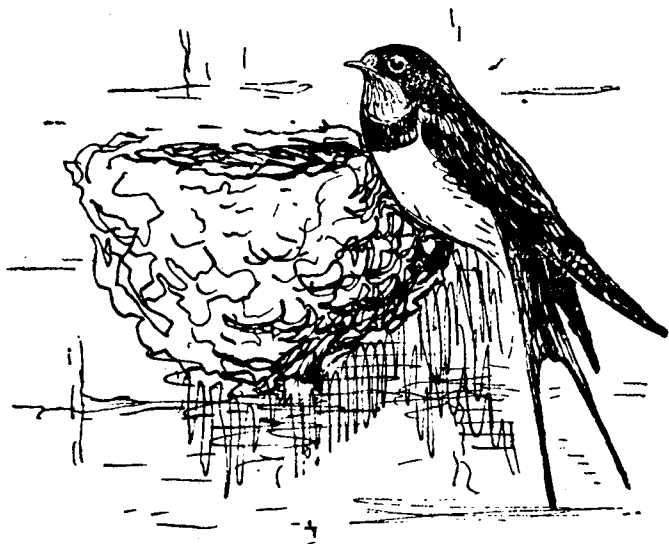
Это — та ласточка, которая так часто сопровождает (после ненастной погоды) идущего через поле человека, или едущий по дороге экипаж, — то летая вперед, то отставая, то описывая красивые дуги, с изумительно искусными, неожиданными поворотами и воздушными зигзагами; при этом особенно бросается в глаза широко-кораскрытый, вилообразный хвост этой птички, украшенный при основании поперечным рядом белых глазков.

Это — та ласточка, которая так любит гнездиться внутри хлебов, конюшен и сараев, прикрепляя свое чашечкообразное, сверху открытое гнездо к балкам и стропилам; которая так ловко прошмыгивает на лету через щель неплотно притворенной двери или через небольшое отверстие в разбитом оконном стекле.

Это — та милая щебетунья-ласточка, которая первую просыпается на деревенском дворе или степном хуторе и при слабом еще свете утренней зари щебечет скороговоркой своим детям:

«Деточки, деточки,
Будьте умнички,
Полечу на базар
Покупать вам пррряянички...»

В городах, особенно в больших, касаточка редко встречается, так что постоянные городские жители мало знают эту ласточку (они хорошо знают зато другую

ласточку, в свою очередь мало знакомую сельским жителям, и о которой речь будет еще впереди).

Водится касатка по всей России — от Полярного круга до Крыма и Кавказа включительно. Она одинаково мило щебечет близ гнезда своих деток как у холодных берегов Белого моря, так и под горячими лучами солнца Черноморского и Каспийского побережий.

Прилетает к нам касаточка, из своих зимовий в центральной Африке к тому времени, когда начинает пробиваться первая травка и расхлачивается черемуховая почка (в средней России это бывает обыкновенно во второй половине апреля). Почти всегда сначала появляются одиночки — передовые, главная же масса ласточек появляется обыкновенно дней на десять позже.

В первое время по прилете ласточки особенно охотно реют над водными поверхностями, где весной больше насекомых, чем над сушей, и куда эти птички нередко сбиваются большими стаями при внезапном наступлении весенних холодов.

Из всех наших ласточек касатка — самая искусная и быстрая летунья. Ее область летания — преимущественно нижние слои воздуха. В верхние слои она заби-

рается исключительно только во время весенних и осенних перелетов; обыкновенно же вьется невысоко над полями и лугами, над деревенскими крышами и улицами, над выгонами и пастбищами, близ пасущихся домашних животных, около которых всегда кишит множество всяких мух и мошкар. Перед дождем касатка реет преимущественно над водой, производя здесь охоту за спустившимися из верхних слоев воздуха насекомыми. Во время ненастья и вскоре после него, когда насекомые сидят еще на земле или по стенам домов и заборов, касатка почти стелется по земле, едва не касаясь крыльями ее поверхности. При этом она замечательно грациозно «перепрыгивает» на лету через встречающиеся препятствия (кусты, заборы), или же почти скользит вдоль стен домов, по улицам, то поворачиваясь совсем боком, чтобы снять со стены муху, то делая изумительно быстрые и ловкие повороты, чтобы схватить на лету ею уже спугнутого мотылька.

В то же время, то есть после ненастья, она любит провожать пешехода, охотника с собакой, или едущий по дороге экипаж иногда на протяжении нескольких верст, для того, чтобы воспользоваться спугиваемыми при этом насекомыми. В своей жизни немало скоротал я часов невеселой, подчас, дороги, любуясь красивыми движениями этой очаровательной летуньи, сопровождавшей мой экипаж.

Ловя своим широко раскрывающимся ртом летающих в воздухе насекомых (преимущественно двукрылых, какковы, например, комары, мухи и другие), касатка, равно как и другие ласточки, никогда не трогает пчел и ос, имеющих ядовитое жало. Известны случаи смерти этих птиц от ужаления их (в рот) упомянутыми насекомыми. (Впрочем, некоторые пчеловоды уверяют, будто ласточки берут и пчел).

Пьет касаточка, обыкновенно, на лету; на лету же и купается, погружаясь слегка раз-другой в воду, во время низкого полета над ее поверхностью.

Летая одинокой, касаточка большею частью молчит: при встрече же с другими касатками, а также подлетая к своему гнезду и во многих других случаях, она часто издает столь характерный для нее призывный крик: «вид», или «вит», который обыкновенно повторяется несколько раз кряду: «вид-вид» — «видвидвид».

При появлении на дворе, на котором гнездятся касатки, какого-нибудь хищника — например кошки, ястреба — эти птички тотчас же поднимают тревогу, и с резкими, громкими криками «ци-зи-цизи» начинают кружиться около врага в стремительном полете, едва не задевая его своими крыльями. Теми же криками они встречают и провожают всякую мимолетающую хищную птицу, преследуя ее иногда на весьма значительном расстоянии.

Собственно песни, сколько-нибудь звучной, у касатки не имеется, а есть только милое щебетанье, во время которого щебечущий самчик большей частью сидит на безлиственной, сухой ветке дерева, на коньке крыши, на протянутой через двор бельевой веревке и тому подобных открытых местах. Впрочем, нередко касатка щебечет также и на полете.

О гнезде касатки и его местонахождении было уже упомянуто выше. Следует только добавить, что земляные кусочки, из которых слепливается ее гнездо, прикрепляются один к другому клейкою слюной, выделяющейся изо рта птицы.

Высиживанием занимается обыкновенно самочка. Изредка присаживается на гнездо на короткое время и самчик, как мне самому случалось это наблюдать над одной парочкой (в Крыму), у которой самчик легко отличался от одинаково раскрашенной с ним самочки тем, что у него не было в хвосте косички (может быть, потерял ее в какой-нибудь передрыге?). Продолжается высиживание 12, 14 и более дней, смотря по погоде. В ненастные дни, когда мало летает насекомых, самочке приходится подолгу отсутствовать из гнезда, для добывания себе необходимого корма, вследствие чего яйца остывают, и высиживание, таким образом, может затянуться — на севере даже до 17 дней. Впрочем, и на юге, при сплошь прекрасной и теплой погоде, самочки-касатки также не особенно поседливы на гнезде. По крайней мере, такова была самочка упомянутой уже выше парочки, гнездо которой помещалось под крышей обвитого виноградом балкона на степном крымском хуторе, близ берега Черного моря. Проводя на этом балконе значительную часть дня, я мог подолгу наблюдать гнездо наших касаточек и потому могу с достоверностью засвидетельствовать, что высиживавшая самочка прескверно испол-

няла свою обязанность наседки: она беспрестанно слетала с гнезда и подолгу пропадала в степи. Можно смело сказать, что в общей совокупности она сидела на гнезде не более половины дня; в течение же другой половины гнездо оставалось без наседки, так как самчик присаживался лишь изредка, больше же занимался щелбетами своих песен, сидя на провесе бельевой веревки, протянутой под крышей балкона. Я уже начинал опасаться, что из такого высиживания ничего путного не выйдет; однако на 12-й день со дня нашего поселения на хуторе благополучно вылупились из яичек 4 крошечных птенчика, к большой радости многочисленного общества детей и взрослых, собиравшегося ежедневно на балконе за чайным и обеденным столом.

Сколько дней продолжалось все высиживание, к сожалению, сказать не могу, так как в день нашего поселения на хуторе мы застали уже самочку на гнезде, и когда она на него села — осталось нам неизвестным. Что несмотря на столь дурное высиживание птенчики все-таки вылупились, это следует приписать, конечно, той большой теплоте, которая все время держалась под крышей балкона благодаря горячим лучам крымского солнца.

После 19 дней прилежного выкармливания обоими родителями наши птенчики выпорхнули из гнезда и уселись рядышком на той самой веревке, на которой их «папаша» распевал во время высиживания свои песенки. На второй день они уже предпринимали маленькие экскурсии около хутора, ночевать же собрались снова в свое гнездо, что повторялось также и в следующие 9 дней. На 10-й день по вылете из гнезда, наши касаточки к ночи уже не возвратились на балкон. Они ночевали где-то на воле, и с тех пор мы потеряли их из вида.

Вылетевших из гнезда птенцов родители кормят нередко на лету, что представляет собою чрезвычайно милое зрелище.

Молодые, недавно вылетевшие из гнезда выводки касаток любят присаживаться на обращенный к солнцу скат крыши, где с видимым наслаждением берут «солнечную ванну» — греются на солнечном припеке, распластав крылышки и повернув на бок головку. То же самое проделывали и наши птенчики на раскаленных солнцем черепитчатых кровлях хутора.

В конце лета касатки сбиваются большими стаями в речные долины или к поросшим камышами прудам и озерам, где и охотятся целыми днями за разной мошкаркой, ночуя в камышах и по веткам свесившихся над водой кустов. Во второй половине августа или в первой сентября наступает время отлета: в одно прекрасное утро стая снимается с места и улетает на юг — в тропические и экваториальные страны.

«И вот — их гнездо одиноко!
Они уж в иной стороне —
Далеко, далеко, далеко...»

А. Майков

Там касатки вместе с другими ласточками проводят нашу зиму и проделывают свое линяние, после чего, с наступлением весны, снова возвращаются к нам — гнездиться и радовать нас своим присутствием.

Ручная касаточка — это очаровательнейшее существо, какое только можно себе представить. Привязанность и прирученность ее к людям, которые ее выкормили, настолько велика, что приходится употребить немало усилий для того, чтобы заставить ее своевременно улететь с другими ласточками на зимние «квартиры». Говорю это по личному опыту, вспоминая милую касаточку «Весту», выкормленную однажды летом в моей семье и затем с немалыми усилиями присоединенную к ее сородичам, для осеннего отлета в теплые края.

ГОРОДСКАЯ ЛАСТОЧКА, ИЛИ ВОРОНОК

Вьется ласточка сизокрылая
Над окном моим, над косящатым.

Это — птичка по преимуществу городская. Это — та ласточка, которая лепит свои земляные гнезда над окнами городских домов. Она резко отличается от касатки следующими признаками: отсутствием хвостовой вилочки (косички), чисто белым цветом всей нижней части тела, от клюва до хвоста, снежно-белым надхвостьем (нижняя часть спинки) и оперенными белым пушком лапками (у касатки лапки голые, черненькие). По величине воронок несколько меньше касатки.

Область распространения воронка так же обширна, как и касатки: он гнездится от Лапландии до Крыма и Кавказа включительно.

В противоположность касатке воронок любит больше кружиться в верхних слоях воздуха, любит «купаться в голубом эфире» — как выражаются поэты. В особенности перед грозой воронки нередко забираются на страшную высоту, и тогда, — если тучи не успели еще закрыть солнца, — освещенные его лучами ласточки кажутся на черном фоне туч словно лоскуточки белой бумаги, кружащиеся и гонимые ветром на громадной высоте. Когда же начнется дождь, а также и в первое время после ненастья, эта ласточка, подобно касатке, также кружится больше над поверхностью земли, ловя на лету спугиваемых ею насекомых. Вообще воронок любит больше широкий простор для своего полета; его редко когда можно встретить охотящимся за насекомыми в узких переулках и по глухим уголкам, которые, напротив, так охотно посещаются касаткой. Полет у воронка более спокойный и не столь искусный, как у касатки.

Голос у воронка слабый, малозвучный. Призывный крик — негромкое «трик-трик», довольно часто издаваемое при полете. Про песню этой ласточки не стоит и говорить: это совсем плохое, слабое чириканье, сравнительно с которым щебетание касатки является совсем мастерским пением.

Гнездо свое воронок лепит из кусочков глинистой земли, склеивая их своею клейкою слюною. Делается оно закрытым со всех сторон, кроме небольшого бокового отверстия для влета и вылета. Таким образом, и в этом отношении городская ласточка отличается от деревенской, у которой, как мы видели, гнездо делается сверху всегда открытым. Работа по постройке гнезда ведется всегда так, что одна ласточка подносит материал, а другая лепит. Одновременно обоим птичкам нельзя улетать от своей постройки, так как в таком случае ею не замедлили бы завладеть другие парочки воронок или же нахальные воробьи. В особенности трудно бывает воронкам отбить свое гнездо от забравшегося в него воробья, и в таких случаях им приходится обыкновенно снова приниматься за постройку на новом месте. Рассказы о замуравливании ласточками самовольно забравшегося в их гнездо воробья, конечно, принадлежат

к области фантазии: вряд ли станет такая умная птица, как воробей, дожидаться, пока от нее закроют свет божий. Да если бы это даже и случилось, то, обладая достаточно сильным клювом, воробей, вероятно, не замедлил бы разрушить свою глиняную темницу.

Выше было уже упомянуто, что воронок гнездится преимущественно в городах; в деревнях и селах он гнездится редко и лишь тогда, когда в них имеются каменные постройки. В гористых странах воронки гнездятся также колониями, на скалах, прикрепляя к ним такие же земляные гнезда, какие они лепят над окнами в городах. В Оренбургском крае воронки гнездятся в земляных норах, вырытых по обрывам береговыми ласточками (о которых речь будет ниже), в городах же и деревнях не гнездятся вовсе. Весьма вероятно, что воронок находится там еще в диком состоянии.

На южном берегу Крыма мне случилось наблюдать совместное гнездование касаток и воронок: их лепные гнезда (закрытые — воронка, и открытые — касатки) помещались рядышком, под свесом карниза каменного дома).

Воронок прилетает и отлетает почти одновременно с касаткой.

Однажды в первых числах августа в мою семью принесли двух птенчиков воронок, выпавших из разоренного деревенскими мальчишками гнезда. Нам счастливо удалось выкормить этих очаровательных птичек комнатными мухами, которых птенчики уничтожали в невероятном количестве. Прожив в комнате три недели, «Сильфа» и «Эльфа» (так звали наших питомцев) стали совершенно ручными, — настолько, что, кружась высоко на воздухе с другими ласточками, возвращались на мой зов и садились на протянутый палец руки. Они были любимцами и баловнями всего дома.

БЕРЕГОВАЯ ЛАСТОЧКА, ИЛИ СТРИЖОК

Это — та ласточка, которая гнездится иногда громадными колониями в норах, вырывааемых ею в обрывистых, обнаженных берегах рек и озер, а также по крутым, об-

наженным оврагам и глиняным ямам, нередко в нескольких верстах от ближайшей воды.

В общем, по складу и полету очень сходная с воронком, береговая ласточка хорошо отличается от него буро-землистой окраской верхней части тела, узким ошейником того же цвета на белой шейке и отсутствием белого надхвостья. По величине стрижок немного меньше воронка.

Эта ласточка также гнездится по всей России, от Лапландии до Крыма и Кавказа включительно. Чем дальше на восток, тем чаще и в большем количестве встречается береговая ласточка. Путешественник, едущий на пароходе по большим нашим рекам (в особенности по сибирским), встречает этих ласточек, можно сказать, почти на каждом шагу, большею частью низко летающими над водой.

Прилетают и отлетают береговые ласточки почти одновременно с воронками и касатками.

СТРИЖ (черный стриж)

Жди ясного на завтра дня;
Стрижи мелькают и визжат,
Пурпурной полосой огня
Прозрачный озарен закат...

А. Фет

Очень обыкновенная, в особенности в городах, птица, часто смешиваемая с ласточками и в большинстве случаев даже и называемая ласточкой. Происходит это от большого сходства, в образе жизни, а также отчасти и по наружному складу стрижа с вышеупомянутыми птицами. Подобно ласточкам, и стриж также кружится весь день в воздухе, ловя летающих в нем мелких насекомых. Но рядом с несомненным общим сходством с ласточками, стриж имеет в то же время и весьма многие от них отличия; из них некоторые настолько существенны и важны (с научной точки зрения), что даже заставляют ученых относить стрижа к совершенно иной, вовсе не родственной даже ласточкам, группе птиц. Самым

важным наружным признаком, отличающим стрижа от ласточек, служат его ноги, все четыре пальца которых, снабженные большими и очень острыми когтями, обращены вперед, тогда как у ласточек три пальца обращены вперед, а один назад (как и у большинства прочих наших птиц). Конечно,

этот признак легко и удобно можно рассматривать только тогда, когда держишь стрижа в руках. Но есть и другие весьма хорошие признаки, позволяющие легко и скоро отличать стрижа от ласточек, даже в полете, и на значительном расстоянии. Во-первых, стриж весь почти черный, словно вымазан сажей как сверху, так и снизу, за исключением лишь беловатого горлышка, между тем как все наши ласточки более или менее окрашены снизу в белый цвет. Во-вторых, стриж значительно крупнее ласточек, и его необычайно длинные и узкие крылья изогнуты серпом (как молодая луна), что хорошо можно наблюдать, когда он парит в воздухе с неподвижно распластанными крылышками. В-третьих, стрижи, когда играют или ссорятся, гоняясь друг за дружкой, так громко и резко визжат («виззз-виззз»), что когда штук 8—10 этих птиц проносятся с визгом близ человека, то хоть затыкай уши — голоса своего не услышишь. Ничего подобного этому визгу не издает ни одна из прочих наших птиц.

Полет стрижа также своеобразен. Правда, когда он реет высоко в воздухе, охотясь за насекомыми, и описывает красивые дуги, подобные тем, которые выделываются на льду конькобежцами, — тогда его полет немногим еще отличается от полета ласточек; но когда он летит в нижних слоях воздуха близ поверхности земли, или между домами, то всегда несется необычайно стреми-

тельно, причем его сильные крылья со свистом рассекают воздух. Вообще стриж, несомненно, самый великолепный и быстрокрылый летун из всего нашего пернатого царства.

Стриж никогда не садится на деревья, а также и на землю. На сучке он не может держаться за неимением заднего пальца. Точно так же, если пойманного стрижа посадить на ровную землю, то он не может подняться с нее на воздух — ему мешают в этом его длинные крылья. Он может взлететь на воздух не иначе, как бросившись с какого-нибудь возвышающегося над поверхностью земли предмета.

Распространение стрижа очень обширно. От Кольского полуострова до Крыма и Кавказа включительно он весьма обыкновенен почти во всех городах Европейской России и принадлежит к числу весьма многочисленных птиц. Почти повсюду, где только есть церкви и большие каменные здания, можно встретить и стрижей, которые любят гнездиться в таких постройках. Вокруг церковных башен и над окружающими их площадями стрижи кружатся иногда сотнями.

Этих птиц у нас можно видеть только в весеннее и летнее время, — на зиму они отлетают в дальние тропические и экваториальные страны. Весной прилетают к нам стрижи довольно поздно и обыкновенно весьма регулярно — в первых днях мая, изредка — в последних днях апреля. Тотчас по прилете они приступают к гнездованию. Почти повсюду в Европейской России стрижи гнездятся преимущественно в отверстиях каменных стен городских и сельских построек; только на крайнем востоке — как, например, в Оренбургском крае — эти птицы избегают селиться в человеческих селениях, а избирают для этой цели разные щели, норы и прикрытые сверху выступы обрывов и скал гористых местностей. В некоторых местностях стрижи гнездятся также среди лесов, в дуплах больших старых деревьев, почему эту птицу иногда называют также боровым стрижом. Иногда они поселяются и в выставленных для скворцов скворечниках.

Материалом для гнезда стрижа служат сухие былинки и листья, перья, волосы, тряпочки и тому подобный материал, частью похищаемый из воробьиных гнезд,

частью же подхватываемый на лету, в воздухе, во время сильных ветров. Весь этот материал, без всякого порядка, укладывается чашкообразно и скрепляется скоро твердеющей на воздухе слюной.

Вслед за вылетом из гнезда молодых (обыкновенно в первых днях августа месяца) стрижи нас покидают и улетают в глубь Африки, на зимовье, где проделывают и свое линяние; у нас для этого им не хватает времени.

В горах Крыма и Кавказа водится еще белобрюхий стриж, отличающийся от обыкновенного черного стрижа тем, что он снизу желтовато-белый и величиною немного покрупнее. Также он не визжит пронзительно, как черный стриж, а издает очень громкую своеобразную сухую трель, вроде «тирррр...», которая тотчас же привлекает к себе внимание наблюдателя, впервые имеющего дело с этой птицей.

СНЕГИРЬ

Как синица появляется около человеческих жилищ вместе с первыми осенними туманами, так красногрудый снегирь является спутником бабушки-зимы и снега: недаром же он и назван снегирем. Как стала, на Матрену (9 ноября) зима на ноги, да запушила землю белым снегом — откуда ни взялись, снегурки тут как тут — на рябине, под окошком. А как начала Евдокия (1 марта) весну снаряжать, да почернела дорога — только их и видели: запрыгали но двору овсяночки-золотняночки, зазвенела по поднебесью песня жаворонка, а красногрудых зимних гостей и след простыл!

В детстве, бывало, сидишь у окошка за учебным столом, твердишь заданный урок, да все поглядываешь на сиреневые кусты, запущенные выпавшим за ночь первым снегом — не покажутся ли дорогие красногрудые гости. Показались — так сердце и запрыгало! Ждешь, не дождешься конца урока, чтобы бежать на кухню — мастерить с кучером Иваном силки... А на утро уже красуется в клетке свежепойманный толстоносый красавец. Глаз с него не сводишь, не налюбуйешься...

Нужно ли описывать наружность снегиря? Кто его не знает? Кто не видал этой пухленькой, красногрудой птички, с белым, как снег, надхвостьем, голубовато-се-

рой спинкой и черными, с синим отливом, головой, крыльями и хвостом? Если кому, может быть, и не приводилось видеть снегиря на воле, то уж, вероятно, случилось любоваться этой красивой птичкой в клетке, или, по крайней мере, на раскрашенной картинке.

Стайка снегирей-самцов, на запушенном снегом, или обындевелом дереве, освещенная розоватыми лучами зимнего солнца, представляет собою, поистине, восхитительное зрелище. Самочки-снегурки далеко не так красивы, потому что снизу они не красные, а темно-серые. То же и у молодых снегирей, до одного года, кроме того, у них и головка не черная, а буровато-серая.

Голос снегиря далеко не соответствует его прекрасной наружности. Чаще всего эта птица издает однообразный, довольно тихий свист мягкого флейтового звука — «фю, фю». Свист этот имеет какой-то особенный, грустный, но вместе с тем чрезвычайно приятный, ласкающий ухо оттенок. Этим свистом, придавая только ему различный характер, снегирь подманивает к себе своих детей или других товарищей снегирей, предостерегает их от грозящей опасности, выражает жалобу о потерянном друге и прочее тому подобное. То или другое значение этого свиста всегда бывает правильно понято другими снегирями, что указывает на замечательную приспособленность птичьего уха различать тончайшие

звуковые оттенки, для человеческого уха почти неуловимые.

Очень негромкая и более чем скромная песня снегиря состоит из тех же грустных, иногда как бы слегка картавых, свистов, перемежающихся с совсем не музыкальными, какими-то странными скрипами, напоминающими скрип колеса немазаинной телеги. Но, несмотря на свою неказистость, снегуркина песня имеет, однако, свою прелесть, особенно, если она поется на свободе, среди природы; например, в один из тех прекрасных, тихих, ясных, полутеплых дней, какие бывают у нас иногда во второй половине февраля, — в те дни, когда в воздухе чувствуется уже нежное, хотя еще и очень слабое, дыхание приближающейся весны. Выйдешь, на минутку, на пригретое солнцем крыльцо — подышать свежим воздухом, и вдруг донесется до слуха тихое пение снегиря, неподвижно сидящего, нахохлившись, на ветке недалекой рябины, — так хорошо и приятно станет на душе...

У снегирей поют не одни только самцы, но и самочки. Здесь мы имеем довольно редкое исключение в птичьем мире: обыкновенно, как известно, у большинства певчих птиц способностью пения одарены лишь самцы, самочки же, за немногими исключениями лишены этой прекрасной способности, и вот, самочка нашего снегиря составляет одно из таких счастливых исключений.

После всего сказанного о голосе и песне снегиря, может быть странным покажется, что эта птичка является одной из самых переимчивых и способных к заучиванию и высвистыванию различных мотивов и песенок. Ни одна из прочих наших птиц, ни даже знаменитый искусник в этом отношении — скворец, не способны так чисто, аккуратно, верно и красиво насвистывать заученную мелодию, а иногда даже два и три разных мотива, как это делает снегирь, и не только самец, но и самочка (последняя, впрочем, немножко похуже). Мне привелось однажды слышать ученого снегиря, свиставшего военную «зорю»: это была такая прелесть, что нельзя было досыта послушаться. Для обучения берутся молодые снегири, прямо из гнезда, прежде чем они выучатся еще летать. Главными условиями для достижения успеха в таком обучении являются, во-первых, огромное терпение, а во-вто-

рых, умение чисто и хорошо свистать избранную для обучения мелодию, постоянно в одном и том же тоне, что очень нелегко и далеко не всякому дается. Большинство молодых снегирей довольно скоро и хорошо заучивают мотивы, но попадают иногда и малоспособные, которые путают и скоро забывают выученное; с такими не стоит долго возиться: открыл окно, да и — с богом!

Снегирь водится почти по всей Европе. В Европейской России он встречается от Кольского полуострова до Кавказа. В южных наших губерниях эта птичка встречается только в качестве зимнего гостя, в средней же и северной России снегирь водится круглый год, проводя лето в тенистых лесах, а на зиму приближается к человеческим жилищам, от которых, с наступлением весны, снова откочевывает в леса, где и гнездится. Впрочем, изредка, гнездящиеся парочки снегирей встречаются и в больших тенистых садах и парках.

Возвратившись, с наступлением весны, в свои родные леса, снегيري вскоре приступают к постройке гнезд. Гнездо помещается на дереве, обыкновенно невысоко над землей (от 1,2 до 2 сажен) ¹, и состоит снаружи из искусно свитых, тонких, сухих прутиков, а внутри выложено мягким древесным мхом, шерстью, волосом и нежными листиками лесных трав. В мае месяце, в гнезде можно найти уже 4—6 сравнительно маленьких, бледно-зеленоватых или зеленовато-голубых яичек, испещренных лиловатыми, черными и красно-бурыми крапинками, пятнышками и жилками. Выкармливаются снегирята преимущественно мягкими и незрелыми семенами различных растений, более жесткие семена размягчаются предварительно в зобу родителей.

По вылете из гнезда молодые еще долгое время остаются под надзором стариков.

Осенью снегيري сбиваются в небольшие стайки и с наступлением зимы, как было уже упомянуто, приближаются к человеческим жилищам. Здесь они кормятся ягодами рябины и другими древесными семенами, уцелевшими от клюва других птиц, не решающихся слишком приближаться к жилью человека. В начале

зимы у нас можно видеть, преимущественно, стайки одних только красногрудых самцов, во второй же половине зимы к ним подмешиваются также и самочки.

Отличительными чертами характера снегиря являются его большая доверчивость и добродушие. К поющему на дереве снегирю можно подойти довольно близко, не причиняя ему этим особенного беспокойства. Впрочем, нужно заметить, что в тех местностях, где снегирь подвергается гонению со стороны человека, он скоро начинает узнавать своего врага и, вместо доверчивости, выказывает уже осторожность, так что совершенно напрасно полагают, будто снегирь глупая птица, как об этом, например, говорится в одной сказке:

«Были тут чечетки — воробышкам тетки,
Были тут снегурочки — красненькие дурочки...»

Совсем нет: добродушная доверчивость вовсе не служит непременно признаком глупости.

К весьма симпатичным чертам характера снегиря относится также большая его привязанность к другим снегирям, товарищам по стайке. Если один из членов стайки будет, например, убит из ружья, то остальные долго печалются о потерянном брате, выражая это своими грустными, тревожными свистами, и долго не решаются покинуть то место, на котором погиб их товарищ.

Полет у снегиря легкий и красивый, волнообразными линиями. По земле он скачет короткими прыжками, довольно неуклюже. Спугнутого с земли снегиря легко узнать даже издали, благодаря его белому, как снег, надхвостью, которое при полете «сверкает» на темном фоне земли или деревьев.

Пищу снегиря составляют, главным образом, семена различных трав, деревьев и кустарников, а также зернышки различных ягод, в особенности рябиновых. Самой мякоти ягод он не ест, а вылущивает только из нее зернышки. Зимой, в тех местах, где растет рябина, всегда можно узнать о хозяйничаньи снегирей — по множеству разбросанных по снегу, в растерзанном виде, ягод рябины. Кроме того, говорят, что снегирь имеет также весьма непохвальную склонность лакомиться распус-

кающимися древесными почками фруктовых деревьев, вследствие чего он может являться иногда неприятным гостем в фруктовых садах. Некоторые ученые птицеведы ставят это нашей милой птичке в большую вину, равно как и поедание семян лесных деревьев, и потому причисляют снегиря к числу вредных птиц. Но вряд ли это справедливо, по крайней мере, я с этим никак не могу согласиться. Во-первых, снегирь никогда не является в настолько значительном количестве, чтобы наносить большие изъяды фруктовым садам; да и к тому же, в большинстве случаев, ко времени распускания фруктовых почек он удаляется уже в леса, на гнездовье, и лишь в исключительные годы попадают в садах запоздалые стайки снегирей, в то время, когда распускаются фруктовые деревья. Во-вторых, неужели можно серьезно ставить в счет нашим милым снегуркам поедание ими лесных древесных семян, количество которых, конечно, совершенно ничтожно в сравнении с тем немощным количеством семян, которое урождается ежегодно в наших обширных лесах? Наконец, в-третьих, ведь чего-нибудь да стоят красота и милый нрав этой птички, украшающей нашу однообразную и осиротелую природу во время долгих зимних месяцев. Пускай нельзя назвать снегиря птицей полезной, но и причислять его к вредным — будет также несправедливо.

В неволе снегирь очень легко приручается, выказывает необычайную привязанность к своему хозяину, и вообще становится премилой комнатной птичкой. Его, без особенного труда, можно скоро приучить вылетать и снова возвращаться в клетку, садиться на палец и т. п. Только, к сожалению, снегирь теряет в комнате свою главную красу — красный цвет перьев. Впрочем, иногда при этом птица чернеет, что также выходит в своем роде красиво.

Кормить комнатных снегирей следует мешаным семянем (льняное, канареечное, овсяное, торица, мак и др. с небольшою примесью конопли), прибавляя, когда это возможно, можжевеловых, рябиновых и других ягод.

Изредка встречаются снегيري белоголовые, белокрылые и, наконец, как большая редкость, совсем белые.

ЖАВОРОНКИ

ПОЛЕВОЙ ЖАВОРОНОК

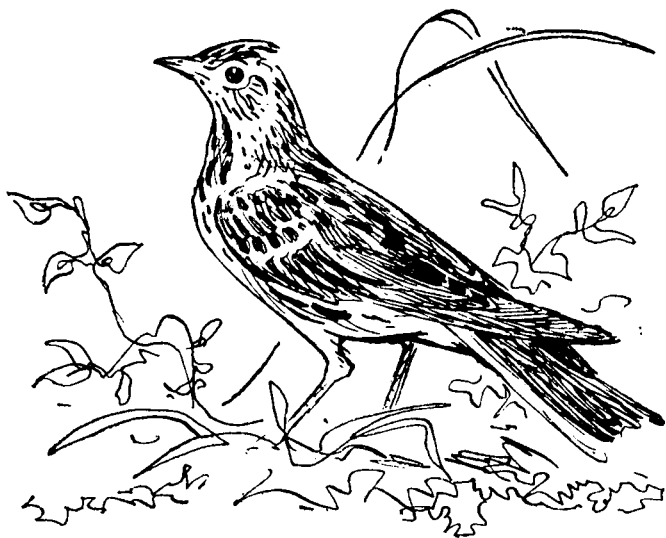
На солнце темный лес зардел,
В долине пар белеет тонкий,
И песню раннюю запел,
В лазури жаворонок звонкий.
Он голосисто с вышины
Поет, на солнышке сверкая:
«Весна идет к нам молодая!
Я здесь пою приход весны...»

В. Жуковский

Так переводит поэт на понятную для нас речь серебристо-переливчатую песню воздушного певца полей.

«Я здесь пою приход весны...»

как это прекрасно и верно сказано! Действительно, это она — «могущественная волшебница» — вложила в крошечную душу пернатого певца светлые звуки очаровательной песни и выслала его вперед — возвестить о своем приближении... Всем эта песня радостна, всем мила песня жаворонка, все любят этого пернатого вестника, — любят, нередко, даже не зная его, а лишь понаслышке... А между тем с ним так нетрудно познакомиться. Стоит только выйти, в весеннее утро, или в тихий весенний вечер, на поле и немножко прислушаться: со всех сторон станут долетать до слуха переливчатые песни воздушных певцов — жаворонков. Одни кончают, другие начинают. Иногда кажется, словно весь воздух поет — так наполняют его своими песнями десятки одновременно поющих жаворонков. Всмотритесь попристальнее в вышину, по направлению к ближайшей песне, и вы наверное вскоре откроете, как бы висящую и слегка колеблющуюся, темную точку. Имейте несколько терпения и последите за этой точкой: через несколько минут она начнет медленно опускаться. Песня слышится все явственнее и громче — единственная в своем роде песня: светлая, серебристая, непрерывно переливающаяся на всевозможные лады, поющая без передышки и остановки, в течение многих и многих минут кряду. Видимо, певец сам безгранично наслаждается своей пес-

ней и словно не может с нею расстаться... Но, наконец, нужно же маленькому существу перевести дух и дать некоторый отдых крылышкам, и вот песня сразу обрывается, крылышки складываются, и птичка словно камень падает, слегка в косом направлении, на землю. В последний момент падения крылышки снова раскрываются, делают несколько взмахов, и, пропорхнув некоторое расстояние над самой поверхностью земли, жаворонок садится на землю, нередко всего в нескольких шагах от вас, или от того места, с которого он незадолго перед тем поднялся, с песнею, на воздух. Таким образом, и рассмотреть вблизи жаворонка также нетрудно. Это небольшая, но и не очень маленькая птичка, с весьма скромной окраской. В общем, с некоторого расстояния, она представляется буровато-серой, с небольшой пестриной, при рассмотрении же ее вблизи, она является, при общем желтовато-сером тоне, сверху окрашенную в бледный красновато-бурый цвет, снизу же в беловатый, с темными пятнышками и черточками. На ножках у жаворонка, на заднем пальце, ноготь вытянут в длинный, острый, почти прямой шпорец, а не изогнут крючком, как у большинства птиц. На передних

пальцах ногти очень короткие и слабо изогнутые. Благодаря такому устройству ногтей, жаворонку очень удобно бегать по земле, но зато неудобно садиться на деревья, так как трудно держаться на ветке. Вот почему вы никогда не увидите жаворонка на дереве. Изредка его можно увидеть сидящим на полевом заборе, а также на плоском зонтике какого-нибудь крупного зонтичного растения. Обыкновенно же он сидит на земле или, еще охотнее, на кочке, с которой нередко и распевает свои утренние и вечерние песни.

От самого крайнего севера до Крыма и Кавказа, везде, где только есть равнины с обработанными полями, водится и полевой жаворонок.

Едва природа начнет пробуждаться из своего зимнего оцепенения, едва зачернеют на полях первые проталины,— начинается и прилет жаворонков, проводивших зиму в более гостеприимных южных странах. С песнями возвращаются птички на свою родину и спускаются на проталины, где находят для себя корм — зерна и семена разных прошлогодних трав.

Весело встречать весной первых жаворонков. Выйдешь утром на поле, остановишься и превратишься весь в слух — не донесется ли откуда-нибудь трель долгожданного, дорогого гостя... От времени до времени слышатся далекие свистки железной дороги... На ближнем огороде галдит немилосердно стая воробьев... «Крук-крук» — медленно протянула над головой пара воронов, слегка свистя крыльями. На вершине молодой березки, при дороге, потихоньку налаживает свою короткую песенку желтоголовая овсяночка... На несколько секунд водворяется тишина, и только ветерок шумит по ушам. Поворачиваешься к нему боком — так меньше шумит... Чу! никак там, вдали... словно будто с того края поля донесся отрывок трели... Так сердце и ёкнуло. Устремляешь в ту сторону весь свой слух... «Гал-ка, гал-ка, карр, карр»... — целая стая воронья с шумом пронесется над головой. Слава богу, пролетела... и в наступившей снова тишине теперь уже ясно слышится приближающаяся песня: «тирлирлирлирлююю-тирлирлирлирлююю» — разливается по влажному весеннему воздуху широкая песня, и в то же самое время, вдруг, над самой головой, зазвучала другая такая же песня — громкая, свежая, серебряная... И рука неволь-

но поднимается к шляпе, глаза любовно следят за плавно пролетающим вверху певцом, а губы сами собою нашептывают приветствие: «здравствуй, милая, хорошая, долгожданная птичка!..»

И как вдруг все переменяется вокруг! Словно стали это и не те поля, и не те деревья, и не тот воздух: словно все это было несколько минут назад мертво, безжизненно, а теперь вдруг ожило, одухотворилось. Были будни, и вдруг стал праздник. На душе просветлело, на сердце повеселело, и бодро спешишь домой — легко несут ноги — спешишь поделиться с близкими сердцу радостной вестью: «жаворонки прилетели!»..

Да, много чудных минут дарит природа тому, кто подходит к ней с открытым сердцем и раскрытыми глазами и ушами... А как мало еще между нами (людьми образованными) способных воспринимать эти дорогие дары...

Прилет жаворонков длится одну-две недели, смотря по весне: в холодную погоду — долее, в теплую же заканчивается скорее. Летят они преимущественно по утрам, часов до 11—12 дня, и в это время повсюду можно услышать песни прилетающих жаворонков, — даже над лесом, и над городом, где в прочее время года никогда не услышишь эту птицу.

Вскоре по прилете, соединившись в парочки, жаворонки приступают к гнездовым делам. Гнездо устраивается обыкновенно на земле (в бороздах, между кочками, в траве) из соломинок, тонких корешков, сухой травы и выстилается внутри конскими волосами. В гнездо кладется 4—5 грязновато-белых, испещренных серовато-коричневыми пятнышками и точечками, яицек, которые высиживаются в течение 14 дней. Вышедшие по истечении этого срока птенчики выкармливаются насекомыми, они скоро подрастают и оставляют гнездо раньше, чем выучатся летать, — как только окрепнут на ногах. Когда птенцы первого вывода научатся сами доставать себе корм, тогда старики оставляют их и принимаются за второй вывод, за которым иногда (на юге) следует еще и третий. Во все время вывода птенцов, жаворонок-самец прилежно поет, причем, весною и в начале лета, песни его раздаются почти весь день, от зари и до зари, впоследствии же он поет преимущественно по утрам и вечерам. С Петрова дня пенне жаворонков

начинает заметно ослабевать, а около половины июля и вовсе прекращается. Впрочем, в тихие, ясные и теплые дни первых чисел сентября — в так называемое «бабье лето» — когда наступает пора отлета на юг, нередко снова можно услышать поющего над полем жаворонка. Но эти осенние прощальные песни уже далеко не то, что весенние!

Отлет жаворонков идет весьма медленно. Он длится обыкновенно почти весь сентябрь и значительную часть октября. Эти птицы не забираются слишком далеко на юг: конечными пунктами зимнего странствования наших жаворонков служат южные окраины Европы. За море они не улетают.

Жаворонок преимущественно птица зерноядная, на что уже указывает его крепкий короткий клюв. Весной, осенью и зимой эта птичка кормится различными мучнистыми семенами, преимущественно от разных сорных трав (маслянистые семена, как например, конопляное и льняное, берет неохотно); летом же пищу его составляют различные насекомые (преимущественно гусеницы и личинки), так как семян в это время года не достать: прошлогодние прикончились, а свежие еще не созрели.

Несмотря на многочисленных врагов (кошки, лисы, ласки, хищные птицы и др.), численность жаворонков, в противоположность многим другим птицам, с годами не уменьшается, а увеличивается, так как с каждым годом увеличивается площадь возделываемых полей, составляющих место обитания этих птиц. И этому, конечно, можно только радоваться, так как, помимо доставляемого нам удовольствия пением, жаворонок является еще и весьма полезной для сельского хозяина птицей, уничтожая множество семян сорных трав и обирая с полей немалое количество насекомых.

Как прекрасный певец, жаворонок очень часто содержится в клетках. Клетка для этой птицы должна быть с мягким верхом и лучше не круглая (или вернее, шестиугольная, какие обыкновенно продаются в птичьих лавках), а четырехугольная, с выдвижным дном, чтобы каждое утро удобно было его чистить и посыпать песком, который в летнее время нужно sprыскивать водой. Кормушки и водопойки должны быть снаружи (жаворонок в воде не купается, а только в песке). Жердочек никаких не надо, так как жаворонок по ним не скачет,

а бегают по полу. Взамен жердочек, на середину клетки нужно класть свитую из травы тумбочку, в вершок, примерно, вышины или же маленький кусочек свежего дерна с травой и от времени до времени его сменять. На такую тумбочку жаворонок любит вскакивать во время пения. Кормить его надо мешаным семенем с подмесью муравьиных яиц и тертой моркови с толчеными сухарями. При хорошем уходе жаворонок может прожить в клетке лет до 10. Запевать он начинает нередко уже около Рождества и поет ретиво почти до конца июля. Приручить жаворонка довольно трудно, в клетке он всегда остается довольно пугливым (такowymi были, по крайней мере, жившие у меня жаворонки).

В степях южной России, рядом с полевым жаворонком, но только не на обработанных полях, а напротив, на покрытых травой целинах, водится степной жаворонок.

СТЕПНОЙ ЖАВОРОНОК

Он покрупнее полевого, и при общей «жавороночной» окраске, имеет по бокам зоба два больших черных пятна, издали бросающиеся в глаза.

В особенно большом количестве встречал я этого жаворонка в приморских степях Крымского полуострова, близ Саки и Евпатории, а также в каменистой степи окрестностей Севастополя, где он вполне заменяет нашего полевого жаворонка, с которым ведет также и одинаковый образ жизни. И по характеру песни степной жаворонок схож с полевым, но что касается до силы и красоты пения, то он в этом отношении много превосходит полевого. Степной жаворонок такой великолепный певец, каких мало в пернатом царстве. Говорят, будто бы он мастерски умеет вплетать в свою песню голоса других птиц; мне этого не приходилось слышать. Те степные жаворонки, которых я слышал, пели песню, по складу совсем схожую с песнями наших жаворонков, но только несравненно более сильную и полновзвучную. Один поющий на заре в воздухе степной жаворонок покрывает своей великолепной песней большое пространство степи. В комнате, я думаю, его слушать даже невозможно — оглушит!

ХОХЛАТЫЙ ЖАВОРОНОК

Забавная птичка, с постоянно торчащим кверху хохлом, в общем очень сходная по окраске с полевым жаворонком, которого несколько превосходит величиной.

Посметюшка — одна из самых обыкновенных и общеизвестных птиц на юге России. Нет, кажется, такого хутора, на котором не водилась бы эта милая птичка. Расхаживая смело по двору, или разгуливая по крышам надворных строений (в особенности зимой), она невольно привлекает к себе общее внимание — своим оригинальным хохлатым видом.

Кроме южных губерний, хохлатый жаворонок водится также и в средней нашей полосе, но только там он не так многочислен и обыкновенен, как на юге. Изредка попадает даже под Петербургом.

Этот жаворонок почти повсюду, где только водится, принадлежит к числу оседлых птиц (на зиму не улетает). Держится он исключительно поблизости человеческих жилищ, близ которых и гнездится — где-нибудь на краю огорода, непосредственно на поверхности земли.

Пение посметюшки, сходное в общем характере с пением полевого жаворонка, уступает ему, однако, весьма значительно по своему достоинству: оно значительно беднее, не так связно и менее разнообразно, чем пение его полевого братца. Тем не менее пение хохлатого жаворонка слушается с большим удовольствием, в особенности самой ранней весной, в дни первого пробуждения природы, пока еще не возвратились из зимней отлучки его более богато одаренные братья — полевые и степные жаворонки.

ЛЕСНОЙ ЖАВОРОНОК, ИЛИ ЮЛА

«Полночь. Лишь вдали кричит ушастая сова. или козодой мурлычет свою ночную песню; только кое-какие жуки жужжат и со свистом пролетают мимо. Как вдруг поднимается с земли неутомимый лесной жаворонок, точно во сне, и поет громко и чисто среди тихой лесной ночи, переливается трелями и, побуждаемый наплывом любви и песен, взвивается к сверкающим звездам, как будто днем к солнцу; и сердце странника следует за ним туда, куда за ним уже не может следовать взор.

Нужно самому проходить в тихую полночь через такие пустынные места, нужно самому испытать на себе почти наводящее ужас спокойствие лесной глуши, чтобы понять силу, с которой эти милая птичка овладевает человеческим сердцем. Надолго остановишься, слушая его, и невольно подумаешь, что он нарочно поднялся, чтобы порадовать своею близостью одинокого, покинутого человека, чтобы приветствовать его дружескими устами, чтобы подкрепить и ободрить его».

Такими словами передает А. Е. Брем впечатление, производимое ночным пением лесного жаворонка. Мне самому не приводилось слышать песню этой птицы в ночное время, но по зарям и днем случалось наслаждаться ею неоднократно, и каждый раз она приводила меня положительно в восторг. Что-то необыкновенно чарующее есть в этих мягких, нежных флейтовых звуках — «юли-юли-юли-юли... юля-юля-юля-юля... юлю-юлю-юлю-юлю...» и т. д., в разных тонах и переливах, то быстрее, то медленнее. При этом певец трепещется обыкновенно высоко в воздухе, совершенно так же, как это делает и обыкновенный полевой жаворонок.

По наружному виду юла очень похожа на полевого жаворонка — такая же пестрая, буровато-серая, отличается же от него широкой светлой полосой, проходящей над обоими глазами и огибающей кругом верхнюю часть головки. Также и ростом юла немножко меньше своего полевого брата.

Водится лесной жаворонок во всей России, за исключением лишь крайнего севера. На Кавказе встречается изредка — осенью и зимой. В горной части Крыма живет в небольшом числе оседло. Он никогда не встречается в большом количестве, так как вообще малочислен. Любимое местопребывание этой птицы составляют сосновые боры, с горями и вырубками, поросшими вереском. Там можно любоваться лесным жаворонком, бегающим маленькими шажками, с выставленною вперед грудкою и слегка приподнятым кверху хохолком. Заметив врага, он тотчас же припадает в какое-нибудь маленькое углубление на поверхности земли, тогда его очень трудно отыскать глазами. Нередко он садится также на выдающиеся крупные сучья или на вершины деревьев, на которых нередко остается сидеть и во время пения. На тонкие ветки юла тоже не может садиться, потому что и у нее

ноготь заднего пальца вытянут в прямой почти шпорец.

Лесной жаворонок чрезвычайно милая птичка, быстрая и ловкая во всех своих движениях, но очень пугливая и осторожная, впрочем, она делается пугливой, лишь испытав многократные преследования.

Кормится юла преимущественно насекомыми, а также и семенами. То и другое она собирает с поверхности земли.

Весной лесной жаворонок прилетает к нам из южных стран, в которых проводит зиму, очень рано — почти одновременно с полевыми жаворонками (под Петербургом — во второй половине марта). Ко времени распускания почек на березе, у него готово уже гнездышко, помещаемое в каком-нибудь кустике травы или вереска. Самочка кладет 4—5 яицек, испещренных, по беловатому фону, серыми или бурыми точечками и пятнышками. Она высиживает их одна, самчик же в это время ее кормит.

Птенцы выкармливаются исключительно насекомыми и вскоре по вылете из гнезда предоставляются самим себе, старые же, обыкновенно, приступают затем ко второму выводу.

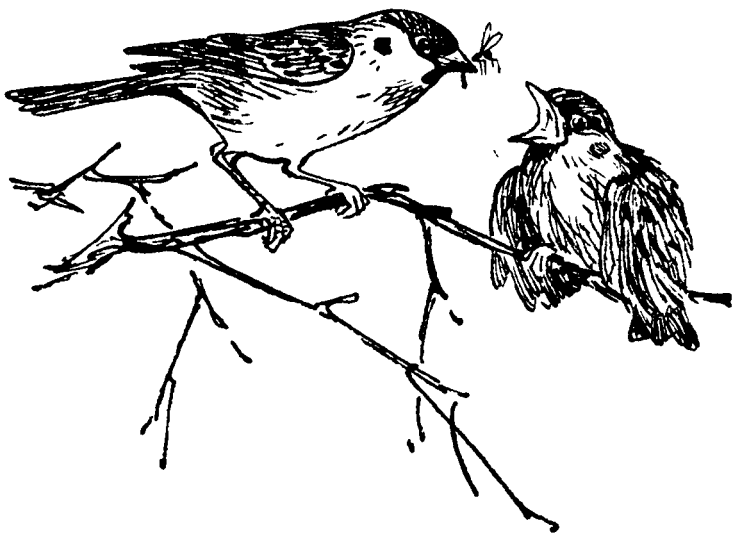
Осенью лесные жаворонки соединяются в небольшие стайки (штук до 10—12) и покидают нас довольно поздно (в сентябре—октябре), отлетая на зиму на юг.

Хозяйственного значения, в смысле приносимой пользы, эта птичка почти не имеет, вследствие своей малочисленности. Украшает же она лес своим прекрасным пением чрезвычайно, тем более, что в тех участках леса, которые обитает лесной жаворонок, водятся вообще мало птиц, хороших же пернатых певцов по таким местам и вовсе почти не встречается.

Юлу держат часто в клетках за ее пение. Все, что было сказано относительно содержания в клетке полевого жаворонка, одинаково относится и к юле. Следует только заметить, что эта птичка не так вынослива в клетке, как полевой жаворонок, и редко выживает более 3—4 лет.

ВОРОБЬИ

От Архангельска до Крыма и Кавказа, повсюду во всей России, водятся два вида воробьев: домашний и полевой. Оба эти вида довольно существенно отличаются

друг от друга и почти одинаково многочисленны и обыкновенны. Домашний воробей особенно многочислен и обыкновенен в городах, полевой же — в деревнях, селах и пригородах.

Я уверен, что многие, прочтя эти строки, подумают: «Вот тебе и раз! Уж какую другую птицу, а воробья-то, казалось, я твердо знал, и вдруг, извольте видеть — полевой и домашний!...».

Да-с, многоуважаемый читатель, хотя мне и очень жаль, что я смутил вашу твердую уверенность в знании воробья, но тем не менее — «лучше поздно, чем никогда»...

...Уметь различать обоих наших воробьев следует не потому только, что это интересно и что как-то совестно образованному человеку не уметь различать самых близких к нему птиц, — но и потому, что это умение имеет также и некоторое практическое значение. Достаточно будет, например, сказать, что один из наших воробьев, а именно домашний, большой лакомка до ягодных плодов и семенных всходов, другой же — полевой — почти не трогает ни тех, ни других.

Для того, чтобы научить отличать домашнего воробья от полевого и наоборот, я не стану вдаваться в тонкости

описания пернатой одежды того и другого, а укажу лишь на те самые характерные приметы, по которым я, при самом беглом взгляде, тотчас же узнаю, какой воробей, находится передо мною: если у моего воробья имеется по резко очерченному черному пятну на каждой из белых щек и вокруг шеи белый ошейничек, то значит — это воробей полевой. Будет ли это самчик или самочка — трудно сказать, так как у полевого воробья самец и самка окрашены почти одинаково (у последней только черное пятно на щеке несколько меньшей величины). Затем, полевой воробей немного поменьше ростом и поскладнее домашнего. Вообще он представляет собою, так сказать, несколько уменьшенное и более изящное издание домашнего воробья-самца, с которым окрашен очень сходно: у обоих те же цвета в оперении (белый, серый, черный и коричневый), распределенные почти одинаково. Что же касается до самочки домашнего воробья, то она, в общем, можно сказать, вся серая, с некоторой пестриной и светлой полоской через глаз (вроде брови). Итак, следовательно, если вы видите перед собой воробья в общем серого, без резких отметин — это будет самочка домашнего воробья; если перед вами пестрый воробей с черными пятнами на белых щеках и белым ошейником, то это будет полевой воробей (самчик или самочка); если же пестрый, с гладкими белыми щеками и без белого ошейника — то это самец домашнего воробья. Еще: если на крыле две светлых поперечных полоски — полевой воробей; если одна — домашний.

При первом же удобном случае присмотритесь и увидите, как просто и нетрудно выучиться различать наших воробьев, и как вам будет приятно этого достигнуть. Со временем вы найдете и другие, более мелкие отличительные признаки домашнего и полевого воробья (как, например, буровато-серую шапочку на голове у первого и красно-бурю — у второго, отчего полевого воробья иногда называют также и красноголовым). Но я не стану более утомлять вас перечислением этих мелких признаков, а перейду к описанию характера и образа жизни этих неразлучных пернатых спутников человека. При этом речь поведется об обоих воробьях совместно, так как они имеют слишком много общего между собою; местами же, где это будет нужно, будем их различать и делать сравнения.

С незапамятных времен сопутствуя всюду человеку и живя с ним, может быть, уже многие тысячелетия — что называется, бок-о-бок, — воробей естественно должен был отразить на своем характере влияние столь близких отношений к умному, но в то же время и весьма коварному «царю природы». Это — птица необычайно тонкого ума, в высшей степени наблюдательная и сообразительная. Почти ручная и домашняя — с одной стороны, с другой — строгая и дикая в такой степени, что редко какую птицу так трудно изловить в какие бы то ни было ловушки, как воробья. Недаром и в пословице говорится, что «старого воробья на мякине не проведешь». Если же как-нибудь и удастся его поймать, то очень трудно приучить к клетке и заставить примириться с нею. Впрочем, молодой воробышек, взятый из гнезда в то время, когда у него над ушами торчит еще пушок, приручается очень легко и сильно привязывается к своему хозяину.

Также весьма характерной чертой воробья являются его наглость и нахальство, соединенные в то же время с необычайною осторожностью и осмотрительностью. Нужно видеть, например, домашнюю воробиху, когда она скачет по накрытому на балконе обеденному столу, с целью набить себе зоб кусочками хлеба, сыра и пр., чтобы снести все это своим птенчикам: — скачет, а сама глаз не сводит с человека, смирно сидящего на том же балконе и следящего за нею глазами. Какой лукавый, проницательный у нее взгляд! Кажется, в глазах у тебя читает, какие такие твои намерения.

Весьма характерна также для воробья его чрезвычайная болтливость. Нет другой птицы, которая столько бы шумела, как воробей. Кричать, ссориться, горланить из-за всякой безделицы — без этого воробью никак невозможно. Даже молодые птенцы в гнезде и те почти целый день пищат, в противоположность птенцам других птиц, которые в гнезде обыкновенно держатся весьма молчаливо. Ссоры у воробьев особенно часты и шумны ранней весной, когда начинается разбивка зимних стай на парочки и оспаривание мест для гнездовья. Господи, что тут только творится! Шум, крик, гам, гоньба — штук по пяти-шести друг за дружкой — драки, хватанье друг друга за шиворот и пр. Иногда вся ссорящаяся на дереве компания комком летит с невероятным гамом на землю, где ссора обыкновенно и оканчивается жестокой

взаимной потасовкой, после которой буяны разлетаются в разные стороны, с тем, чтобы через некоторое время снова затеять ссору на другом месте.

За исключением самого крайнего севера Европейской и Азиатской России, воробей повсюду является птицей оседлой, т. е. круглый год держится на одном и том же месте, предпринимая только ежедневные вылеты в окрестные поля, огороды, конопляники, на ночь же всегда возвращается домой, во двор, на котором гнездится.

Полевой воробей большею частью откочевывает весной в речные долины, поля, рощи, гнездится в дуплистых деревьях, или под крышами полевых построек, где и проводит все лето и осень. С наступлением же зимы прикочевывает, с прибылыми молодыми, к человеческим жилищам — в селения, деревни, к окраинам городов, где и держится всю зиму, прикармливаясь около человека. В больших городах полевой воробей почти не встречается, за исключением только обширных садов, где его можно иногда встретить рядом с домашним воробьем. Итак, сельские и пригородные жители могут часто, в особенности зимою, наблюдать совместно оба вида воробьев, городским же жителям приходится большею частью иметь дело с одним лишь домашним воробьем.

Насчет воробьиного голоса вряд ли нужно особенно распространяться. Кто не знает этих неугомонных «чивчив» («жив-жив!»), «чим-чим», «теререре» и тому подобных воробьиных звуков. Впрочем, и к этим мало музыкальным звукам ухо прислушивается, даже с некоторым удовольствием, в ясные февральские дни, когда начинающее уже пригревать солнышко распускает в капли залежавшийся снег на крышах и в то же время будит в маленьких воробьиных головках смутные грезы о будущем празднике весны. В марте же и апреле — в самый разгар гнездованья — от господина воробья можно услышать даже нечто вроде небольшой трельки, звучащей довольно недурно и имеющей некоторое, правда весьма отдаленное, сходство с отрывком трели жаворонка; собственно же пения — настоящего пения — у воробья не имеется, а есть только торопливое, несуразное «чирикание» да «чимканье». У полевого воробья, соответственно его более изящной внешности, и голос звучит нежнее — не так жесток и груб, как у домашнего;

а призывный его звук — когда, например, полевой воробей, отставший от своей стаи, призывает ее, сидя на вершине высокого дерева — так этот звук даже совсем почти не имеет воробьиного характера, а скорее похож на призывный крик щегла.

Оба воробья как полевой, так и домашний, начинают весной очень рано вить гнезда, когда не только еще безрезка не начинала зеленеть, но и травка-то еще на припечных местах не показывалась. Гнездо домашнего воробья помещается, обыкновенно, закрыто: под крышей, за карнизами окон и домов, под отставшей обшивкой домовых стен и т. п., а также в дуплах деревьев, в ласточкиных гнездах, скворечницах и разных других укромных уголках, безопасных от посещения домашней кошки — злейшего врага домашнего воробья. Воробьиное гнездо представляет собою, обыкновенно, грубую, неукусную постройку — кучку разного натасканного отовсюду хлама: соломинок, мочалок, сухих травинок, перышек, тряпочек и т. п. Среди этой кучки обмято и выкружено небольшое углубление, слегка высланное перышками и конскими волосами.

Полевой воробей также помещает свое гнездо всегда закрыто, по преимуществу в древесных дуплах. Он охотно гнездится также в домиках, поставленных по деревьям: для синиц, скворцов, мухоловок и других дуплогнезdnиков.

Выкармливание птенцов производится почти исключительно насекомыми — преимущественно гусеницами бабочек и личинками мух и жуков. Той же самой пищей кормятся в это время и старики.

По вылете молодых из гнезда, старики в течение 8—10 дней держатся при них, продолжая их прилежно выкармливать, а затем приступают ко второму выводу. За вторым выводом почти обыкновенно следует еще и третий, иногда же, на юге, даже и четвертый. Таким образом, пара воробьев производит в течение лета весьма многочисленное потомство.

Молоденькие воробышки-подлетки являются чрезвычайно милыми и симпатичными созданиями; можно подолгу любоваться на них в саду или на дворе, когда они выкармливаются стариками. Вот скачет большими прыжками по усыпанной песком садовой дорожке старая воробья с озабоченным видом, стройно вытянувшись

и высоко неся свою головку. Вокруг нее — справа, слева и сзади — то прыжочками, то припархивая, поспешает с беспрестанным «чивканьем» ее пухлая, желторотая детвора. Едва успела почтенная «мамаша» ловким движением поймать пролетавшего мимо мотылька, как уже она атакована своими неотступными детками, которые с распушенными трясущимися крылышками и широко раскрытыми желтыми ротиками с криком осаждают ее со всех сторон, пока злосчастный мотылек не исчезнет безвозвратно в горлышке которого-нибудь счастливца.

Где много гнездится воробьев, там обыкновенно молодые разных гнезд соединяются в общие стайки. Рассядется такая стайка по кустам, вдоль садовой дорожки, под присмотром какого-нибудь старого воробья, и чирикает себе беззаботно и весело. Остальные же старики промышляют для своей детворы корм. То и дело подлетает то один, то другой из них, неся в клюве что-нибудь съестное для своих деток. Старый же воробей-гувернер находится безотлучно на своем дежурстве и, сидя на какой-нибудь выдающейся ветке, внимательным глазом следит по сторонам, чтобы вовремя предупредить вверенных его охране воробьев об угрожающей опасности. Завидев, например, приближающегося ястреба, он тотчас издает тревожное «чрр...», и все воробьята, беззаботно чирикавшие на ветках и прыгавшие по дорожкам, сразу умолкают, стремглав бросаются в чащу кустов, где и остаются, пока не минует опасность.

К началу осени, когда уже закончатся все хлопоты по выводу детей, воробьи сбиваются в общие, иногда весьма большие стаи, в которых и держатся всю зиму, вблизи человеческих жилищ, до наступления весны.

В заключение нам остается еще рассмотреть весьма существенный и практически важный вопрос: вредная птица воробей или полезная?

Если бы мне пришлось на этот вопрос дать ответ, что воробей — птица вредная, то больше и нечего было бы особенно распространяться, так как большинство читателей, вероятно, легко согласилось бы с таким приговором и не потребовало бы от меня особых доказательств. Сказано — «вор-воробей». Все и всегда его так называют и называли; даже в песнях, пословицах и поговорках его величают вором, значит верно, что вор, а уж какой пользы ожидать от заведомого вора! Но так как я хочу утвер-

ждать как раз противное, а именно, что воробьи, как домашние, так и полевые, хотя в известном смысле и воры, тем не менее птицы полезные, то я не могу здесь ограничиться парюю слов, а должен несколько распространиться.

— «Как хотите, но я с этим не согласен» (т. е., что воробей — вор и туняец), — говорит профессор М. Н. Богданов (в своей прекрасной книге «Мирские Захребетники»). «Воробей — честный работник; он исправно трудится на своего хозяина; он приносит ему много пользы, и за это-то его гонят везде, бранят вором и не любят. Виноват ли он, что его труды не хотят ценить и что его вынуждают воровать? Да он и не ворует, а берет только свое».

Рассказав далее, что воробей делает в лето три вывода птенцов и выкармливает их насекомыми, которыми и сам в это время питается, М. Н. Богданов говорит, что «с апреля по конец июля, или даже до начала августа, воробьи, волей-неволей, питаются не зернами, а гусеницами, личинками насекомых, жучками, бабочками, мушками, улитками. Сколько они съедят их сами, сколько перетаскают своим воробьятам!.. Судите же, как велико количество съеденных воробьем насекомых».

Чтоб оценить пользу, которую в течение весны и лета принесет нам воробей, нам надо посмотреть на наши огороды, сады, луга, цветники и узнать, что там делается. А не то спросим у огородника, отчего он принес такую скверную капусту, всю в дырочках? Кто изъел ее? Отчего такой червивый горох? Отчего перепорчены все овощи, которые он принес нам? «Червяки, — говорит, — съели». Скажите же спасибо воробью. Если бы не он, у вас не было бы ни капусты, ни других овощей. Он каждый день внимательно осматривает грядки и с утра до вечера истребляет всех тех воров, которые едят овощи. Я знаю, вы тотчас вспомните обиды, причиненные вам воробьем. Вы скажете, что ваш огородник жаловался на воробьев. «Что ни посеешь — говорил старик, — все испортят. Как только выйдет росточек из земли, налетят, объедят, повыдергают, и сажай снова» (это правда: молодым росткам сильно достается от воробья и их надо прилежно оберегать от этого лакомки, — прибавляю от себя); но, когда растение укоренится, распустит листья, тут воробей уж не тронет его.

Приходит садовник: «надо,— говорит,— сетки надеть на вишни; воробьи одолели, все ягоды испортят». Ну, а это что такое? — спросите-ка его. Вот вишенка, не испорченная воробьем. Отчего на ней пятнышко? Откуда взялась гусеница внутри вишневой косточки? В том-то и дело! Воробей тут — не вор, а охранитель нашего добра. Он поедает молодые росточки главным образом потому, что находит на них насекомых, а если он соблазнится вкусной ягодкой вишни, то и мы с вами не утерпели бы, чтобы не съесть ее. Зато он на том же вишневом дереве переловит не одну сотню жучков и бабочек, мух, ос и других насекомых, которые прокалывают вишневые ягоды, чтобы положить туда яички. Из каждого такого яичка выйдет гусеница: она проточит вишневую косточку и начнет есть горькое зернышко, лежащее в ней. Ягодка захиреет, не вырастет как следует и не будет вкусна. Достаточно одной-двух бабочек или других насекомых, чтобы испортить ягоды на всем дереве. Вот полюбуйтесь: садовник прикрыл вишневое дерево сеткой. Не достать теперь воробью сладких вишен. Но разве сетка защитит от мелких бабочек, мух и жучков? Нет, и береженные вишни вышли хуже небереженных: столько между ними кривобоких, маленьких, невкусных, что хоть и не собирать их, так в ту же пору... Видите ли, как бы вы ни старались обвинять воробья в воровстве, учиненном им в течение весны и лета, а все-таки выйдет, что воровство это вам же полезно. И окажется на проверку, что не будь воробья, не пришлось бы вам есть многих вкусных овощей и фруктов.

Началась осень, воробей полетел на конопляники, и тогда он становится неузнаваем. Он вошел во вкус грабежа. Нет конопли — он летит на поля, где сложен хлеб, летит на гумно, на молотильные тока, порхает по дорогам, где возят снопы. Хлебное зерно стало его исключительной пищей. В течение всей осени воробей — сущий вор; но ведь он служил нам всю весну и лето верой и правдой; не жалейте же несколько горстей зерен, которые бы все равно потеряли бы при сборке хлеба: по полям, при перевозке снопов по дорогам, при сушке в овинах, при молотье, при пересыпке зерен из мешка в мешок. Воробей тут берет только то, что уже брошено, чего вы не можете поднять, что съедят другие птицы и звери... Воробей не только не вор, но птичка полезная и умная,

которую всякий благоразумный человек должен оберегать».

Вот что говорит наш известный знаток и тонкий наблюдатель птичьего мира, и я, на основании собственных моих многолетних наблюдений над жизнью воробьев, всецело и вполне к нему присоединяюсь. Главное, необходимо твердо помнить, что полезная насекомоядная деятельность воробья проходит обыкновенно мало замеченною. Ее знают и замечают только те, кто привык постоянно следить за птицами — их жизнью и времяпрепровождением. Когда же воробей клюет вишню или треплет колос на снопе, это легко бросается в глаза, это видят все и начинают кричать: «вор, вор, — вишню объедает, хлеб таскает! Бейте его, стреляйте...».

Наконец, относительно полевого воробья следует также помнить, что он, — как уже было упомянуто выше, — почти не трогает ни плодов, ни ростков, а потому и должен всегда быть желанным гостем в фруктовых садах и на огородах. Если он занимает иногда домики, расставленные по деревьям для скворцов и других дуплогнезdnиков, то его не следует оттуда выгонять.

Итак, в конце концов, оба наши воробья, — а в особенности полевой, — приносят больше пользы, чем вреда, а потому их должно охранять, а не преследовать.

ЧЕРНАЯ СЕМЬЯ

Здесь перед нами, на картинках птицы «черной семьи».

Некоторых из них вы, вероятно, легко узнаете: сорока, ворона, галка — старые знакомые и приятели, не правда ли? Кто их не знает? Кому они не известны с самого раннего детства? Ворон и грач — эти, пожалуй, меньше известны, так сказать, в лицо; понаслышке же и их, конечно, всякий знает.

Эта «черная семья» — названная так потому, что по окраске всех ее членов более или менее преобладает черный цвет — является одною из интереснейших семей пернатого царства.

Интересна для нас эта семья, во-первых, тем, что она стоит в очень близких отношениях к человеку: повсюду его сопровождает, селится около его жилищ и причиняет

ему подчас немало вреда, а с другой — как мы увидим — приносит и немалую пользу.

Во-вторых, эта семья интересна также и тем, что она принадлежит к числу наиболее богато одаренных от природы семейств птичьего мира (за исключением, впрочем, таланта пения, которым природа эту птичью семью совсем обидела).

К сожалению, некоторые члены «черной семьи» применяют свои прекрасные способности преимущественно к дурным делам (дурным, разумеется, с нашей, человеческой, точки зрения). Таковым, на первом месте, является старший, самый крупный член семьи — ворон.

ВОРОН

Весь черный, как смоль, с темно-синим, стальным отливом, величиною с курицу, ворон представляет собою весьма красивую, величественную птицу, с гордой, благородной осанкой. В особенности он красив, когда медленными шагами выступает по земле, или сидит на ней, высоко подняв голову и озираясь по сторонам своими умными и очень дальнзоркими глазами.

Ворон, несомненно, одна из умнейших наших птиц: он все предусмотрит, все исследует и никогда не попадет в просак, никогда не поддастся даже весьма тонко подстроенному обману. По хитрости, находчивости и ловкости в добывании пищи его можно сравнить с лисицей. Разумно и расчетливо овладевает он чужою собственностью, или обращает в пищу животных, по-видимому, защищенных от него самой природой. Так, например, он бросает с высоты на скалу раковины и маленьких черепах, чтобы разбить их крепкую оболочку и добраться до вкусного мяса. Он отлично умеет отличать невинного землепашца от старающегося казаться таким же невинным охотника, которого узнает во всякой одежде. В особенности ум ворона выказывается в неволе, в его способности выучиваться говорить и в разумном употреблении выученных слов, о чем речь будет еще впереди.

Ворон водится по всей России, от самого крайнего севера до южного берега Крыма и до Кавказа. Повсюду он является вполне оседлой птицей, т. е. проводит круглый год в одной и той же облюбованной им местности.

Любимыми местами пребывания ворона являются такие местности, где леса, поля, луга и воды чередуются между собою, доставляя этой птице обильную и разнообразную пищу. Кушает же он решительно все, что только мало-мальски съедобно.

Чуть забрезжит утро, ворон покидает место своего ночлега, которое обыкновенно находится в густой вершине какого-нибудь высокого, старого дерева, и начинает облетать свои владения. Быстро поднявшись на значительную высоту — выше расстояния, на которое может хватить ружейный выстрел, — ворон величественно летит, то медленно проплывая большое пространство без взмаха крыльями, то, сильно ими взмахивая, быстро пронесется по прямому направлению, причем нередко можно слышать свист его крыльев.

Во время полета, а также сидя, ворон нередко издает свой далеко слышный крик, звучащий вроде «крук» (почему в Белоруссии и в Польше ворона называют круком). Кроме этого крика, ворон издает иногда и другой, звучащий более кругло и звучно, вроде «клю-клю-клю».

Одиночкой летают преимущественно молодые вороны, не успевшие еще обзавестись подругой жизни. Старый ворон облетает свои владения одиночкой только тогда, когда ворониха его занята выводом птенцов; в другое же

время он всегда летает со своей подругой, с которой не расстается не только в течение круглого года, но и всю жизнь. (Большинство же прочих наших птиц, как известно, держатся парами только в весеннее и летнее время, остальное же время года живут врозь).

К выводу детей ворон приступает очень рано: в марте самка садится уже на гнездо, помещающееся обыкновенно где-нибудь внутри леса, на высоком старом дереве. Вылетевшие из гнезда воронята остаются при родителях все лето, до поздней осени, когда, сделавшись вполне взрослыми, разлетаются в разные стороны.

Изредка ворон гнездится также на высоких колокольнях и башнях городов и сел, в окрестностях которых он особенно часто посещает скотобойни, кожевенные и салотопенные заводы, где ему всегда есть чем поживиться.

Раньше было уже упомянуто, что ворон чрезвычайно умная птица. К сожалению, на воле, весь ум ворона направлен главным образом на дурные дела: он первоклассный вор и один из самых дерзких и кровожадных разбойников пернатого царства. От зайца до самой крошечной мыши, от глухаря до самой маленькой птички, никто не застрахован от нападений ворона, если только к тому представляется благоприятный случай. В особенности достается от него бедному зайцу, к мясу которого ворон особенно лаком, и редко когда удается «косому» унести свою шкурку целою от черного пернатого разбойника.

Для охоты на зайца вороны нередко соединяются парами, причем один старается выгнать зайца из его логовища, другой же перехватывает беглеца и останавливает его, хлопая крыльями у него перед глазами. Как только заяц остановится, на него тотчас же сыплются жестокие удары клювом в голову, и в то время, когда один ворон выклеивает ошеломленному животному глаза, другой уже потрошит живую еще добычу. Подобным же образом расправляется ворон с молодым ягненок, а иногда даже и со старым, обессиленным бараном. Яйца и птенцы всевозможных птиц уничтожаются вороном во множестве. Он таскает даже птенцов из гнезда орла, приняв при этом, конечно, все меры предосторожности, чтобы самому не попасться в острые когти царя птиц. Но еще более, кажется, чем всякого рода жив-

ность, привлекает ворона падаль; недаром говорит по-ловица: «где падаль, там и вороны». Можно только удивляться, как быстро открывает эта птица всякое падлое животное. Некоторые приписывают это необычайно тонкому обонянию, которым одарен ворон, другие же чрезвычайно острому его зрению; но, по всей вероятности, при разыскивании падали он пользуется как тем, так и другим. Завидев падаль, ворон обыкновенно приближается к ней очень осторожно: долго кружит в воздухе, тщательно осматривая окружающую местность, дабы убедиться, что нет никакой засады; затем он медленно, все кругами же, спускается на землю и садится всегда в некотором расстоянии от падали. Оглядевшись внимательно вокруг, ворон медленными, величественными шагами приближается к своей цели; затем останавливается, еще раз озирается кругом, пробует лакомую пищу — кусок, другой, снова тревожно оглядывается и прислушивается по всем направлениям, и, наконец, только тогда принимается за обед, когда вполне убедится в отсутствии всякой опасности. При малейшей тревоге — два, три прыжка по земле и — улетает.

Вследствие необычайной своей хищности и кровожадности, ворон является весьма вредной птицей. Если что ему и можно поставить в заслугу, так это разве то, что он немало содействует уничтожению разной падали и всяких других нечистот поблизости человеческих жилищ.

Взятый из гнезда молодой вороненок легко и скоро приручается. Его нетрудно прокормить, так как он ест все сколько-нибудь съедобное и выдерживает неволю очень хорошо. Вот что говорит о жизни ворона в неволе известный немецкий птицевед Брем: «Ворон легко привыкает к своему хозяину и скоро выучивается узнавать его не только по голосу, но и по походке. Он знает данное ему имя и откликается на него. Обыкновенно он, без подрезывания языка и без всякого усилия со стороны человека, выучивается говорить сперва свое имя, а потом и другие слова. У моего отца, — продолжает Брем, — был ворон по имени Яков. Он впоследствии бегал на свободе, по всему дому и двору, и вскоре после поимки начал учиться говорить. Он выучил слова с голоса отца, и до того верно подражал ему, что впоследствии люди часто бегали по дому, отыскивая моего отца, голос которого,

им казалось, они слышали. Сначала он стал внятно говорить слово «Яков», потом стал говорить: «Яков, поди сюда! А, вот идет Яков!». Потом он выучил имя «Рудольф», и как только, бывало, увидит того человека, которого звали этим именем, тотчас же начинал кричать «Рудольф, Рудольф!». Первая его попечительница называлась Вильгельминой. Принося ему утром первый корм, она обыкновенно приветствовала ворона словами: «Здравствуй, Яков». Он заучил эти слова — а впоследствии еще и другие — не только машинально, но, к большой досаде Вильгельмины, еще и делал из них практическое применение, например, по утрам, кричал: «Мина, вставай!». Другую горничную звали Кристель. Это трудное имя доставило ему много заботы; однако, он не успокоился, пока не выучил и его, и не стал будить также и эту горничную. Никто особенно не занимался им; он все выучивал сам и был неутомим, пока не достигал полного успеха. Он не только говорил, но также и подражал лаю и ворчанью часто дразнимой им собаки, воркованью голубей, кудахтанью кур и смеху детей. На дворе он корчил из себя важного повелителя и гонял кур и гусей. Для препровождения времени дразнил других животных, или играл разными вещами, которые иногда прятал, как делал постоянно и с остатками пищи. С домашним петухом вел великолепные поединки; отгонял кур от еды, и даже гуси и утки должны были уступать ему». Другой ворон, также живший у отца Брема, нападал даже на маленьких детей, убивал и съедал домашних кур, так что его пришлось уничтожить. Так вот какой интересной птицей является иногда ворон в неволе.

Существует поверье, будто ворон может прожить на свете сто лет и даже больше. Насколько это в самом деле верно, — трудно сказать; точных указаний на этот счет не имеется; несколько же десятков лет ворон живет наверное.

Своим черным «зловещим» видом ворон еще с незапамятных времен обратил на себя внимание человека и послужил предметом разных суеверий, сказок и пословиц у разных народов. Так, например, в то время, как араб чтит ворона как птицу священную, немецкий простолюдин считает его слугою нечистого, которому он приносит в ад души грешников. В нашем народе суще-

ствует про ворона также немало разных поверий. Так как ворон очень падок на всякие блестящие вещицы и таскает их нередко к себе в гнездо, причем ему иногда попадает в клюв и оброненная кем-нибудь серебряная монета, то это подало повод к басне, будто он прячет в свое гнездо деньги, которых нельзя видеть простыми глазами; кто же сумеет достать эти деньги, тот будет жить богачом. Однако, охотников на такую добычу бывает очень мало, из опасения, что с похитителем птица поступит очень гневно: «искоренит весь двор наносными болезнями...» И много подобных небылиц придумали про эту птицу.

Так вот каков наш ворон, и вот какая «черная» про него сложилась слава!

Немногим только разве «белее» слава, которую заслуживает, по-настоящему, и младшая сестрица ворона — сорока.

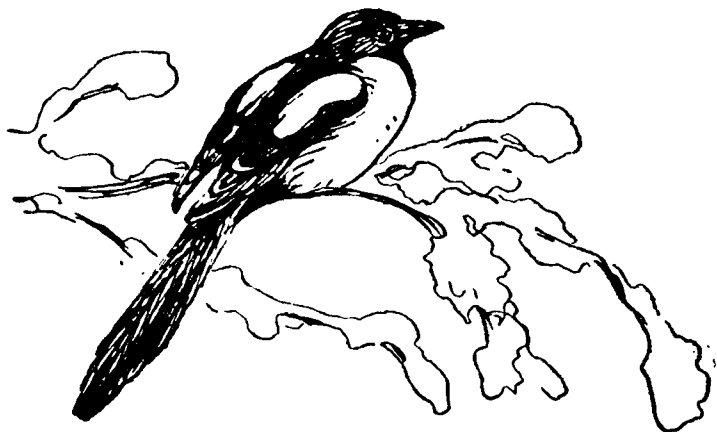
СОРОКА

Стрекотунья белобока,
Под калиткою моей
Скачет пестрая сорока
И пророчит мне гостей!

Так говорит про сороку Пушкин.

Гостей-то она, может быть, и пророчит, а может быть, и нет, но что она птица неблагонадежная, так это, к сожалению, верно. Впрочем, об этом еще речь впереди.

Наружность сороки, конечно, всем хорошо знакома, и старому, и малому,—если не в лицо, так, по крайней мере, по картинкам: нет, кажется, такой детской книжечки с картинками, в которой бы не имелось портрета «белобокой стрекотуньи». Однако, многие, не имевшие никогда случая держать в руках эту птицу — живую или убитую — и выдавшие ее лишь издали, да на нераскрашенных картинках, не знают, что крылья у нее, издали кажущиеся черными, в сущности зеленовато-синие, а хвост, который также издали кажется черным, на самом деле окрашен в темно-зеленый цвет, с красивым, металлическим отливом; такой же зеленоватый отлив замечается отчасти и на черных спине и голове. Вот почему многие затрудняются разгадать загадку: «бело, как

снег; черно, как жук; зелено, как лук; вертится, как бес, и повертка в лес».

Благодаря такой своей разнообразной окраске, сорока является одною из красивейших наших птиц. Красота сорочьих перьев доставляла ей, однако, весьма много неприятностей, благодаря моде на красивые перья для дамских шляпок.

Кроме красоты перьев, сорока и по всему своему складу представляет собою весьма красивое создание, в особенности, когда она прохаживается небольшими шажками, красиво неся свой длинный, приподнятый кверху хвост, и грациозно помахивая, при каждом шаге, своей хорошенькой головкой. Когда же она прыгает большими скачками по земле, то скорее является смешною, чем красивою: как-то странно видеть складную, хорошенькую фигурку, с длинным, нарядным «шлейфом», скачущую галопцем... Недаром про дурных танцоров говорят: «скачет, как сорока».

По своей высокой одаренности сорока вполне может быть поставлена рядом со своим старшим братом — вороном. Такая же она умная, хитрая, смышленная, осторожная и дальнзоркая. Это совершеннейшая лисица между пернатыми,— в гораздо большей еще степени, чем ворон. Точно так же, как и лисица, сорока, благодаря своему уму и лукавству, сумела снискать, если не любовь, то во всяком случае, благодушное отношение к себе со

стороны человека. Правда, сорока давно уже заслужила у всех народов прозвание «воровки», главным образом за свою страсть таскать блестящие вещицы, но это прозвание дается ей без всякой злобы. И действительно, больших убытков своим воровством блестящих вещей сорока нам не приносит; разве только если ее держать прирученную, на свободе, в комнатах, где она может подчас стащить и затерять ценную вещь.

Убытки же и очень большие она приносит человеку преимущественно косвенным путем, разбойничая насчет множества птиц, полезных для сельского и лесного хозяйства, садоводства и огородничества. В весенние месяцы сорока разоряет и уничтожает множество птичьих гнезд, разбивая и выпивая положенные в них яйца, а также немилосердно поедая выведенных уже птенцов. Одна пара сорок, поселившаяся поблизости богато населенного певчими птицами сада, в короткое время может уничтожить все пернатое население, и вместо милых голосов певчих птичек в опустелом саду скоро будет раздаваться одно только стрекотание сороки. Но сорока разбойничает не только в садах и лесах, под прикрытием древесных ветвей, она причиняет также немалый изъясн и среди птиц, вьющих свои гнезда в открытом поле, какковы, например, жаворонки, куропатки, перепела и др. Известны даже случаи нападения ее врасплох на юное население птичьего двора — на утят и цыплят; и так как на такие рискованные подвиги сорока решается только самым ранним утром, когда хозяева двора еще спят, то поэтому, обыкновенно, она и остается вне подозрения, а вина сваливается на какого-либо ночного хищника.

Правда, сорока как птица всеядная уничтожает также немало мышей, разных насекомых, их личинок и гусениц, червей, слизняков и разных других вредных и бесполезных тварей; но, так как вред, причиняемый ею уничтожением полезных животных, несомненно, превышает пользу, приносимую ею же уничтожением вредных тварей, то поэтому она и должна быть причислена к вредным птицам. Хотя и нельзя не признать, что сорока своей красивой подвижной фигуркой немало способствует украшению и оживлению нашей однообразной зимней природы.

Голос сороки, ее разнообразная и неугомонная болтовня, когда она благодушествует, а также ее

своеобразное стрекотанье при приближающейся опасности, не поддаются выражению словами, да мало кому, вероятно, не случалось слышать их самому. Болтовня сороки давно уже вошла в пословицы и поговорки у всех народов: «болтает, как сорока» — одно из часто встречающихся в обыденной речи сравнений для многоречивого человека. «Сорока скажет вороне, ворона борову, а боров всему городу», говорят про сплетников. Про вруна говорят: «не скажет он тебе, на чьей сороке изба сидела», и многое тому подобное.

Водится сорока в России решительно повсюду — от самого крайнего севера до Крыма и Кавказа. Везде она является оседлой птицей, причем весной и летом держится преимущественно по перелескам, на зиму же приближается к человеческим жилищам, около которых и остается до весны, нередко разгуливая на дворе со своими сестрами — воронами и галками. Больших городов избегает сорока, вероятно, потому, что она вообще очень пуглива и боится всякого шума. Эту же боязнь шума объясняется и известное поверье, что «сорока сокочит — гостей пророчит»; мирно разгуливающая по двору, среди деревенской тишины, сорока уже издали слышит стук колес приближающегося экипажа и, обеспокоенная этим шумом, начинает «сокотать» (стрекотать); а в экипаже нередко и в самом деле едут гости.

К выводу птенцов сорока весной приступает очень рано — уже в марте. Ее гнездо, свитое из тонких прутиков и выложенное внутри глиною, имеет еще ту особенность, что сверху оно нередко прикрыто довольно толстым слоем колючих веточек, и только сбоку, с одной стороны, оставлена свободная летка. Из этого можно видеть, что сорока, столь беспощадная относительно птенцов и других птиц, своих защищает весьма тщательно от взоров и нападения других хищников. Кроме того, она всегда чрезвычайно осторожно и бесшумно приближается к своему гнезду, а также и слетает с него, если в гнезде находятся уже яйца или птенцы. Вот почему, обыкновенно, так трудно бывает выследить сорочье гнездо, помещаемое к тому же большею частью высоко на дереве. Птенцов своих парочка сорок воспитывает с необычайною любовью и самоотверженностью, по вылете держит их при себе до поздней осени.

И сорока, подобно ворону, послужила предметом для разных суеверий, только иного характера. Так, у нас в народе очень распространено суеверие, что сорока в конюшне — все равно живая или мертвая — предохраняет от шалостей домового (который, будто бы, не прочь иногда побаловать ночью с лошадьми)... Вот почему нередко можно видеть висящую на дверях конюшни убитую «стрекотунью»... «Сорока под стреху лезет — к вьюге». «Сорока скачет на дому больного — к выздоровлению», и т. п. Немецкий простолюдин того мнения, что в сороке сидит душа колдуньи; она страшно жадна и скупа, почему так падка на все блестящее, которое и тащит к себе в гнездо. Ее длинный хвост — это метла, на которой летают ведьмы...

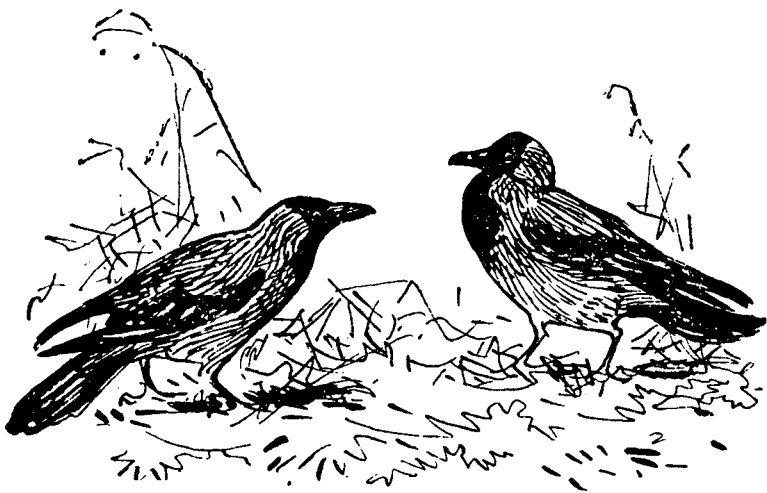
Сорочьи мозги считаются в нашем народе хорошим средством от ревматизма (или ломоты); ими натираются, как мазью, в бане.

В неволе сорока, взятая молодой из гнезда, доставляет много потехи и удовольствия своею смышленностью и переимчивостью. Ест она решительно все: и мясо, и хлеб, и овощи, словом — все сколько-нибудь съедобное, так что выкормить ее очень нетрудно. Она легко выучивается разным фокусам, научается насвистывать песенки и говорить отдельные слова; но ее страсть к блестящим вещам может иногда доставлять и большие неприятности.

ВОРОНА

Не менее, если даже не более, хорошо всем знакомая птица, чем и ее белобокая сестрица. И она является столь же богато одаренною, в особенности, что касается зрения, слуха и обоняния; да и по уму ворона немногим лишь разве уступит ворону и сороке, что бы ни говорили разные басни и поговорки, выставляющие ворону глупой птицей. В ней только немножко меньше хитрости, да, пожалуй, побольше любопытства, чем у ворона и сороки, почему она, может быть, и попадает иногда впросак, несмотря на всю свою смышленность и осторожность.

Наружность вороны, конечно, всем хорошо известна: черные крылья, голова, зоб и хвост, при дымчато-серой

окраске остальных частей тела — вот ее незатейливый наряд, одинаковый как у самца, так и у самки. Фигура вороны довольно неуклюжая, коренастая. Глядя на мерно расхаживающую по двору ворону, так и кажется, что она хочет напустить на себя возможно больше важности, распутив на груди перья и важно кивая головою при каждом шаге; но это ей положительно не удастся, и выходит скорее смешно, чем величественно. Народ наш весьма метко выразил это в пословице: «наряд соколий, а походка воронья».

Водится ворона по всей России. Повсюду она многочисленна и обыкновенна (кроме только некоторых чисто степных местностей) и почти повсюду является птицей оседлой, т. е. живущей круглый год на одном месте.

Ворона, подобно ворону и сороке, птица всеядная: она не брезгует положительно ничем, что хотя скольконибудь съедобно, — будет ли это из царства растительного или животного. Падаль всякого рода, мыши, молоденькие зайчата, птички и их яйца, всякого рода черви и жуки, слизняки, раки, рыба, овощи, фрукты, сыр, творог и прочее, и прочее — все ей годится, если и не все, может быть, одинаково вкусно. Что касается до воров-

ских и разбойничьих наклонностей вороны, как например разорения гнезд, таскания цыплят и других подобных хищнических поступков, то в этом отношении существуют весьма противоречивые мнения. Одни считают ворону положительным воров и разбойником, разоряющим гнезда, таскающим цыплят и т. п., а потому относят ее к вредным, хищным птицам. Другие же говорят, что ворона, хотя и имеет хищнические наклонности, присущие всему вороньему роду, занимается хищничеством далеко не в такой степени, чтобы проистекающий от того вред превысил ту пользу, которую приносит эта птица уничтожением множества вредных тварей, каковы, например, мыши, улитки, черви и разные насекомые. Наконец, некоторые даже вовсе отрицают в вороне вредное хищничество. Кто прав, кто не прав — трудно сказать. Вернее всего, что правы и те, и другие, и третьи. Дело в том, что не во всех местностях и далеко не у всех ворон одинаково проявляются воровские наклонности (не считая страсти к блестящим предметам, кажется, одинаково присущей всем воронам). В одних местностях эти птицы являются несомненными и весьма вредными хищниками; в других — только некоторые отдельные вороны занимаются хищническими делами; наконец, в-третьих, воровская деятельность ворон настолько мала, что почти даже не замечается. Зависит это, по всей вероятности, от большей или меньшей плодородности той или другой местности и от обилия или недостатка в ней разнообразной пищи.

Сводя, в конце концов, воедино все различные мнения о вредности или полезности вороны, вообще придется признать, что в общем вред, причиняемый воронами человеку, значительно перевешивается приносимой ими же пользой, а потому ворона должна быть причислена к числу полезных птиц. В особенности вороны приносят большую пользу земледелию уничтожением так называемого «озимого или ржаного червя», столь пагубного для озимых полей. Само собою разумеется, что из этого вовсе не следует, чтобы ворона всегда и везде заслуживала безусловного охранения. В тех местностях, где вороны заведомо сильно занимаются хищничеством, охотник, например, сделает хорошо, если будет держать их подальше от своего охотничьего округа, в котором он разводит и охраняет дичь. Также следует

держат ее подальше и от птичьего двора, если только она повадится таскать дыплат.

Следует также упомянуть о косвенной пользе, приносимой вороною; она с ожесточением и неутомимо преследует всех хищников — как пернатых, так и четвероногих, издавая при этом особенный, характерный, часто повторяемый крик («крра, крра»). Этим тревожным криком она, во-первых, выдает приближение хищника, а во-вторых, немало также и мешает разбойнической деятельности самих хищников.

Вороны проводят свой день обыкновенно следующим образом.

Просыпаются они очень рано — чуть забрезжится утро. Затем одна из них вылетает на открытое место — на какое-нибудь облюбованное высокое дерево и начинает каркать. На ее голос слетаются с ответным карканьем одна за другою все вороны ближайшей местности и рассаживаются стайей по деревьям. Когда совсем рассветет, вороны одна за другою рассыпаются во все стороны снискивать себе дневное пропитание. Около полудня они обыкновенно отдыхают поодиночке в густых ветвях дерева, а затем после полудня вторично отправляются на разыскивание пищи. К вечеру все вороны одной местности собираются на ночлег в каком-нибудь лесу, роще или большом старом саду. В сумерки всегда можно видеть ворон, слетающихся к одному месту, одиночками и небольшими обществами. Там они рассаживаются кучной стайей на отдельно стоящей, например, у деревенской околицы, группе деревьев, или на церковном куполе, или просто на земле, и поднимают необыкновенный шум и карканье. Можно подумать, что они рассказывают друг дружке различные приключения, случившиеся с ними в течение дня. Затем, будто по команде, вся стая вдруг снимается с места и летит к своему ночлегу, на котором вполне успокаивается лишь с наступлением темноты.

Одно из таких вечерних собраний ворон прекрасно описано нашим известным поэтом Н. А. Некрасовым (в его стихотворении, под заглавием «В деревне»).

«Право, не клуб ли вороньего рода
Около нашего нынче прихода?
Вот и сегодня... ну, просто беда!
Глупое карканье, дикие стоны...

Кажется, с целого света вороны
 По вечерам прилетают сюда.
 Вот и еще, и еще эскадроны...
 Рядышком сели на купол, на крест,
 На колокольне, на ближней избушке;
 Вон у плетня покосившийся шест:
 Две уместились на самой верхушке,
 Крыльями машут... Все то же опять,
 Что и вчера... посидят — и в дорогу!
 Ну, трогайся в путь!
 Вот поднялись и закаркали разом.
 — Слушай, равняйся! — Вся стая летит:
 Кажется, будто меж небом и глазом
 Черная сетка висит»

К выводу птенцов ворона приступает весной довольно рано: в Петрограде около середины марта нередко уже можно видеть ворон, таскающих прутья для починки и постройки гнезд. Гнездо вороны помещается большей частью на дереве, нередко в непосредственной близости от человеческого жилья. В Петрограде даже в небольших садиках, расположенных среди многоэтажных домов, нередко можно видеть ворону, спокойно высиживающую на своем гнезде птенцов, несмотря на неумолкающий ни днем ни ночью городской шум. В апреле в гнезде вороны находятся уже 3—5 яиц, а к середине мая — молодые. Любовь к своим птенцам ворона проявляет самую трогательную. Если какой-нибудь птенчик выпорхнет у нее из гнезда прежде чем выучится летать, то мать тотчас же выдает своим беспокойством то место в траве, где ее птенец находится: она низко летает над ним и тревожно каркает при приближении к этому месту человека или какого-нибудь животного.

Ворону, взятую в дом еще молодым птенчиком, легко вырастить и приручить; даже можно выучить ее говорить несколько слов, но только для этого требуется много терпения.

И ворона, подобно ворону и сороке, послужила предметом для разных пословиц, поговорок и примет, как например: «Сокол с места, ворона на место», «Плох сокол, что ворона с места сбילה»; «Вороне соколом не бывать»; «Ворона за море летала, да вороной и вернулась»; «Вороны каркают стайей — к снегу (летом, к ненастью)»; «Ворона купается — к ненастью (ранней весной — к теплу)». И многое прочее, тому подобное.

Ростом с ворону, только покоренастее, грач еще издали отличается от нее своим сплошь черным цветом; вблизи же черные перья грача отливают очень красивым темно-фиолетовым цветом. Но самым заметным и характерным отличием взрослого грача от остальных членов «черной семьи» является его, как обыкновенно говорят, белый «нос». В сущности же у грача бел вовсе не нос (или, правильнее, клюв), а кожица, покрывающая переднюю часть головы этой птицы и окружающая клюв при его основании; самый же клюв грача такой же черный как и у прочих его черных родственников. Не следует, однако, думать, что грач появляется уже на свет «белососым»: у молодого грача передняя часть головы покрыта черными перышками, так что белого места совсем не видеть; только со временем, от частого ковыряния клювом глубоко в земле, в поисках за разными червями, перышки эти стираются, и обнажается беловатая кожа, которая затем и остается таковою уже навсегда.

Водится грач по всей России, за исключением лишь крайнего севера. Повсюду, где только водятся эти птицы, они держатся тесно сплотившись в стаи, иногда очень большие; стаями же они и гнездятся, образуя так называемые грачиные колонии или грачевники. Вот почему грачей можно встретить не во всякой местности, и не везде грач является обыкновенной птицей. Где есть грачиная колония, там, на несколько верст в округе, беспрестанно, весной и летом, попадают на глаза эти птицы; в других же местностях — одной и той же, например губернии, где нет грачевников, там и грачей почти не видно.

В одном грачевнике можно насчитать иногда до нескольких сот гнезд, помещающихся так близко одно от другого, что нередко на одном дереве их находится до двадцати штук и даже более. Любимыми местами грачиных колоний являются небольшие рощи с высокими, старыми деревьями, или вообще какие бы то ни было группы старых деревьев, окруженные пахотными полями, лугами и огородами. Раз облюбовав себе место для гнездовья, стая грачей из года в год прилетает на него гнездиться, и выжить ее с такого насиженного места очень и очень трудно; даже стрельба из ружей почти не помо-

гает. Лишь упорное, постоянно повторяемое разорение гнезд может, наконец, заставить грачей покинуть место гнездованья и искать другое, более спокойное. Приходится же иногда выживать грачей потому, что то место, в котором поселилась колония грачей, например в саду или в парке, до того загрязняется этими птицами, что к нему и близко-то подойти неприятно.

Почти повсюду в России грач является птицей перелетной, т. е. улетающей на зиму на юг, а весной снова возвращающейся обратно. Исключение составляют только некоторые местности южной России, в которых грач находит для себя подходящие условия к существованию и в зимнее время. Очень далеко на юг эти птицы не забираются во время перелетов. Так, наши северные грачи останавливаются в небольшом числе на зимовку нередко уже в Киевской и других южных губерниях, местные же грачи в то же время отодвигаются дальше на юг.

Возвращаются к нам грачи, можно сказать, с первым дыханием весны. Грач — самая первая наша весенняя, прилетная птица. В средней России эти птицы появляются обыкновенно к 17 марта — дню св. Герасима,

прозванного поэтому Грачевником. Почти тотчас же по прилете начинается починка старых гнезд и постройка новых, причем никогда дело не обходится без ссоры. В одном месте парочка грачей захватила чужое гнездо и храбро защищает его от нападений прежних его владельцев; в другом — у зазевавшихся строителей в несколько минут растаскали по пруту совсем было уже готовое гнездо, к великой досаде и огорчению поздно это заметивших хозяев; в третьем — несколько пар грачей оспаривают друг у друга хорошенькое местечко для нового гнезда и проч., и проч., в таком роде. Разумеется, все эти споры и ссоры сопровождаются криком, шумом и гамом, с самого раннего утра до позднего вечера. Несколько только успокаивается грачиная колония лишь к концу апреля, когда в гнезда уже положено по 4—5 яиц, и грачихи садятся на высиживание. По вылуплении из яиц птенцов на грачевнике снова поднимается шум и гам, еще более сильный, чем прежде, потому что молодые грачата желают кушать и выражают это свое желание весьма разнообразным, но далеко не музыкальным криком. (Старый грач кричит «карр!», а также «кrrа!», или «грра!», откуда и произошло звукоподражательное название грач. Карканье, или, вернее, гарканье грача звучит гораздо короче, басовитее и спокойнее, чем у вороны, которая при карканьи всегда надседается и повторяет его торопливо по несколько раз кряду).

По вылете молодых грачат из гнезда, вся колония отправляется ежедневно, с самого раннего утра, на окрестные поля, где и проводит весь день; при этом в обществе грачей часто можно встретить галок, скворцов и реже ворон. Осенью грачи сбиваются в громадные стаи и отлетают, как было уже сказано, на юг. Чем далее к югу, тем многочисленнее становятся стаи, вследствие примыкания одной стаи к другой. Охотясь однажды, в октябре месяце, в Польше, нам привелось быть свидетелями пролета настолько громадной стаи грачей, что в то время, как передовые птицы уже скрывались за горизонтом, задние только что еще показывались с противоположной стороны небосклона; при этом птицы летели весьма густо, так что казалось, будто через все небо была перекинута узкой полосой черная сетка, двигавшаяся с севера на юг.

Грач, подобно всем прочим членам «черной семьи», питается всякого рода пищей, но только он гораздо менее склонен к пище мясной, чем прочие его родственники вороньего рода. На падаль он идет только лишь в крайнем случае. Особенно, по-видимому, лаком грач на молоденькие всходы и ростки разных хлебных и бобовых растений. Любит он также лакомиться и молодыми стручьями полевого гороха, впрочем, придерживается больше окраин поля, не забираясь далеко в середину. Также и сочные фрукты не совсем застрахованы от грача. Во всех этих случаях грач приносит нам некоторый вред, и сельские хозяева имеют основание быть в претензии на эту птицу и поставить ей кое-что в вину. Также и гнездышко с птенцами, подобно прочим своим родственникам, пожалуй, не прочь он иногда разорить, в особенности если оно ему подвернется, так сказать, на голый зубок.

Но все это, и многое другое, в чем еще может быть повинен перед нами грач, может и должно быть ему прощено за другие его, и очень важные, заслуги, а именно: бродя весной, все лето и большую часть осени, многочисленными стаями, по полям и лугам, грач уничтожает несметное количество разной мелкой твари, и в том числе множество вредной, каковы, например, улитки, разные черви, жуки, гусеницы, личинки и куколки насекомых, мыши и т. п. Множество всяких червей и личинок поедает он, бродя стаями за плугом пахаря и подбирая этих тварей, вывороченных плугом или сохой вместе с глыбами земли. В особенности много попадает ему здесь на зубок столь вредных для всякого растения жирных, белых личинок майского жука (известных у рыбаков под названием сальника). Также и самих майских жуков (хрущей) уничтожает грач во множестве, открыв их где-нибудь на деревьях, где они занимались поеданием листы. Спустившись на такие деревья, стая грачей оберет с них жуков до последнего. При этом птицы разделяют между собой работу таким образом, что, в то время, как одна часть стаи работает наверху, на ветках деревьев, другая уничтожает жуков внизу, подбирая с земли то, что падает на нее сверху, от сотрясения птицами ветвей.

Мы уже видели, что у грача образуется «белый нос» от частого ковыряния в земле, в поисках за червями. Он

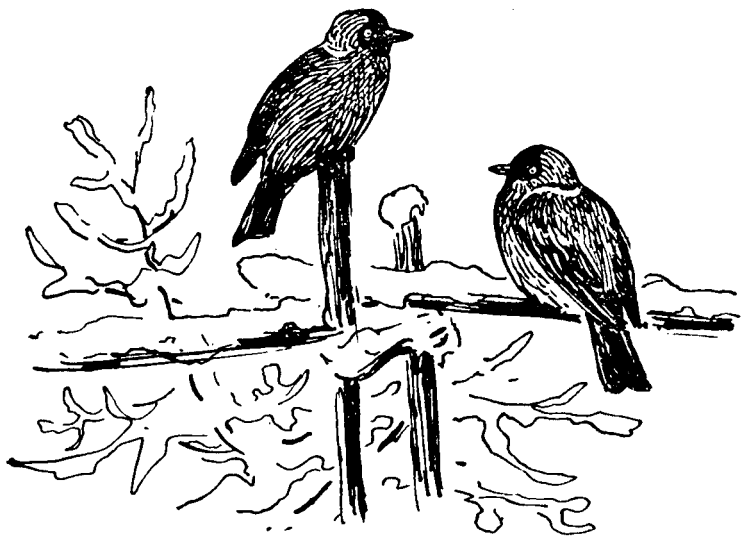
всовывает свой клюв очень глубоко в землю и подолгу иногда в ней копается, выслеживая какого-нибудь червя в его подземном ходе. Это обстоятельство, подмеченное нашим крестьянином, подало повод к тому, что крестьяне говорят, будто на пашне «грач на нос садится...» И тем значительнее польза, приносимая грачом как сельскому, так и лесному хозяйству, что эта птица действует всегда скопом — большим числом, сотенными и даже тысячными стаями. Нам случалось видеть, в подмосковных краях, такие несметные стаи грачей (вместе с воронами и галками) на свежевспаханых полях, что буквально, как говорится, камню негде было упасть, — и эти птицы часами оставались на одном месте. Можно себе представить, какую «очистку» производили они на пашне; да и помет их тут же оставался, а ведь это стоит хорошего навоза! Таким образом, в конце концов, грач хотя и причиняет нам некоторый вред, но пользы приносит несравненно больше, чем вреда, а потому и должен быть причтен, как птица полезная, к числу наших друзей, а не врагов.

В неволе грача редко держат. Хотя взятый из гнезда молодой грачонок и легко выкармливается всем, что падает под руку съедобного, но он далеко не так интересен в неволе, как прочие члены «черной семьи», а также и говорить не выучивается.

В заключение нам остается еще побеседовать о самом младшем члене «черной семьи», каковою является хорошо всем известная галка.

ГАЛКА

Самая маленькая из всего вороньего рода и, после воробья, самая приближенная к человеку птица. «Галка и воробей, как два сапога — пара», говорит наш народ. Нет, кажется, в России такой деревни, села или города, где бы не водилась галка, кроме только крайнего севера, да степных побережий Черного моря. Почти повсеместно у нас она является птицей оседлой, проводящей круглый год на одном и том же месте. По своей черносерой окраске, короткому и толстому клюву, а также по складу и походке, галка ближе всего подходит к вороне; но в то же время она отличается от нее, а также и от

всех остальных членов «черной семьи» — помимо малого своего роста — серебристо-белыми глазами, или, вернее, серебристо-белой радужиной, окружающей черный зрачок глаза.

Галка — птица очень шустрая, ловкая и далеко не глупая. Она очень общительна, не только с себе подобными, но также с грачами, воронами и скворцами, с которыми галку нередко можно встретить в одной общей стае. Она прекрасно летает и по скорости полета превосходит всю остальную свою черную родню. К человеку относится очень доверчиво, что видно уже из того, что она большею частью гнездится в непосредственной его близости и нередко даже в самом его жилище — на чердаке, под застрехой или в дымовой трубе. Галка охотно гнездится также в дуплах деревьев и, изредка, на ветках дерева; при этом иногда ее гнездо помещается рядом с гнездами грачей, с которыми галка вообще находится в весьма дружественных отношениях.

На парочки галки разбиваются еще с осени. Наблюдая зимой за галками, сидящими рядышком на крышах, карнизах домов, трубах и т. п., можно заметить, что они большею частью сидят по двое, парочками. Также и во

время полета стаи галок нетрудно различить отдельные парочки. С наступлением ранней весны галки начинают приниматься за починку и постройку гнезд. В это время часто можно видеть галок, собирающих с земли, под деревьями, сухие прутики, из которых и состоит главным образом гнездо этой птицы. Если же в это время снег еще покрывает землю — что у нас, на севере, бывает нередко,— то в таком случае галки ломают с деревьев отсохшие веточки, а за недостатком таковых — и свежие. В последнем случае им приходится порядочно-таки повозиться, так как свежую ветку не особенно легко отломать от дерева. Нередко можно видеть, как галка, упиравшись лапками в снег и захватив клювом веточку, с уморительными усилиями старается оторвать ее от низко свесившегося с дерева сука.

Устроив гнездо из прутиков, галочка выкладывает его внутри перьями, тряпочками, волосами и кладет в него 4—6 яиц.

В некоторых местностях России крестьяне пользуются галкой, как насадкой. Деревенские куры, вследствие плохого содержания, садятся на яйца очень поздно; поэтому, чтобы получить ранних цыплят, когда галка нанесет в свое гнездо полное число яиц, их выбрасывают и кладут туда два куриных. Не подозревая обмана, галочка усердно сидит на них. Но надо видеть ее удивление и беспокойство, когда из яиц выклюнутся цыплята! За галкой в это время следят и тотчас же отбирают у нее цыплят, иначе она заклюет их. У крестьянок есть поверье, что такие цыплята крепче высиженных курицей.

Голос галки всем, конечно, хорошо знаком. Самое название этой птицы есть звукоподражательное, под ее крик. При полете галка часто выкрикивает свое имя: «гал-ка, гал-ка», а также и каркает по-вороньему. Весной, когда парочка галок, сидя, благодушествует, она очень мило болтает, вполголоса, на разные лады.

Галка всем бы была милая птица, если бы не ее дурная привычка блудить весной по огородам и садам. Чуть появятся на грядках всходы бобов и гороха, как галки уже тут как тут, и давай ощипывать один росток за другим. Если им не сделать в этом деле никакой помехи, то так-таки и обчистят все гряды — вдоль и поперек. Также и фруктовым садам достается от галок, когда начинают созревать вишни и сливы, до которых эти птицы

большие лакомки. По этим своим делам галка заслуживала бы быть причисленною к вредным птицам; но, по счастью, за нею числятся также и немаловажные заслуги, а именно: следуя стаями, подобно грачам, за плугом пахаря, галки уничтожают множество вредных тварей, а также поедают на полях, лугах, садах и огородах множество вредных червей, жуков, улиток и немалое количество мышей. Так что, принимая во внимание эту полезную работу, следует признать, что вред, приносимый галками, вполне покрывается — если даже не перевешивается — приносимою ими же пользой, не говоря уже про то приятное оживление, которое вносят галки в нашу северную природу в зимнее время. На огородах же их можно отпугивать установкой так называемых пугал.

Вынутый из гнезда галчонок легко выкармливается, так как он ест почти все сколько-нибудь съедобное. Он легко и скоро приручается, отлично умеет узнавать своего хозяина, которого всюду сопровождает и на голос которого прилетает издалека. Вообще, ручная галочка доставляет много забавы и удовольствия своему хозяину.

И галка как птица, постоянно находящаяся перед глазами у народа, послужила предметом для некоторых пословиц и поговорок, как например: «Ждала сова галку, а выждала палку», или: «Деньги что галки, все в стаю сбиваются».

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

От издательства	5
Д. Н. Кайгородов — ученый, певец и за- щитник природы	7
Дерево	18
У камина	23
Чернолесье	29
Сосна	31
Под снегом	38
Лесная сказка	41
Цветочный календарь	49
Грибы	52
Василек : : :	57
Вербa	61
Пузырчатка	65
Осенняя картиночка	66
Белка	68
Дятел	72
Клест	81
Совы :	88
Белая трясогузка	95
Кукушка	98
Иволга	108
Варакушка :	112
Вальдшнеп	116
Овсянка	122
Яблык	125
Синицы : :	134
Цапля	139
Скворец : :	141
Соловей :	148
Ласточки	154
Стриж	163
Снегирь	166
Жаворонки	172
Воробьи : :	180
Черная семья	189